

*Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады*

США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Научный и общественно-политический журнал

2021

№ 12 (624)

Декабрь

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год

ISSN 2686-6730

Журнал издаётся под руководством

Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН

Главный редактор

А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва, Россия); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва, Россия); Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва, Россия); К.И. Косачёв (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва, Россия); Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва, Россия); В.П. Лукин (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); М.Г. Носов (Институт Европы РАН, Москва, Россия); О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва, Россия); А.Н. Панов (МГИМО, Москва, Россия); А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); М.А. Портной (ИСКРАН, Москва, Россия); С.М. Рогов (ИСКРАН, Москва, Россия); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва, Россия); В.Б. Супян (ИСКРАН, Москва, Россия); Т.А. Шаклеина (МГИМО, Москва, Россия); Том Грэм (Ассоциация Киссинджера, Нью-Йорк, США); Пан Давэй (Шанхайская академия общественных наук, Шанхай, КНР); Нобуо Симотомаи (Университет Хосэй, Токио, Япония) Анжела Стент (Джорджтаунский университет, Вашингтон, США); Кадзухико Того (Университет Киото Сангё, Киото, Япония).

Номер готовили:

В.С. Аничкина; В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;
Е.К. Рогульская (заведующая редакцией); А.С. Степанов; Н.А. Счётчикова.

Москва

© Российская академия наук, 2021
© Институт США и Канады РАН, 2021
© Редколлегия журнала «США & Канада»
(составитель), 2021

*Russian Academy of Sciences
Institute for the U.S. and Canadian Studies*

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2021

No. 12 (624)

December

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global
Problems and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow, Russia); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); K. Kosachev (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow, Russia); V. Lukin (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); M. Nosov (The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Panov (MGIMO, Moscow, Russia); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); M. Portnoi (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Rogov (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); V. Supyan (ISKRAN, Moscow, Russia); T. Shakleina (MGIMO, Moscow, Russia); Thomas Graham (Kissinger Associates, Inc., New York, USA); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China); Nobuo Shimotomai (Hosei University, Tokyo, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan).

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2021

© Institute for the U.S. and Canadian
Studies (ISKRAN), 2021

© Editorial Board of "USA & Canada"
(compiler), 2021

Содержание

2021, № 12 (624)

Шведова Н.А. Здравоохранение в США и COVID-19: борьба продолжается...	5
Гегелашвили Н.А. Приоритетность стран постсоветского пространства в политике администрации Дж. Байдена.....	18
Степанова Н.В., Честнягина К.С. Гендерное измерение в сфере национальной безопасности США при администрации Дж. Байдена	31
Солянова М.В. Новейший этап политики Канады в отношении КНР: переход к противостоянию?.....	44

Вопросы теории

Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Связь расовой идентичности и языка в американской идеологии.....	61
--	-----------

Размышляя над прочитанным

Юнгблюд В.Т. Политический мейнстрим или прощальный марш аутсайдеров?...	76
--	-----------

Экономические обзоры

Дмитриев С.С. «Американский план создания рабочих мест» с антикитайским акцентом.....	86
--	-----------

Комментарии

Воробьёв Д.Н. Идейные истоки движения «Жизни чёрных имеют значение» ...	101
--	------------

Справки

Акимов Ю.Г., Минкова К.В. Восьмые Канадские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете	115
--	------------

Содержание журнала за 2021 год	119
---	------------

Михаил Анатольевич Портной	127
---	------------

Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов, которая может не совпадать с мнением редколлегии журнала.

Любое использование публикаций журнала в коммерческих целях, включая перепечатку или перевод на иностранные языки, без письменного согласия редакции не допускается.

Ссылка на журнал при цитировании или частичном использовании текста публикаций обязательна.

Contents

2021, No. 12 (624)

Shvedova N.A. Health Care in the United States and COVID-19: the Fight Continues.....	5
Gegelashvili N.A. U.S. Foreign Policy Priorities for Post-Soviet Countries during the Biden Administration	18
Stepanova N.V., Chestnyagina K.S. The Gender Issue in the National Security Sphere under the Biden Administration	31
Solyanova M.V. The Latest Stage of Canada's Policy Towards China: Transition to Confrontation?.....	44

Theory Issues

Marusenko M.A., Marusenko N.M. The relationship of racial identity and language in American ideology	61
---	-----------

Reader's Deliberations

Yungblud V.T. Political mainstream or a farewell march of outsiders?.....	76
--	-----------

Economic Survey

Dmitriev S.S. "American Jobs Plan" with an Anti-Chinese Accent.....	86
--	-----------

Comments

Vorobyev D.N. Ideological Origins of the Black Lives Matter Movement.....	101
--	------------

Background Material

Akimov Yu.G, Minkova K.V. Eighth Canadian Studies Conference at St. Petersburg State University.....	115
Contents-2021	123
M.A. Portnoy	127

УДК 323

DOI: 10.31857/S268667300017537-0

Здравоохранение в США и COVID-19: борьба продолжается

Н.А. Шведова

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6639-6392>

e-mail: n.shvedova2015@yandex.ru

Резюме: Пандемия COVID-19 оказала глубокое влияние на Соединённые Штаты и на весь мир. Августовский опрос Службы Гэллага (02–17.08.2021) был проведён на фоне резкого подъёма заболеваемости коронавирусом COVID-19 из-за его нового высокоинфекционного штамма «дельта». Результат показал существенный рост доли американцев, называющих коронавирусную инфекцию в качестве наиболее важной проблемы, с которой сталкивается страна, потому что этот показатель удваивается, а сама тема вновь становится самой упоминаемой. Американские специалисты, признавая нынешнюю волну заболеваемости в стране, отмечают её «непохожесть» на предыдущие волны. Другой опрос («Вашингтон пост», 29.08–1.09.2021) [1] подчёркивает: подъём заболеваемости коронавирусом варианта «дельта» вызвал резкий всплеск общественных опасений по поводу заражения, подорвал доверие к руководству президента Дж. Байдена и возобновил разногласия относительно необходимости вакцинирования и использования масок.

Ключевые слова: Пандемия COVID-19, штамм «дельта», центры по контролю и профилактике заболеваний, «Путь выхода из пандемии»

Для цитирования: Шведова Н.А. Здравоохранение в США и COVID-19: борьба продолжается. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2021; 51(12): 5–17.

DOI: 10.31857/S268667300017537-0

Благодарности: Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Health Care in the United States and COVID-19: the Fight Continues

Nadezda A. Shvedova

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3, Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6639-6392>

e-mail: n.shvedova2015@yandex.ru

Abstract: The COVID-19 pandemic has had a profound impact on the United States and the world. If, as of May 2021, there are more than 33 million Americans in the United States, i.e. each of 10 were infected with severe acute respiratory coronavirus 2 (SARS-CoV-2), which was confirmed by relevant documents, then on August 5 of this year, 35 392 660 confirmed

cases of the disease were recorded in the country (200 670 720 worldwide), 615 144 confirmed deaths in the United States (4,263,828 worldwide) and 347,907,126 vaccine doses administered in the United States (4,303,303,528 worldwide). Moreover, it is noted that the true percentage of the infected population may never be known with certainty, given the large proportion of unreported cases, but this number is likely significantly higher than the number reported in official reports. The figures testify to the scale of the existing acute crisis state of affairs in the sensitive social sphere - health care, which is difficult to isolate into one segment of the life of society and the country.

The August Gallup poll (August 2-17, 2021) was conducted against the backdrop of a sharp resumption of the coronavirus pandemic due to its highly infectious delta variant. The result showed a significant increase in the proportion of Americans citing COVID-19 as the most important problem facing the country, because this part is doubling and the topic itself is again becoming the most cited common for all.

Recognizing the current surge in the incidence in the country, it is noted that it is "unlike" any previous wave, it is emphasized that the two-month surge in the "delta variant" coronavirus has caused a sharp increase in public fears about the infection, undermined the credibility of the leadership of President J. Biden and renewed disagreements over authority over vaccines and masks. At the same time, the Biden - Harris democratic administration is making dynamic efforts to combat the coronavirus pandemic in its new round, laying guarantees for the upcoming overcoming of possible tests.

Keywords: Pandemic COVID-19, "delta-variant" of SARS-Cov-2, The American Rescue Act, Centers for Disease Control and Prevention (CDC), Path out of the Pandemic

For citation: Shvedova N.A. Health Care in the United States and COVID-19: the Fight Continues. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2021; 51 (12): 5-17.

DOI: 10.31857/S268667300017537-0

Acknowledgements: The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

ВВЕДЕНИЕ

Если по состоянию на май 2021 г. в США более 33 миллионов американцев (то есть каждый десятый) были инфицированы тяжёлым острым респираторным коронавирусом – 2 (SARS-CoV-2 – ОРВИ-КОВ-2), что было подтверждено соответствующими документами [2], то 5 августа текущего года в стране было зафиксировано 35 392 660 подтверждённых случаев заболевания (200 670 720 по всему миру), 615 144 смертельных случаев от него в США (4 263 828 – по всему миру) и 347 907 126 доз вакцины, введённых в США (4 303 303 528 во всём мире). Мрачная веха пандемии – один из пятисот американцев умер от COVID-19 [3]. Цифры свидетельствуют о масштабах острокризисного положения дел в чувствительной социальной сфере – здравоохранении, которую трудно вычленишь в один отчуждённый сегмент жизни общества и государства.

Проблемы здравоохранения и борьбы с пандемией оказались в приоритетах 46-го президента США Дж. Байдена в силу понятных объективных обстоятельств как в период президентского марафона, так и в «традиционные первые сто дней правления» победившей Демократической партии на выборах 2020 г. [Шведова Н.А., 2021]. Цифры по состоянию на январь 2021 г. свидетельствовали: в США проживает лишь 4% населения земного шара, а на страну приходится 25% случаев заболевания COVID-19 в мире и 20% всех летальных исходов от коронавируса [4]. План из 12-ти исполнительных мер, подготовленный президентом Дж. Байденом для решения главного пункта в повестке, – обуздания пандемии COVID-19 – был безотлагательно принят. Бюджетный план Дж. Байдена предусматривал значительное увеличение финансирования здравоохранения, образования, мер по защите окружающей среды.

Уже к концу мая 2021 г., с двухмесячным опережением собственного плана, администрации удалось создать достаточно доз вакцины для каждого взрослого американца. А ранее (08.03.2021) в руководстве для вакцинированных американцев, выпущенном центрами по контролю и профилактике заболеваний, пожилым родственникам было разрешено встречаться. Известно, что президент Дж. Байден подписал закон «О новом коронавирусном спасении» (*The American Rescue Act*) (март 2021 г.), который предусматривал выделение 1,9 трлн долл. на помощь в борьбе с пандемией, предоставив многим американцам чеки на сумму 1400 долл., увеличивал выплаты по безработице и вводил другие программы, нацеленные на преодоление кризисного экономического тупика [5].

Открытие федерального страхового сайта *Healthcare.gov* на фоне пандемии коронавируса – среди первостепенных мер: объявлен специальный период регистрации для «Обамакэр», федеральных рынков, торгующих планами медицинского страхования в соответствии с этим законом, снижены барьеры для присоединения к программе медицинского вспомоществования «Медикейд». Архيوострая потребность американцев получить медицинскую страховку в ситуации пандемии обретала всё более мрачное звучание, поскольку она парализовала доступность к медицинскому обслуживанию, лишив миллионы американцев страхового медицинского покрытия вместе с потерей работы в результате экономических кризисов.

Администрация Дж. Байдена обращает серьёзное внимание на развитие телемедицины, что нашло отражение в инвестициях в эту область более 19 млн долл. для её расширения по всей стране с целью повышения качества медицинского обслуживания в сельских общинах и других местах, где это необходимо [6]. 18 августа 2021 г. было объявлено об основных инвестициях в отрасль, которые позволят укрепить услуги телемедицины в сельских и малообеспеченных общинах (что работало на снятие остроты социального напряжения), а также стимулировать инновации и качество телемедицины по всей стране.

Таким образом, знаковыми точками в относительно краткой хронологии событий в период пандемии были: середина зимы 2020 г., когда вакцины появились и начали действовать; конец лета – достигнут самый низкий уровень забо-

леваемости с начала пандемии. С осени 2020 г. по май 2021 г. в стране разворачивалась драматическая и нелёгкая борьба с COVID-19, которая не преминула сказаться позитивными результатами, что дало основание президенту Дж. Байдену произнести речь (май 2021 г.), которая была воспринята как декларация победы. (Ранее для вакцинированных уже было отменено требование о необходимости носить маски в помещении.)

В ходе реализации планов возникали и непредвиденные проблемы. Так, распространение вакцины замедлялось из-за логистических трудностей [7], достаточно заметного отрицания вакцинации, особенно в так называемых республиканских штатах. Хотя закон гарантировал бесплатность вакцинации независимо от страхового статуса, однако нередко американцы получали счета за введение вакцины против COVID-19, что вызывало явное недовольство среди населения.

В целом, администрации удалось переломить ситуацию к лучшему, что нашло отражение в повышении рейтинга одобрения работы Дж. Байдена: опросы в марте 2021 г. фиксировали 60% его поддержки [8].

Однако два месяца спустя, в начале июля 2021 г., штамм «дельта» начал своё «победное шествие» по стране, а уже в августе был зафиксирован четвёртый всплеск заболеваемости: США снова «петляют по спирали пандемии», число случаев заболевания и госпитализаций растёт, маски внутри помещения возвращаются в школы и университеты.

Причины новой вспышки пандемии COVID-19, по мнению многих медицинских экспертов, скрыты в недооценке скорости распространения штамма «дельта», что тесно увязано с отсутствием знаний о полноте последствий от него. Дело в том, что исходный вирус SARS-CoV-2 или RO имел «базовый номер размножения от 2 до 3». Иными словами, каждый носитель инфекции распространяет её на двух или трёх человек. Эти средние цифры следует осмыслить в практическом русле с учётом распространения вируса неравномерными всплесками, что означает: относительно небольшое число людей заражает их большие скопления.

Есть и другие точки зрения. Так, центры по контролю и профилактике заболеваний (*Centers for Disease Control and Prevention – CDC*) оценивают исходный вирус SARS-CoV-2 или RO «дельты» как «находящийся между 5 и 9 номерами размножения». Это означает, что многие люди, заразившиеся оригинальным вирусом, никому его не передавали, но большинство людей, подхвативших «дельту», создают «кластеры инфекции». По мнению специалистов, эта характеристика штамма «дельта» отчасти объясняет рост взрывоопасных случаев, а также достаточно высокую вероятность превращения вируса в постоянного спутника жизни людей, хотя вакцины притупят его способность вызывать тяжёлые осложнения и смерть [9]. При этом имеет значение степень и охват вакцинацией всего населения страны.

В 2020 г. многие американцы были довольны: вакцины против COVID-19 появились; распространение вакцин достигло пика. В июне 2021 г. на фоне позитивных новостей о борьбе с пандемией в США и оптимизма в отношении будущего заболеваемость коронавирусной инфекцией упала до самого низкого

уровня (8%) – лишь столько опрошенных американцев всё ещё выражали озабоченность с начала пандемии. К июлю, когда число случаев заболевания выросло, а опасения по поводу штамма «дельта» усилились, 12% взрослых американцев назвали COVID-19 главной проблемой страны. А в августе их количество составило уже 26% (45%-ный максимум был достигнут в апреле 2020 года) [10].

Не удивительно, что удовлетворённость американцев тем, как идут дела в США, упала до 23%, что означало снижение на 7 процентных пунктов по сравнению с июлем 2021 г. и стало самым низким показателем с тех пор, как президент Дж. Байден вступил в должность. Отношение американцев к проблемам страны отличается по линии партийных симпатий. Демократы и независимые ссылаются на COVID-19 чаще, чем на любую другую проблему (демократы гораздо чаще делают это – соответственно, 41% против 24%). Упоминания республиканцев о COVID-19 ниже (12%) и практически не изменились по сравнению с предыдущим месяцем. Их главными проблемами являются правительство (24%) и иммиграция (23%).

МЕРЫ АДМИНИСТРАЦИИ Дж. БАЙДЕНА

14 июля 2021 г. генеральный директор Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) Тедрос Аданом Гебрейесус заявил о начале новой волны пандемии COVID-19 в мире, подчеркнув, что индийский вариант коронавируса «дельта» – один из главных факторов роста показателей передачи инфекции. А 23 июля 2021 г. ВОЗ сообщала, что пандемия коронавируса далека от завершения.

Передача SARS-CoV-2 регистрировалась в США с начала 2020 г., и по состоянию на 13 августа 2021 г. было зафиксировано примерно 36,3 миллиона случаев заболевания COVID-19. При этом специалистами отмечается, что в обычных отчётах о случаях заболевания COVID-19, вероятно, недооценивается общее число заболевших, поскольку люди с лёгким или бессимптомным течением заболевания могут не быть идентифицированы или проверены [11].

1. Считается, что по меньшей мере 70% населения США должны были бы пройти полную вакцинацию для достижения коллективного иммунитета. Центры по контролю и профилактике заболеваний сообщили, что по состоянию на 13 августа 2021 г. более половины населения США было полностью вакцинировано [11]. По подсчётам газеты «Вашингтон пост», число американцев, которым сделали хотя бы один укол, составляет 208,3 миллиона, а число полностью вакцинированных – 177,4 миллиона из примерно 280 миллионов человек, имеющих право на вакцинацию (по состоянию на 10 сентября 2021 года) [12].

2. С учётом масштабов населения США (свыше 330 миллионов), глубоко и широко укоренившейся региональной автономии и доминирующего партийного влияния в определённых штатах, разнообразия и специфики культурно-психологических и национально-этических характеристик, создание коллективного иммунитета далеко не простая задача, с которой столкнулись власти. Скорость имеет значение: чем быстрее будет достигнут коллективный иммунитет,

тем больше человеческих жизней будет спасено – преобладающая точка зрения медицинских экспертов. Администрация Дж. Байдена проводила энергичную агитацию за вакцинацию. «Мы воюем с вирусом уже долгое время, более полутора лет. Мы были в состоянии войны с вариантом “дельта” в течение последних двух месяцев». По словам пресс-секретаря президента, администрация стимулировала частный сектор, в том числе учреждения здравоохранения и дома престарелых, поощрять большее число людей к вакцинации, что оказалось «плодотворным» [13].

Три исследования, результаты которых были опубликованы летом 2021 г. центрами по контролю и профилактике заболеваний, подчёркивали значение вакцинации. В частности, в них говорилось, что невакцинированные в 10 раз чаще попадали в больницу с COVID-19 и в 11 раз чаще умирали от него по сравнению с полностью вакцинированными людьми, что эффективность вакцины несколько снижалась по мере того, как штамм «дельта» становился доминирующим, но оставалась на 80% эффективной в предотвращении госпитализаций и смертей. Указывалось также на то, что вакцина Moderna обладает более высокой эффективностью по сравнению с Pfizer-BioNTech или Johnson & Johnson, хотя все три вакцины хорошо защищают от тяжёлого течения болезни [4].

13 июля 2021 г. в США было опубликовано Заявление многих сообществ о вакцинации против коронавирусной болезни 2019 г. (COVID-19) как условия трудоустройства медицинского персонала [14]. Документ представлял собой выражение согласованной позиции, сформулированной профессиональным медицинским сообществом, в число которого вошли такие организации, как Общество эпидемиологии здравоохранения Америки (*The Society for Healthcare Epidemiology of America*), Общество медицины после острой и долгосрочной помощи (*The Society for Post-Acute and Long-Term Care Medicine*), Ассоциация специалистов в области эпидемиологии и инфекционного контроля (*The Association for Professionals in Epidemiology and Infection Control*), Медицинская ассоциация по ВИЧ (*The HIV Medicine Association*), Американское общество инфекционных заболеваний (*The Infectious Diseases Society of America*), Общество детских инфекционных заболеваний (*The Pediatric Infectious Diseases Society*) и Общество фармацевтов по инфекционным заболеваниям (*The Society of Infectious Diseases Pharmacists*).

Главная мысль заявления – вакцинация от коронавирусной болезни 2019 г. (COVID-19) должна быть условием трудоустройства всех медицинских работников в учреждениях в Соединённых Штатах. Исключения допускаются для лиц, имеющих медицинские противопоказания ко всем вакцинам против COVID-19, доступным в США, и другие исключения, предусмотренные федеральным законодательством или законодательством штата. Также поддерживается вакцинация против COVID-19 лиц, не занятых в медицинском учреждении (например, студентов, контрактных работников, волонтёров и др.).

3 сентября 2021 г. Белый дом обнародовал план на 65 млрд долл. по повышению готовности страны к пандемии и призвал Конгресс выделить 15 млрд долл. на эти цели в рамках своего основного законопроекта о расходах. А через два

дня (5 сентября 2021 г.) доктор Энтони Фаучи, главный медицинский советник президента Дж. Байдена (*The Chief medical adviser to President Biden*) сообщил о возможной неготовности бустерных прививок для американцев, получивших двухдозную вакцину *Moderna* от COVID-19, к 20 сентября 2021 г. Ранее администрация заявила о начале вакцинации дополнительными прививками для взрослых именно в этот период [15].

«ПУТЬ ВЫХОДА ИЗ ПАНДЕМИИ»

9 сентября 2021 г. президент Дж. Байден объявил о своей новой инициативе «Путь выхода из пандемии» (*"Path out of the Pandemic"*) – дорожной карте об обязательной вакцинации персонала во всех медицинских учреждениях, которые получают федеральное финансирование, в рамках нового масштабного плана по борьбе с коронавирусом. Президент заявил: «Речь идёт не о свободе и личном выборе. Речь идёт о защите себя и окружающих. Суть в том, что мы собираемся защитить вакцинированных работников от невакцинированных коллег» [16].

Администрация Дж. Байдена выступила с новым пакетом предложений через два месяца после того, как во время празднования Дня независимости США (4 июля) Дж. Байден заявил о близкой победе страны над пандемией. Череду объективных обстоятельств заставила администрацию США сменить победный тон на поиск чёткого курса преодоления кризиса. Во-первых, число случаев, вызванных более заразным штаммом «дельта», резко подскочило. Во-вторых, заметно повысилось беспокойство по поводу вспышек COVID-19 в школах, где дети в возрасте до 12 лет остаются непривитыми. В-третьих, активизировалась критика в адрес центров по контролю и профилактике заболеваний за сбивчивые сообщения, включая «резкие рекомендации» людям снова носить маски в помещении, и публикацию множества сбивающих с толку данных о последствиях так называемых «прорывных случаев COVID-19». В-четвёртых, следует помнить, что борьба с пандемией в преддверии промежуточных выборов 2022 г. – весомый аргумент в руках демократов, стремящихся сохранить полный контроль над Конгрессом США также и следующего созыва.

Новый план Дж. Байдена по обузданию пандемии в США состоит из шести частей, которые содержат распоряжение о прохождении вакцинации всеми федеральными работниками исполнительной власти [16]. Новая мера защитит пациентов 50 000 поставщиков медицинских услуг и более 17 миллионов медицинских работников в сертифицированных учреждениях программ «Медикэр» и «Медикейд» [17].

Распоряжение правительства об обязательном вакцинировании федеральных работников против COVID-19 без возможности регулярного тестирования в качестве альтернативы – это один из центральных элементов инициативы Дж. Байдена. Его новизна заключается в том, что ранее президент призывал федеральных служащих вакцинироваться или следовать целому ряду ограничений. По этому поводу пресс-секретарь Белого дома Джен Псаки пояснила: «Федеральная рабочая сила является одной из крупнейших в стране, и мы хотели бы быть об-

разцом того, что, по нашему мнению, должны делать предприятия и другие организации по всей стране. Если вы хотите работать с федеральным правительством или быть подрядчиком, вам необходимо пройти вакцинацию» [16]. Назначен срок для выполнения требования – 75 дней (ограниченные исключения признаются).

Министерство труда и Администрация по охране труда и гигиене труда (*The Department of Labor and the Occupational Safety and Health Administration*) разрабатывают правила для работодателей, у которых свыше ста работников, о прохождении вакцинации или регулярного тестирования. Работодатели обязаны предоставить работникам оплачиваемый отпуск для вакцинации. За несоблюдение грозят штрафы в размере до 14 тысяч долларов.

Центры для программ «Медикэр» и «Медикейд» в сотрудничестве с центрами по контролю и профилактике заболеваний США объявили о расширении чрезвычайных положений, требующих вакцинации для пожилых работников за счёт включения больниц, отделений диализа, поставщиков медицинских услуг по хирургии и оказания медицинского обслуживания на дому, в частности, в качестве условия для участия в программах «Медикэр» и «Медикейд». Это решение было основано на продолжающемся и растущем распространении вируса в медицинских учреждениях, особенно в некоторых районах США с более высокой заболеваемостью COVID-19 [17].

Администрация обязуется компенсировать любые зарплаты или финансирование, если правительства штатов отказали в помощи школам, которые пытаются внедрить меры безопасности против COVID-19. Кроме того, президент призвал губернаторов обеспечить вакцинацию всех учителей и персонал учебных заведений, а также поощрять школы к введению режимов регулярного тестирования. Предусматривается проведение вакцинации примерно 300 тысяч сотрудников программ (*Head start*) компенсаторного обучения в США и работающих в школах под юрисдикцией федеральных агентств. Запланировано выделение примерно 2 млрд долл. на покупку 280 миллионов безрецептурных тестов у нескольких производителей диагностических средств «для поддержки тестирования в медицинских учреждениях долгосрочного ухода, на общественных испытательных площадках и в других местах». Тем не менее остаётся неясным, насколько быстро администрация сможет обеспечить проведение экспресс-тестов, которых не хватало из-за огромного спроса на продукцию [16].

РЕАКЦИЯ НА НОВОВВЕДЕНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БАЙДЕНА

Безотлагательно последовала критика со стороны несогласных, что и предвидела администрация Дж. Байдена. Замечание пресс-секретаря Белого дома свидетельствует об этом: «Мы понимаем, что будут возражения, будут опасения, будут критические замечания, но наша роль здесь заключается в спасении жизней, и мы приветствуем обратную связь и участие, но мы будем оставаться верными нашей цели» [16]. Конечно, единодушная и однозначная реакция вряд ли ожидалась в обстоятельствах прицельной работы политических игроков – демократов и рес-

публиканцев – на промежуточные выборы 2022 г. В то же время заболеваемость коронавирусной инфекцией в настоящее время, как и тревожные ожидания четвёртой волны пандемии с её непредсказуемыми последствиями, подталкивали к решительным действиям с целью преодоления кризисной ситуации.

С известной степенью условности можно выделить несколько групп. Многие демократические лидеры поддерживают инициативу президента, подчёркивая её эффективность и защиту для населения, которые предлагает иммунизация. Например, губернатор штата Орегон Кейт Браун считает, что новые меры приведут Соединённые Штаты «на путь выхода из пандемии» [18]. В кругах бизнеса существует широкая поддержка новых мер администрации. Так, президент Делового круглого стола (*The Business Roundtable*), группы, в которую входят «Шеврон» (*Chevron*), «Катерпиллар» (*Caterpillar*) и некоторые другие крупные компании, поддержал нововведения администрации президента. Официальные лица «Амазон» (*Amazon*) также приветствовали их. А Торговая палата США (*The U.S. Chamber of Commerce*) выступила с нейтральным заявлением.

Лидеры республиканцев подрывают новые широкие полномочия президента Дж. Байдена по вакцинации против коронавируса для предприятий и федеральных работников, осуждая их как неконституционные нарушения личных свобод и обещая подать в суд. Председатель Республиканского национального комитета Ронна Макдэниел назвала новые меры «неконституционными» и заявила, что «подаст в суд на администрацию, чтобы защитить американцев и их свободы». Губернаторы-республиканцы таких штатов, как Вайоминг, Джорджия, Южная Дакота, Техас, Миссури и ряда других, также пообещали встретиться в суде. В лагере оппозиции планам Дж. Байдена представители малого и независимого бизнеса опасаются, что новые меры могут помешать восстановлению компаний и свободному предпринимательству. Так, губернатор Техаса Грэг Эббот назвал нововведения «нападением на частный бизнес» и «захватом власти» и также пригрозил судебным разбирательством [18].

Американская федерация государственных служащих (АФГС) (*The American Federation of Government Employees*), крупнейший профсоюз федеральных служащих, оказалась в стане противников более строгого мандата, хотя она «настоятельно рекомендовала» своим членам пройти вакцинацию и считает, что это необходимо для защиты работников и борьбы с пандемией. Президент АФГС Эверетт Келли заявил, что изменение политики «должно быть согласовано с его переговорным подразделением». Администрация парировала, сообщив, что провела «целый ряд консультаций с профсоюзами», включая АФГС, за последние несколько месяцев. Критики выражают сомнение в отношении способности администрации Дж. Байдена справиться с задачей заставить школьные округа, которые ещё не внедрили тестирование, сделать это: лишь 1602 учреждения зарегистрировались для участия в отдельной федеральной программе стоимостью 650 млн долл. по организации тестирования в региональных координационных центрах, в школах и в местах скопления людей, таких как приюты для бездомных [16].

Президент Дж. Байден демонстрирует стойкость к критике, заявляя: «Явное меньшинство американцев, поддерживаемое явным меньшинством выборных должностных лиц, не даст нам свернуть с пути... Такое отношение к пандемии... ведёт к заражению людей... Невакцинированные люди умирают... Если губернаторы не помогут нам победить пандемию, я использую свою президентскую власть, чтобы убрать их с дороги» [18].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новый план президента Дж. Байдена, нацеленный на борьбу с коронавирусом *COVID-19* в развивающейся фазе заболевания, свидетельствует о продолжающемся процессе и представляет собой попытку уверенного расширения усилий администрации по обузданию пандемии. Обнародованный президентом документ – дорожная карта «Путь выхода из пандемии» – содержит новые инициативы, направленные на повышение уровня вакцинации и доступа к тестированию, сохранение открытых школ, расширение требований к использованию масок и улучшение ухода за пациентами с *COVID-19*. В совокупности он представляет собой не только попытку резкого скачка усилий администрации по борьбе с пандемией, для научного осмысления которой и поиска средств защиты от которой требуется время, но и реализацию комплексного подхода к решению проблем важнейшей сферы социальной деятельности государства – здравоохранения.

Если ещё в декабре 2020 г. президент Дж. Байден скептически относился к требованиям о вакцинации, то осенью 2021 г. он уже стремился к тому, чтобы «все крупные предприятия в Соединённых Штатах навязывали своим сотрудникам мандат о вакцинации или заставляли их показывать отрицательный результат анализа один раз в неделю». Смена позиции связана с неудавшейся попыткой убедить людей пройти вакцинацию, поскольку штамм «дельта» привёл к резкому росту числа заболевших. Сегодня в арсенале администрации Дж. Байдена устрашающий аргумент – «дельта» всё больше угрожает жизни американцев. Потери от пандемии превышают «все боевые потери Соединённых Штатов во всех войнах XX века» [13].

В научном сообществе США ширятся представления о том, что пандемия заканчивается, однако она ещё не закончилась, особенно в глобальном масштабе. Лишь 16% населения земного шара полностью вакцинировано, а многие страны – с 1% вакцинированного населения, получившего лишь разовую дозу. Цель в настоящее время – «выйти в финал с меньшим ущербом, минимизацией смертельных исходов и предотвращением инвалидности... Не допустить, чтобы SARS-CoV-2 снова поставил страну на колени». Пандемия заканчивается только с появлением почти у всех иммунитета, который сложится в результате вакцинации либо если непривитые переболели и выжили. Тотальный иммунитет прекращает цикл скачков, что, в свою очередь, остановит пандемию. Новый коронавирус станет эндемичным, то есть спутником в жизни человека, подобным «четырёх другим, которые вызывают распространённые простудные заболева-

ния» [9]. Проблема потеряет свой драматизм из-за исчезновения её новизны и, главное, когда люди перестанут быть иммунологически уязвимыми.

Однако проблема сама по себе не решится – она требует безотлагательных действий, что осознаёт администрация Дж. Байдена, прибегающая к значительному применению рычагов исполнительной власти на частный сектор, которое неизбежно столкнётся с материально-техническими и юридическими препятствиями и встретит политическое сопротивление.

При этом усилия оправданы во время чрезвычайного положения в стране. Любой прогресс в вакцинации дополнительных миллионов человек имеет значение, так же, как и развёртывание бустеров, которые могут существенно повысить иммунитет населения. В этой логике использование всех возможных методов – убеждение, стимулы и принуждение – представляется целесообразным, и администрации потребуется время для реализации своих планов.

Представляется, что грядущие промежуточные выборы 2022 г. в США уже придадут большую остроту политической борьбе, в которой обе партии – Демократическая и Республиканская – постараются использовать чувствительные проблемы здравоохранения, и прежде всего связанные с пандемией, при завоевании голосов избирателей для закрепления своих позиций на разных уровнях власти, включая Конгресс США.

ИСТОЧНИКИ

1. Aug. 29 - Sept. 1, 2021, Washington Post - ABC News poll. Available at: https://www.washingtonpost.com/context/aug-29-sept-1-2021-washington-post-abc-news-poll/899d77db-ef60-46c9-b028-8f3298df8659/?itid=lk_interstitial_manual_7 (accessed 05.09. 2021).
2. Coronavirus in the United States: Latest Map and Case Count. New York Times, May 13, 2021.
3. Keating Dan and Akilah Johnson the pandemic marks another grim milestone: 1 in 500 Americans have died of covid-19. Available at: https://www.washingtonpost.com/health/interactive/2021/1-in-500-covid-deaths/?utm_source=alert&utm_medium=email&utm_campaign=wp_news_alert_revere_special_report&location=alert&wpmk=1&wpisrc=al_ (accessed 22.08.2021).
4. President Joseph R. Biden Jr. National Strategy for the COVID-19 Response and Pandemic Preparedness. January 21, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/01/National-Strategy-for-the-COVID-19-Response-and-Pandemic-Preparedness.pdf> (accessed 10.03.2021).
5. Konish Lorie. The Senate passed Biden's \$1.9 trillion stimulus bill - here's what's next. Here's who qualifies for the money. Available at: <https://www.cnbc.com/2021/03/06/the-senate-passes-biden-stimulus-whats-next.html> (accessed 07.03.2021).
6. Biden - Harris Administration Invests over \$19 Million to Expand Telehealth Nationwide and Improve Health in Rural, Other Underserved Communities. Available at: <https://www.hhs.gov/about/news/2021/08/18/biden-harris-administration->

invests-over-19-million-expand-telehealth-nationwide-improve-health-rural.html (accessed 20.08.2021).

7. Cunningham Paige Winfield and Alexandra Ellerbeck. Biden will reopen Healthcare.gov for buying insurance plans. Available at: <https://www.washingtonpost.com/politics/2021/01/26/health-202-biden-will-reopen-healthcaregov-buying-insurance-plans/> (accessed 27.01.2021).

8. CBS News Poll March 9-10, 2021. Adults in the U.S. Available at: https://drive.google.com/file/d/1BFqjJIHsQvM1C9d_2oygm8rF9IL4BU6E/view?wpisrc=nl_thetrailer (accessed 02.04.2021).

9. Yong Ed. How the Pandemic Now Ends. Available at: <https://www.theatlantic.com/health/archive/2021/08/delta-has-changed-pandemic-endgame/619726/> (accessed 01.09.2021).

10. Brenan Megan. U.S. Satisfaction Drops; COVID-19 Resurges as Top Problem. Available at: <https://news.gallup.com/poll/354026/satisfaction-drops-covid-resurges-top-problem.aspx> (accessed 12.08.2021).

11. Jefferson Jones M., Mars Stone, Hasan Sulaeman, et al Rebecca V. Estimated US Infection and Vaccine-Induced SARS-CoV-2 Seroprevalence Based on Blood Donations, July 2020 - May 2021. Available at: <https://jamanetwork.com/journals/jama/fullarticle/2784013%2011> (accessed 17.07.2021).

12. At least 208.3 million people have received one or both doses of the vaccine in the U.S. Available at:

https://www.washingtonpost.com/graphics/2020/health/covid-vaccine-states-distribution-doses/?utm_campaign=wp_the_daily_202&utm (accessed 03.08.2021).

13. Opinion: Vaccine mandates are hard. So is Covid. Available at:

https://www.washingtonpost.com/opinions/2021/09/11/vaccine-mandates-are-hard-so-is-covid/?utm_medium=email&utm_source=newsletter&wpisrc=nl_opinions&utm_campaign=wp_opinions (accessed 13.09.2021).

14. Multisociety statement on coronavirus disease 2019 (COVID-19) vaccination as a condition of employment for healthcare personnel. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/infection-control-and-hospital-epidemiology/article/multisociety-statement-on-covid19-vaccination-as-a-condition-of-employment-for-healthcare-personnel/690D1804B72FFF89C5FC0AED0043AD62> (accessed 13.09.2021).

15. Fauci says "Moderna boosters might not be ready by September 20". Available at: <https://www.cbsnews.com/news/anthony-fauci-moderna-covid-19-vaccine-boosters-face-the-nation/?intcid=CNI-00-10aaa3b> (accessed 27.07.2021).

16. Cancryn Adam, Lim David. Biden expands vaccine requirements in bid to rein in Covid. Available at: <https://www.politico.com/news/2021/09/09/biden-federal-workers-vaccines-510851> (accessed 12.09.2021).

17. Biden - Harris Administration to Expand Vaccination Requirements for Health Care Settings. Available at: <https://www.cms.gov/newsroom/press-releases/biden-harris-administration-expand-vaccination-requirements-health-care-settings> (accessed 20.08.2021).

18. Timsit Annabelle. GOP governors threaten to sue over mandates; Biden says, 'have at it'. Available at: https://www.washingtonpost.com/politics/2021/09/10/republican-governors-sue-biden-vaccine-man-date/?utm_campaign=wp_to_your_health&utm_medium=email&utm_source=newsletter&wpisrc=nl_tyh&wpmk=1&pwapi_token (accessed 12.09.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Шведова Н.А. (2021) Администрация Дж. Байдена: первые шаги. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 51(6): 5–22. DOI: 10.31857/S268667300015217-8. Available at: <https://usacanada.jes.su/s268667300015217-8-1/> (accessed 14.09.2021).

REFERENCES

Shvedova N.A. (2021) Administratsiia Dzh. Baidena: pervye shagi [J. Biden's Administration: First Steps] (In Russ.). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2021; 51(6):5-22. DOI: 10.31857/S268667300015217-8 <https://usacanada.jes.su/s268667300015217-8-1/> (accessed 14.09.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ШВЕДОВА Надежда Александровна, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра социально-политических исследований Института США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).
Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

SHVEDOVA Nadezda Alexandrovna, Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Researcher, Head of the Center of Socio-Political Studies, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).
2/3, Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 16.09.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 1.10.2021.

Статья принята к публикации / Accepted 4.10.2021.

УДК 140 130

DOI: 10.31857/S268667300017538-1

Приоритетность стран постсоветского пространства в политике администрации Дж. Байдена

Н.А. Гегелашвили

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН)

Российская Федерация 121069 Москва Хлебный пер., 2/3

ORCID: 0000-0003-2564-0031

e-mail: ngegel@hotmail.com

Резюме. В статье выявлены новые приоритеты Вашингтона при осуществлении его политики в отношении постсоветского пространства. Дается анализ подходов США к фокусным постсоветским странам – Грузии и Украине, определены причины повышенного интереса к ним со стороны США, обозначены предложенные ими способы и пути к их взаимному сближению. Беспрецедентный уровень поддержки, оказываемой Грузии и Украине со стороны Вашингтона, детально прослеживается на примере законопроектов, законов и резолюций, рассмотренных и принятых Конгрессом США 115–117-го созывов. Сотрудничество с этими странами по линии НАТО осуществляется по возрастающей: альянс делает всё возможное для максимального сближения с ними. Однако этого недостаточно для реализации выдвинутых США задач на постсоветском направлении. Необходима адаптация подходов Вашингтона в отношении приоритетов в политике на постсоветском направлении, что обусловлено, прежде всего, как жесточайшей международной конкуренцией за глобальное влияние, включая обеспечение свободного доступа к морским путям, так и возможностью создания там удобной логистики. В силу этого США заметно активизируют свою политику в отношении Грузии и Украины, которых они считают самыми приоритетными странами на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: политика Вашингтона, Грузия, Украина, постсоветское пространство, Конгресс США, законопроекты, энергобезопасность

Для цитирования: Гегелашвили Н.А. Приоритетность стран постсоветского пространства в политике администрации Дж. Байдена *США & Канада: экономика, политика, культура* 2021; 51(12):18-30. DOI: 10.31857/S268667300017538-1

U.S. Foreign Policy Priorities for Post-Soviet Countries during the Biden Administration

Nana A. Gegelashvili

Institute for U.S. and Canadian Studies RAS (ISKRAN).

2/3, Khlebny per., Moscow 121069 Russian Federation.

ORCID: 0000-0003-2564-0031

e-mail: ngegel@hotmail.com

Abstract. The article identifies Washington's updated priorities on the way of implementing its policy towards the post-Soviet space. It analyzes the approaches of the United States to the focal post-Soviet countries that is Georgia and Ukraine, providing the arguments for U.S. ongoing interest towards both countries, investigates the ways and means used by Washington on the way of their mutual rapprochement. The unprecedented level of support provided by Washington to Georgia and Ukraine is manifested in full by the examples of laws, bills and

resolutions proposed by the US 115th-117th Congress. At the same time the cooperation of these countries with NATO is lifting up to the extreme: the Alliance is doing everything possible to maximize rapprochement with these countries, but this is not enough for the fulfilling the main tasks NATO has before it on the way of implementing its post-Soviet policy. Thus the updating of Washington's approaches to its priorities concerning politics towards post-Soviet states can mainly be explained by the fierce international competition for global influence that could be considered as getting access to the sea routes as well as a possibility for creating convenient logistics. That is why the U.S. policy towards post-Soviet states would be much more proactive as a whole and towards their focal countries – Georgia and Ukraine in particular.

Keywords: U.S. policy, Georgia, Ukraine, post-Soviet space, U.S. Congress, bills, energy security.

For citation: Gegelashvili N.A. U.S. Foreign Policy Priorities for Post-Soviet Countries and the Biden Administration. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture* 2021; 51(12):18-30. DOI: 10.31857/S268667300017538-1

ВВЕДЕНИЕ

С приходом администрации Дж. Байдена политика США на постсоветском пространстве – главное поле борьбы за влияние между Вашингтоном и Москвой, считающей это пространство зоной своих стратегических интересов, – резко активизировалась. США, тесным образом вовлечённые в процесс международной конкуренции за влияние, будут всячески стремиться действовать крайне жёстко на этом поле, вплоть до достижения желаемого результата.

Зададимся вопросом: что же является главным приоритетом Вашингтона в его политике в отношении стран постсоветского пространства? С учётом растущего производства и потребления американского сжиженного природного газа (СПГ), равно как и других видов альтернативных источников энергии, значение стран постсоветского пространства, обладающих богатыми природными ресурсами (нефть и газ), похоже, отойдёт на второй план. На первый же выйдут страны, занимающие весьма благоприятное географическое/геополитическое расположение и способные обеспечивать как открытый доступ к морским путям, так и возможность создания удобной логистики, что в конечном счёте является главной составляющей современной экономики.

Учитывая этот фактор, ключевой интерес США в отношении стран постсоветского пространства направлен на Украину и Грузию, имеющих выход в Чёрное море и через него в Персидский залив и Индийский океан, а также на транзитные страны – Азербайджан и государства Центральной Азии. Всё это имеет колоссальное значение для глобальных экономических проектов, актуальность которых сегодня резко возросла, и это далеко не предел.

ЛОГИСТИЧЕСКИЙ И ИНФРАСТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТЫ

Центральное место в длинном перечне экспортных трубопроводов в западном направлении, имеющих для ЕС и США приоритетное значение, занимает проект «Южный газовый коридор» (ЮГК) [1]. Он нацелен на диверсификацию маршру-

тов и источников поставок энергоресурсов Каспийского региона на европейские рынки, что должно, согласно логике западных стратегов, переключить прежде всего Азербайджан и Казахстан на Запад и оторвать их от России. ЮГК является проектом общей стоимостью в 38 млрд долл. Предполагается, что он протянется на 3,5 тыс. км от Баку до юга Италии через территории Грузии, Турции, Греции, Албании [2]. Проект представляет собой интегрированную систему трубопроводов и в настоящее время включает в себя газопровод Баку – Тбилиси – Эрзерум; Южно-Кавказский трубопровод [3], взявший свой старт в 2007 г.; Трансанатолийский газопровод (TANAP) [4] проходящий через Турцию до греческой границы и начавший функционировать в 2018 г.; Трансадриатический газопровод (TAP) [5] – последний сегмент ЮГП от границы Греции до юга Италии, через Албанию и Адриатическое море, ставший его продолжением. В ноябре 2020 г. началась его коммерческая эксплуатация, с которым Европа связывает большие надежды, так как по нему планирует получить 10 млрд куб. м газа в год [6].

Трансанатолийский и Трансадриатический газопроводы работают с природным газом и имеют большое стратегическое значение не только для двух стран постсоветского пространства – Азербайджана и Грузии, но и для Турции, поскольку в значительной степени усиливают роль этой страны в качестве регионального энергетического центра и повышают её капитализацию. Более того, с усилением позиций Турции на Кавказе сегодня именно эта страна может стать реальным конкурентом «Газпрому» по транзиту нефти и газа.

Основным источником газа для ЮГК является азербайджанское газоконденсатное месторождение Шах-Дениз на Каспии с запасами 1,2 трлн куб. м [7]. В настоящее время объём транспортировки газа по этому газовому коридору всё ещё небольшой – 16 млрд куб. м газа в год. Тем не менее, по мнению американских специалистов, нет никаких сомнений в том, что ЮГК будет иметь огромное значение в обеспечении энергетической безопасности Европы и региональной стабильности.

Грузия и Азербайджан являются ключевыми участниками экспортного трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан, предназначенного для транзита сырой нефти от нефтяного месторождения Азери – Чираг – Гюнешли в Каспийском море до Средиземного моря. Он соединяет столицу Азербайджана с Джейханом – портом на юго-восточном средиземноморском побережье Турции, через столицу Грузии Тбилиси. Грузия и Азербайджан также являются важными участниками транспортного коридора Баку – Тбилиси – Карс (БТК) [8], который связывает железные дороги Азербайджана и Грузии с Европой через Турцию. Для этой цели был построен подводный железнодорожный тоннель Мармарай под проливом Босфор в Стамбуле, что обеспечивает прямую связь с общеевропейской сетью железных дорог. БТК также является одним из сегментов грандиозного по масштабу и значению китайского проекта «Один пояс – один путь» [9].

Основная задача БТК заключается в сокращении маршрута стран Центральной Азии в Европу и в Средиземноморье, что резко снижает затраты и способствует созданию новых возможностей для транзита грузов из Азии в Европу. Это

самый быстрый путь, соединяющий страны ЦА с Европой, а потому и самый востребованный, через который Китай переправляет свои товары в страны Европы. Он является одним из транспортных коридоров с выходом к морю, а с учётом огромной заинтересованности Пекина в морских путях, к которым проявляет значительный интерес и Вашингтон, представляется, что именно контроль над морскими путями может стать одним из главных факторов крайне серьёзного противостояния между Китаем и США, в которое будут неизбежно вовлечены и транзитные страны, прежде всего, центральноазиатские.

30 октября 2017 г. состоялась официальная церемония открытия железнодорожной магистрали Баку — Тбилиси — Карс. В церемонии приняли участие президенты Азербайджана и Турции Ильхам Алиев и Реджеп Тайип Эрдоган, главы правительств Казахстана, Грузии и Узбекистана — Бакытжан Сагинтаев, Георгий Квирикашвили, Абдулла Арипов и другие официальные лица. В рамках проекта планируется строительство железной дороги из Карса в Нахичеванскую АР, актуальность которой заметно возросла после событий, развернувшихся в Нагорном Карабахе в ноябре 2020 г., по итогам которых, когда Баку добился создания коридора между своими западными областями и эксклавом Нахичевань, отрезанным от «материковой территории» этой страны по суше, в результате чего сообщение могло осуществляться только через Иран. Предполагается, что железнодорожный путь Карс — Игдыр — Нахичевань станет продолжением проекта Баку — Тбилиси — Карс и соединит сети железных дорог Азербайджана, Ирана, Афганистана и Пакистана; это позволит осуществлять грузовые перевозки из Китая в Европу через Нахичевань [10].

При таком положении дел не случайно, что Грузия и Украина, имеющие открытый выход к Чёрному морю, становятся ключевыми во внешнеполитической повестке США на постсоветском пространстве. Интерес США к этим двум странам стал резко возрастать после подписания Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, блокирующей внешним фигурантам выход к Каспию [11]. В ответ на это США заметно активизировали вовлечение американского бизнеса как в разработку залежей энергоносителей на Черноморском шельфе, так и в строительство там новой инфраструктуры. Этим же объясняется интерес Вашингтона к строительству глубоководного порта Анаклия в Грузии, имеющим для него большое стратегическое значение. Как считает известный американский эксперт по России и Евразии Фредерик Старр, «порт Анаклия способен в значительной степени облегчить торговлю и взаимодействие между Европой и Китаем, что является крайне ценным и важным для Соединённых Штатов» [Frederick Starr & S. Frederick Starr & Svante E. Cornell. 2005: 37].

Региональное значение этого порта трудно переоценить. Важным аргументом в пользу реализации данного проекта является тот факт, что в настоящее время все порты Грузии сильно ограничены в способности принимать крупногабаритные контейнеровозы, а успешная реализация строительства этого порта может превратить соседствующий с ним небольшой по размерам порт, находящийся в грузинском местечке Поты, в одно из звеньев единого транспортного

коридора, к которому примыкает как новоиспечённый порт в Аляте (Азербайджан), так и построенные совсем недавно порты Казахстана и Туркменистана на Каспии. При этом, по понятным причинам такие страны ЦА, как Узбекистан и Таджикистан, находящиеся под пристальным контролем Вашингтона, будут также рассчитывать на крупные дивиденды, которые им сулят выгоды от расширения этого коридора.

В случае реализации данного проекта, вероятность чего крайне высока, интересы американского бизнеса, как всегда, не останутся в стороне. Более того, планируемое расширение маршрутов, связывающих континентальную Европу по периметру всей Евразии, может предоставить рабочие места не только американским компаниям «Конти групп» (*Conti Group*) и «ССА марин» (*SSA Marine*), занятым строительством порта Анаклия, но и резко расширить сотрудничество американских производителей в Европе с регионами Закавказья и ЦА в таких областях, как доставка, логистика, строительство ангаров для хранения и др., что может принести им огромные дивиденды.

Всё это полностью коррелируется с основной стратегической задачей США и ЕС на пути реализации их политики в отношении стран Закавказья и ЦА, заключающейся в конструировании такой системы континентальной торговли, которая могла бы сильно понизить роль и значение таких ключевых держав Евразии, какими являются Китай, Россия и, наконец, Индия, обеспечив страны Запада ещё одним маршрутом для перевозки различного рода товаров между двумя континентами.

На взгляд бывшего заместителя помощника госсекретаря США по европейским и евразийским делам Мэтью Брайза, «строительство порта Анаклия может оказать огромное влияние на пути интеграции Грузии с НАТО, так как он будет использоваться для транспортировки оборудования и военной техники в Афганистан, а также для проведения военных учений НАТО в Грузии. Порт Анаклия поможет подтянуть Грузию к Евросоюзу, расширив объём торговли через Чёрное море и турецкие проливы, что в свою очередь ослабит экономическое влияние Российской Федерации и её способность контролировать Грузию» [13]

Что же касается Украины, то интерес к ней со стороны Вашингтона связан с её геополитическим положением: эта страна является не только восточной границей НАТО и ЕС, но и имеет выход к Чёрному морю. К тому же, и это самое главное, именно Украина является «яблоком» раздора между США и РФ. От того, кто станет главным фигурантом в урегулировании конфликта на юго-востоке этой страны и по какому пути пойдёт её развитие в дальнейшем, будет зависеть роль и значение как США, так и России не только на постсоветском пространстве, но и на мировой арене.

С учётом постоянно растущего интереса Вашингтона к покорению новых водных пространств, необходимых для продвижения глобальных экономических проектов, значение Чёрного моря и шире – всего Черноморского региона, будет резко актуализировано. Вот почему стремление Вашингтона к более полному вовлечению в этот регион получило своё подтверждение в принятии Кон-

грессом США Резолюции 27, «призывающей к оперативной многонациональной свободе судоходства в Чёрном море и отмене трубопровода Северный поток-2», что должно «способствовать строительству каналов в Черноморском бассейне для континентальной Европы по всей Евразии» [14].

Отсюда и появление законопроекта 3047 (*U.S.-Ukraine Security Cooperation Enhancement Act*) [15], выдвинутого Конгрессом США и направленного на усиление сотрудничества в сфере безопасности Украины. Документ предусматривает оказание широкой поддержки Украине и Грузии в таких сферах, как безопасность, проведение многонациональных учений в Чёрном море, совместимость с вооружёнными силами НАТО, максимальное сближение с евроатлантическим сообществом. В этом же документе в который раз подтверждается политика открытых дверей НАТО и всесторонняя поддержка этим странам в их стремлении к членству в самом альянсе.

Исходя из вышеизложенного представляется отнюдь неслучайным, что в настоящее время Вашингтон рассматривает Украину и Грузию вкупе с остальными странами в рамках общей системы европейской безопасности что просматривается на примере законопроекта 1081 (*Protect European Energy Security Act*) [16], направленного среди прочего и на защиту энергетической безопасности Европы.

С учётом наблюдающихся в последнее время довольно непростых отношений между США и Китаем, в которых не последнее место отводится стремлению получить контроль над морскими путями, которыми владеют Грузия и Украина, а также другие транзитные страны ЦА (Азербайджан, например), имеющие здесь транспортные коридоры, данная проблема может стать предметом серьёзного противостояния между США и Китаем.

На кону китайский проект «Один пояс – один путь» [Chatsky A., McBride J. 2020], продвигаемый Пекином как логистический и инфраструктурный компонент, и его важный сегмент – транзитные страны ЦА, так как в конечном счёте в выигрыше останутся те страны, которые будут обеспечивать большую массу перевозок.

Сегодня Китай сталкивается с новыми вызовами, В этом контексте необходимо отметить, что он особенно щедро финансирует все те страны, которые входят в этот проект. Как и США, Китай отходит от угля и нефти и переходит на невозобновляемые источники энергии. Поэтому Пекин, равно как и Вашингтон, может сократить свой интерес к странам - поставщикам нефти и газа, не упуская из поля зрения экономическую ситуацию в странах, в которые он вкладывает свои инвестиции и следит за их развитием. Однако, реализуя свою политику на центральноазиатском направлении, Китай не только использует финансовые механизмы, но и разрабатывает свою собственную политику в отношении той или иной страны этого региона, в основе которой лежит индивидуальный подход, что особенно поощряется в этих странах.

Не исключено, что со своей стороны США в их стремлении не оставить в стороне растущий потенциал региона и использовать его в качестве транзитного центра для торговли между странами Евразии и ЕС с учётом сегодняшних ре-

лий могут вновь поставить на трек выдвинутую ещё в далёком 2011 г. госсекретарем Хилари Клинтон во время ее визита в Индию и подвергнушуюся тотчас же острой критике американскую инициативу «Новый Шёлковый путь» [17], которая отвечала интересам американского бизнеса и была нацелена на реализацию практически аналогичных задач, стоящих перед китайским проектом, и начать продвигать свой проект.

СТЕПЕНЬ ВОВЛЕЧЁННОСТИ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ОРБИТУ ЗАПАДА

Другим критерием Вашингтона при определении приоритетности в реализации его политики на постсоветском направлении является степень продвинутости постсоветских стран в сторону евроатлантической интеграции и их общая готовность войти в орбиту Запада.

Грузия и Украина занимают лидирующие позиции на пути максимального сближения с Западом – ЕС и США. Соответственно, учитывая этот факт, обе эти страны становятся главным фокусом политики Вашингтона в отношении постсоветского пространства. Поэтому разработанный вашингтонскими стратегами инструментарий для обеих стран, нацеленный на их максимальное вовлечение в западную орбиту, становится практически идентичным. Ключевым механизмом, призванным способствовать укреплению и дальнейшему усилению двухстороннего сотрудничества обеих стран, стала Хартия о стратегическом партнёрстве с США, подписанная с Грузией (*United States-Georgia Charter on Strategic Partnership*) 9 января 2009 г. [18], и с Украиной (*U.S.-Ukraine Charter on Strategic Partnership*) 19 декабря 2008 г. [19]. Документ направлен на решение задач, связанных с распространением и расширением демократии и экономических свобод, укреплением безопасности и территориальной целостности двух стран.

Что же касается всесторонней поддержки этих двух стран со стороны Вашингтона, то она получила отражение в практически «зеркальных» законах, законопроектах и резолюциях, принятых Конгрессом 115-116 созывов, нацеленных на дальнейшее развитие демократии в этих странах и расширение экономических свобод, укрепление их безопасности для обеспечения территориальной целостности. К ним, в первую очередь, можно отнести законопроекты «Акт поддержки свободы на Украине 2014 г.» (*Ukraine Freedom Support Act of 2014*) [20], ставший законом, и законопроект 6219 «Акт поддержки Грузии» (*Georgia Support Act*) [19].) [21]. Данные документы предусматривали меры по укреплению обороноспособности обеих стран, включая поставку вооружения «для защиты от агрессивных действий России», проведение совместных военных учений, что призвано обеспечить больший спектр возможностей в области двустороннего сотрудничества вплоть до создания новых центров (баз) в обеих странах.

Вышеназванные документы были подвергнуты некоторой корректировке в последующих законопроектах, выдвинутых уже 116 и 117 созывами Конгресса. В их числе: законопроект 598 – Акт поддержки Грузии, направленный на «оказа-

ние всесторонней американской помощи этой стране, а также на сотрудничество в области кибербезопасности, разработку стратегии для Грузии с целью расширения её возможностей в борьбе с российской дезинформацией и пропагандой» [22]; и ещё один Акт поддержки Грузии, дополнивший предыдущий и требующий санкций и отчётности по Грузии, согласно которому Государственный департамент отчитывается перед Конгрессом по различным вопросам, связанным с этой страной. Отчёты должны охватывать помощь США в области безопасности Грузии, оценку угроз независимости страны и её способности к обороне. Показательной резолюцией в отношении Грузии, выдвинутой уже Конгрессом 117-го созыва (январь 2021 – январь 2023 г.), является резолюция 176 [23], подтверждающая поддержку Соединёнными Штатами территориальной целостности Грузии, а также её стремления присоединиться к евроатлантическому сообществу.

Что же касается Украины, то ключевым законопроектом Конгресса 116-го созыва, стал акт «О партнёрстве Украины в области безопасности» (*S.4392 Ukraine Security Partnership Act* [24]), который ничуть не отличается от аналогичного законопроекта в отношении Грузии. В документе также содержится намерение создать Рабочую группу США – Европа по Украине и назначить Специального представителя в этой стране, в работу которого входят задачи, связанные, главным образом, с развитием диалога со странами Черноморского региона. Законопроект уполномочивает Государственный департамент предоставлять Украине в 2021 – 2025 фин. гг. гранты и ссуды для приобретения американского военного оборудования и услуг в рамках программы иностранного военного финансирования. Как и в случае Грузии, этот законопроект был дополнен новыми положениями в акте 2021 г. «О партнёрстве в сфере безопасности Украины» (*S.814 Ukraine Security Partnership Act of 2021*) [25].

Особняком в длинном списке актов, рассмотренных Конгрессом 115–117 созывов, стоит законопроект 1461 (*Georgian Fair Business Practices Sanctions Act*) [26], предусматривающий санкции в отношении «справедливой деловой практики в Грузии» и направленный против ущемления в этой стране интересов американского бизнеса, а значит и на всемерную поддержку этой страной экономических интересов Вашингтона. Это объясняется в первую очередь тем фактом, что Грузия из всех стран постсоветского пространства максимально приближена к США, и обе страны стремятся постоянно подчёркивать особый характер их партнёрских отношений. Именно этот факт сделал возможным появление подобного законопроекта, что даёт Вашингтону все основания использовать политику «кнута и пряника» в отношении Грузии. Похоже, что США намерены в ещё большей степени оказывать ей поддержку в вопросах, связанных с её территориальной целостностью, то есть всячески использовать политику «пряника», если эта страна не будет чинить никаких препятствий для создания здесь климата, необходимого для обеспечения интересов крупного американского бизнеса. Более того, при таком раскладе, основные постулаты американской политики – развитие демократии, права человека, верховенство закона – не будут иметь для США столь критического значения в этих странах, в то время как главным приматом американской

политики на поверку становится сохранение и защита интересов бизнеса. Однако, если им наносится хоть незначительный урон, то в этом случае Вашингтон будет использовать политику «кнута» – пристально следить за ходом демократических процессов в этой стране, свободой слова и печати и т.д., чтобы «наказать» её в случае малейшего отклонения. В перспективе, реализуя свою политику в странах постсоветского пространства, отношение той или иной страны к защите американского бизнеса, необходимое для его дальнейшего продвижения, может иметь определяющее значение для действий Вашингтона.

Что же касается *сотрудничества НАТО с постсоветскими государствами, прежде всего, с Грузией и Украиной*, то для их максимального вовлечения в альянс были разработаны поэтапные программы. К ним относятся программа «Партнёрство ради мира», план Индивидуального партнёрства с альянсом, предполагающий получение ими статуса страны – кандидата в члены НАТО, и их внесение в План по вступлению в НАТО.

В задачи комиссий НАТО – Грузия (созданной в сентябре 2008 г.) и НАТО – Украина (июль 2017 г.) входили осуществление контроля за ходом развития отношений между ними, а также руководство совместной деятельностью, заключающейся в проведении консультаций по вопросам обоюдной безопасности. Показательно, что как Грузия, так и Украина подтвердили свою готовность работать согласно разработанному плану, заточенному на достижение большей совместимости и согласованности вооружённых сил своих стран. Независимо от конечного результата, цели НАТО и США – оставить страны постсоветского пространства, главным образом Грузию и Украину, в повестке дня, однако они не являются ключевыми. В то же время, независимость всех постсоветских государств, включая Украину и Грузию, становится необратимой, что необходимо учитывать при выстраивании отношений с этими странами.

По нашему мнению, при администрации Дж. Байдена США и НАТО усилят свою поддержку в отношении окончательного членства этих государств, в частности Грузии, в альянсе. В декларации, принятой на саммите НАТО 11 июля 2018 г. в Брюсселе, говорится, что «отношения Грузии с альянсом обладают всеми практическими инструментами для подготовки её к окончательному членству, включая Комиссию НАТО – Грузия, Ежегодную национальную программу для Грузии и Существенный пакет НАТО – Грузия» [27].

В свою очередь, ситуация на Украине в силу сложности урегулирования конфликта высокой интенсивности на юго-востоке этой страны, что чревато непредсказуемыми последствиями, пока ещё останавливает решимость альянса предложить ей членство в НАТО. Это даёт основания предполагать, что, невзирая на «политику открытых дверей», а также заверения со стороны альянса обеспечить обоим странам членство в НАТО, есть вероятность того, что Грузия, имеющая два замороженных конфликта, позволяющих ей сохранять статус-кво, может вступить в Североатлантический блок раньше, чем это будет разрешено Украине.

Финальным аккордом в длинном списке резолюций и законопроектов в Конгрессе США, касающихся постсоветских республик, стала резолюция H.Res. 510

[28], в очередной раз выражающая поддержку демократически избранным правительствам Украины и Грузии в их более полной интеграции в Европейский Союз, призывающая их к расширению сотрудничества с Вашингтоном для противодействия враждебным действиям РФ в регионе и призывающая Россию прекратить такие действия против этих стран. Можно сделать вывод, что роль и значение НАТО с приходом к власти команды Дж. Байдена будут неуклонно расти, а альянс вновь превратится в главный механизм при реализации американской стратегии доминирования на постсоветском пространстве. Подтверждается тезис о том, что «союзы и альянсы США с другими странами являются величайшим достоянием Вашингтона, а дипломатия означает стоять плечом к плечу с нашими ключевыми союзниками и партнерами. Мы намерены восстановить утерянный нами моральный авторитет» [29].

Таким образом, основные задачи Трансатлантического партнёрства, получившего новые импульсы с вступлением Дж. Байдена на пост президента США, будут направлены на максимальную синхронизацию и координацию действий ЕС и США, что необходимо для установления более тесной связи между ними при осуществлении их политики как на всём постсоветском пространстве, так и отношении самых ключевых стран этого ареала – Грузии и Украины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С приходом в Белый дом администрации Дж. Байдена политика США на постсоветском пространстве заметно активизировалась на всех фронтах. Такая позиция США диктуется, в первую очередь, стремлением этой страны сохранить «прежнее лицо», стать образцом для подражания для всего остального мира, ещё в большой степени распространить и удержать своё влияние и ослабевающее могущество. В значительной степени это касается как политики США в отношении всего постсоветского пространства, так, в частности, и Грузии, и Украины, являющимися самыми лояльными партнёрами США и последовательно осуществляющими курс своей внешней политики в сторону Запада – США и ЕС.

Для более широкого вовлечения этих стран в орбиту Запада и достижения этой цели как можно быстрее, США обозначили приоритеты своей политики в отношении постсоветских стран и адаптировали свои подходы к ним с учётом сегодняшних реалий. Усиление поддержки Грузии и Украине со стороны Вашингтона чётко просматривается на примере законопроектов, инициированных Конгрессом США 115-117 созывов, которые также обновляются в условиях текущей ситуации и в основном нацелены на укрепление безопасности этих стран, сохранение их территориальной целостности, усиление верховенства закона, расширение демократии и свободы слова. При этом последовательность политики США в реализации их политики на постсоветском пространстве не оставляет желать лучшего, её главным принципом становится индивидуальный подход к каждой из стран постсоветского пространства, который будет меняться в зависимости от её значения для США в данном отрезке времени, что и станет главным приоритетом их политики в отношении этого ареала.

Со стороны НАТО также ведётся активная работа, направленная на максимальное сближение Украины и Грузии с альянсом, однако долгожданного членства в НАТО этим странам пока не светит в силу неготовности блока решить этот вопрос, учитывая непредсказуемые последствия со стороны России, которые могут при развитии «негативного» для Вашингтона сценария, свести все завоевания НАТО и США на этом направлении к нулю. Тем не менее, политика США на постсоветском пространстве станет более проактивной в условиях крайне жёсткого противостояния между Россией и Западом, чему не в последнюю очередь способствует ситуация, в которой оказалась сама Россия, зажатая в прочном кольце единой трансатлантической коалиции. Вместе с тем, на пути реализации политики Вашингтона в отношении постсоветского пространства стоят два очень серьёзных вызова – это проблема выхода из украинского кризиса, который отвечал бы интересам США, и отношения с Китаем в контексте политики обеих держав на центральноазиатском направлении.

ИСТОЧНИКИ

1. Southern Gas Corridor. Available at: <https://www.sgc.az/en> (accessed 27.03.2021)
2. Началась коммерческая эксплуатация Трансадриатического газопровода. Available at: <https://energybase.ru/news/industry/commercial-operation-of-transadriatic-gas-pipeline-has-begun-2020-11-16> (accessed 17.04.2021)
3. Socar. Baku-Tbilisi-Erzurum Gas Pipeline. Available at: <http://www.socar.az/socar/en/activities/transportation/baku-tbilisi-erzurum-gas-pipeline> (accessed 21. 04.2021).
4. Trans Anatolian Natural Gas Pipeline Project. Available at: www.tanap.com/tanap-project/why-tanap/ (accessed 13.04.2021).
5. Trans Adriatic Pipeline Available at: <https://www.tap-ag.com/> (accessed 19.04.2021).
6. TAP Introduces First Natural Gas into the Greek Section of the Pipeline as part of its Testing Phase. Available at: <https://www.tap-ag.com/news-and-events/2019/11/26/tap-introduces-first-natural-gas-into-the-greek-section-of-the-pipeline-as-part-of-its-testing-phase> (accessed 04. 04.2021).
7. Шах-Дениз месторождение Шахдениз -2 Available at: neftegaz.ru/tech-library/mestorozhdeniya/141690-shakhdeniz/ (accessed 25. 04.2021).
8. Baku-Tbilisi-Kars (BTK) Rail Line, Azerbaijan, Georgia, Turkey. Available at: <https://www.railway-technology.com/projects/baku-tbilisi-kars> (accessed 21.03.2021).
9. China's Massive Belt and Road Initiative Available at: <https://www.cfr.org/backgrounder/chinas-massive-belt-and-road-initiative> (accessed 05. 04.2021).
10. Центр транспортных стратегий. Железную дорогу Баку-Тбилиси-Карс продлят, обойдя Армению с юго-запада. Available at: https://cfts.org.ua/news/2019/08/29/zheleznuyu_dorogu_baku_tbilisi_kars_prodyat_oboydya_armeniyu_s_yugo_zapada_54955 (accessed 14. 04.2021).
11. Президент России. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328> (accessed 02.05.2021).

12. Anaklia - Europe's Easternmost port Available at: <https://forbes.ge/anaklia-europes-easternmost-port/532854955> (accessed 15. 03.2021).
13. Interpressnews. Matthew Bryza about Anaklia deep-sea port: I think it will have an enormous impact on Georgia's NATO perspective. Available at: <https://www.interpressnews.ge/en/article/103533-matthew-bryza-about-anaklia-deep-sea-port-i-think-it-will-have-an-enormous-impact-on-georgias-nato-perspective> (accessed 27. 03.2021).
14. A resolution calling for a prompt multinational freedom of navigation operation in the Black Sea and urging the cancellation of the Nord Stream 2 pipeline. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-resolution/27/text> (accessed 25.04.2021).
15. Congress. Gov. H.R.3047 U.S.- Ukraine Security Cooperation Enhancement Act: Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/3047/text?format=txt> (accessed 07.03.2021).
16. Congress. Gov. H.R.1081 - Protect European Energy Security Act: Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/1081/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22S.+339%22%5D%7D> (accessed 17.07.2021).
17. Joshua Kucera. Clinton's Dubious Plan to Save Afghanistan with a 'New Silk Road' *The Atlantic*. November 2, 2011 Available at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2011/11/clintons-dubious-plan-to-save-afghanistan-with-a-new-silk-road/247760/> (accessed 07. 03.2021)
18. U.S. Department of State. United States-Georgia Charter on Strategic Partnership Available at: <https://www.state.gov/united-states-georgia-charter-on-strategic-partnership/> (accessed 09. 05.2021).
19. U.S. Department of State U.S. Ukraine Charter on Strategic Partnership Available at: <https://ua.usembassy.gov/our-relationship/u-s-ukraine-charter-strategic-partnership/> (accessed 07. 08.2021)
20. Congress Gov. S.2828 - Ukraine Freedom Support Act of 2014. Available at: <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/senate-bill/2828/text> (accessed 09.04.2021).
21. Congress Gov. H.R.6219 - Georgia Support Act. - Available at: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/6219> (accessed 21. 03.2021)
22. Congress Gov. H.R.598 - Georgia Support Act - Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/598/all-info> (accessed 14. 03.2021).
23. Congress. Gov. S.Res.176 - A resolution reaffirming the support of the Senate for Georgia, the territorial integrity of Georgia, and the aspirations of Georgians to join the Euro-Atlantic community. Available at: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-resolution/176?q=%7B%22search%22%3A%5B%22georgia%22%5D%7D&s=2&r=2> (accessed 19. 03.2021).
24. Congress. Gov. S.4392 - Ukraine Security Partnership Act. Available at: https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/4392?s=1&r=1&_cf_chl_jschl_tk_=5wxRxLlKhYxL6xJq3orB.0lImS2Qn7l2St9cy1osfJM-1636305658-0-gaNycGzNCj0 (accessed 23. 06.2021).
25. Congress. Gov. S.814 - Ukraine Security Partnership Act of 2021 Available at: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/814?q=%7B%22search%22%3A%5B%22ukraine%22%5D%7D&s=8&r=2> (accessed 21. 04.2021).

26. U.S. Congress. H.R.1461 - Georgian Fair Business Practices Sanctions Act of 2019. – Congress.Gov. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116thcongress/house-bill/1461/text> Available at 27.03.2021).

27. NATO–Georgia Commission Declaration at the Brussels Summit. North Atlantic Treaty Organization. Available at:

https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156627.htm (accessed: 23.04.2021).

28. Congress. Gov H.Res.510 - Affirming United States support to the countries of Ukraine, Georgia, and Moldova in their effort to retain political sovereignty and territorial integrity. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-resolution/510/text?r=6> (accessed: 15. 03.2021).

29. The White House. Remarks by President Biden on America's Place in the World. FEBRUARY 04, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/> (accessed 07.02.2021).

REFERENCES

The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Oil Window to the West Oil Window to the West. 005. Edited by S. Frederick Starr & S. Frederick Starr & Svante E. Cornell. Available at: https://silkroadstudies.org/resources/pdf/Monographs/2005_01_MONO_Starr-Cornell_BTC-Pipeline.pdf -150 p.

Andrew Chatzky and James McBride. February 21. 2019 China's Massive Belt and Road Initiative. Council on Foreign Relations Backgrounder. Available at: <https://www.cfr.org/backgrounder/chinas-massive-belt-and-road-initiative/> (accessed 17. 01.2021).

Joshua Kucera. 2011. Clinton's Dubious Plan to Save Afghanistan With a 'New Silk Road' // *The Atlantic*, November 2, Available at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2011/11/clintons-dubious-plan-to-save-afghanistan-with-a-new-silk-road/247760/> (accessed 07. 03.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГЕГЕЛАШВИЛИ Нана Александровна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3.

Nana A. GEGELASHVILI, Cand. Sci. (Politics), Leading Researcher, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN). 2/3, Khleby pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 22.08.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 20.09.2021.

Статья принята к публикации / Accepted 23.09.2021.

УДК 323.2

DOI: 10.31857/S268667300017539-2

Гендерное измерение в сфере национальной безопасности США при администрации Дж. Байдена

Н.В. Степанова

Институт США и Канады РАН.

Российская Федерация 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

ORCID: 0000-0001-9594-4431

e-mail: n.stepanova@iskran.ru

К.С. Честнягина

Институт США и Канады РАН.

Российская Федерация 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

ORCID: 0000-0001-6499-8066

e-mail: k.chestnyagina@iskran.ru

Резюме: В статье рассматриваются основные аспекты стратегической деятельности США по включению гендерного измерения в сферу национальной безопасности на современном этапе. Авторы приходят к выводу, что в Соединённых Штатах наблюдается в целом позитивная динамика как в гендерной интеграции, так и в гендерном балансе. Национальная стратегия по вопросам женщин, мира и безопасности стала результатом развития глобальной инициативы по этому вопросу, нашедшей своё отражение в принятой в 2000 г. Резолюции 1325 Совета безопасности ООН. Имея статус закона, данная повестка дисциплинирует исполнительную ветвь власти, которая должна отчитываться в этой сфере перед Конгрессом. Что касается гендерного баланса в сфере национальной безопасности, то администрация Дж. Байдена активно поддерживает вовлечённость женщин, что выражается в их назначении на ряд ключевых постов в этом секторе. Отдельно рассматривается деятельность американских исследовательских центров, которые учреждают специальные программы, призванные повысить освещённость тематики корреляции гендерного аспекта и сферы безопасности. В заключение авторы указывают на ряд противоречий, связанных зачастую с неадекватным восприятием женщин, участвующих в настоящее время в процессах, ранее традиционно считавшихся сферой деятельности мужчин.

Ключевые слова: администрация Дж. Байдена, национальная безопасность, гендерная интеграция, гендерный баланс, стратегия, Резолюция 1325 СБ ООН, повестка «Женщины, мир и безопасность»

Для цитирования: Степанова Н.В., Честнягина К.С. Гендерное измерение в сфере национальной безопасности США при администрации Дж. Байдена. *США & Канада: экономика, политика, культура* 2021; 51(12):31-43.

DOI: 10.31857/S268667300017539-2

Благодарности: Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

The Gender Issue in the National Security Sphere under the Biden Administration

Nataliya V. Stepanova,

*Institute for the U.S. and Canadian Studies,
Russian Academy of Sciences.*

2/3, Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-9594-4431 e-mail: n.stepanova@iskran.ru

Kseniya S. Chestnyagina,

*Institute for the U.S. and Canadian Studies,
Russian Academy of Sciences.*

2/3, Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-6499-8066 e-mail: k.chestnyagina@iskran.ru

Abstract: The article examines the main aspects of the U.S. strategic approach to embrace and institutionalize gender issue in the sphere of national security at the present stage. The authors conclude that there is a positive dynamic in the United States, both in terms of gender mainstreaming and gender balance. The National Strategy on Women, Peace and Security (WPS) can be considered as outcome of a global initiative on this issue, firstly reflected in the UN Security Council Resolution 1325 adopted in 2000. Having achieved its legal status, WPS agenda now disciplines the executive branch, which must report progress in this area to the Congress. With regard to gender balance in the field of national security, the Biden administration actively supports women's involvement in the security sector, which now displays a number of women's appointees to several key positions. The authors analyze contribution made by the U.S. think tanks, which establish special research programs designed to raise awareness of the topic of correlation between gender and the security sector. In conclusion, the authors point to a number of contradictions, often associated with inadequate perception of women, who are currently participating in processes that were previously considered the sphere of men's activity.

Keywords: Biden Administration; national security; gender mainstreaming; gender balance; strategy; UNSC Resolution 1325; Women, Peace and Security Agenda

For citation: Stepanova N.V., Chestnyagina K.S. Gender issue in the national security sphere under the Biden Administration. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture* 2021; 51(12): 31-43. DOI: 10.31857/S268667300017539-2

Acknowledgement: The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос роли и участия женщин в политических процессах довольно давно исследуется в отечественной историографии и политологии. Первые работы, посвящённые женскому фактору в политике, были опубликованы ещё в дорево-

люционной России*. В годы СССР анализу данной проблематики внимание практически не уделялось. К этому вопросу вернулись в 90-е годы XX века. Признанным специалистом в сфере теоретического анализа гендерной проблемы, включая участие женщин в различных сферах жизни общества является главный научный сотрудник Института США и Канады РАН доктор политических наук Н.А. Шведова. В своих исследованиях она делает акцент на том, что гендерное равенство характеризует одинаковые возможности для обоих полов [Шведова Н.А. 2019].

Исследованию гендерного фактора в сфере национальной безопасности, вернее того аспекта гендерного фактора, который касается исключительно роли и участия женщин, посвящено крайне мало научных работ. В российской науке роль женщин в политике США исследовал старший научный сотрудник Центра координации исследований РИСИ И.Ю. Кравченко. В своей статье «Женщины в американской политике: роль в процессе формирования политических решений» он рассматривает интеграцию женщин в политические процессы США в историческом контексте, а также на современном этапе, заключая, что с приходом к власти администрации Д. Трампа вопрос был сильно политизирован из-за личности самого Трампа, что привело к подъёму женского движения, однако не сильно отразилось на качественном росте числа женщин, участвующих в принятии решений [Кравченко И.Ю. 2020]. Так или иначе, гендерный фактор в политических процессах без акцента на сферу безопасности в своих исследованиях поднимали Е.В. Израелян, Н.М. Травкина, Ю.В. Шабалина, В.В. Мошненко, А.Е. Чурикова, М.А. Добригогло**.

Что касается зарубежной науки, то здесь огромный интерес представляет фундаментальное исследование, опубликованное в 2009 г. в журнале «Интернэшнл секьюрити», посвящённое связи понятий «безопасность женщин» и «безопасность государства» за авторством Валери Хадсон, профессора политических наук в Университете Бригама Янга и коллектива исследователей. В нём авторы устанавливают взаимозависимость между отношением к женщинам в обществе и национальной безопасностью, а также влиянием статуса женщин в

* См. например Гольцева А. Женское движение в Соединенных Штатах. М.: Изд-во И.Д. Сытина, 1906.-23 с. Кечеджи Шаповалов М.В. Женское движение в России и за границей. - СПб, 1902. Мижув П.Г. Женский вопрос и женское движение. СПб.: Тип. Альтшулера, 1906.

** Израелян Е.В. Канада в ООН: достижения и проблемы. *США & Канада: экономика, политика, культура* 2020; 50(9):5-21.

Травкина Н.М. Администрация Дж. Байдена – К. Харрис: прежняя команда, новые должности (не считая регионалов). *США & Канада: экономика, политика, культура* 2021; 51(5):5-24.

Чурикова А.Е. Роль личностного фактора в процессе политических переговоров: Дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. 149 с.

Мошненко В.В. Проблемы и факторы формирования женского политического лидерства: Социально-философский анализ: Дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 162 с.

Добригогло М.А. Участие женщин в политическом процессе России и США: Сравнительный политологический анализ: Дис. ... канд. полит. наук. Пятигорск, 2005. 167 с.

Шабалина Ю.В. Формирование политического лидерства женщин: Теория и практика вопроса: Дис. ... канд. полит. наук. Казань, 1999. 147 с.

различных государствах на международную безопасность в целом. Выводы предлагают новый инструментарий методологии исследования международной безопасности сквозь призму обеспечения как физической безопасности женщин, так и их равного участия в процессе принятия решений на государственном уровне [Hudson V. et al. 2009].

Той же тематике посвящена статья Фрэнсиса Фукуямы, опубликованная ещё в 1998 г. в журнале «Форин афферс». В ней автор также отмечает, что между патриархатом и склонностью государства разрешать конфликты вооружённым способом есть определённая взаимозависимость. А по мере того, как женщины будут получать всё больше властных полномочий, государства должны становиться менее агрессивными, состязательными и менее склонными к насилию. Более того, здесь же звучит и тезис о том, что демократические государства не склонны воевать друг с другом как раз по причине того, что они более феминизированы по сравнению с авторитарными странами [Fukuyama F. 1998].

На современном этапе наиболее подробно тема вовлечённости женщин в сферу национальной безопасности США рассматривается в работе, подготовленной в 2017 г. сотрудниками Центра новой американской безопасности – «От колледжа до кабинета. Женщины в национальной безопасности» [Kuzminski K. et al. 2017]. Авторы апеллируют к статистике количества женщин, обучающихся по программам бакалавриата и магистратуры по таким специальностям, как сравнительные исследования в сфере безопасности, государственное управление и национальная безопасность. Выпускники именно этих направлений занимают стартовые позиции в секторе обеспечения национальной безопасности США. И в настоящее время во многих учебных заведениях, как свидетельствуют данные, женщины составляют 40% выпускников по указанным специальностям и даже 60%, например, в Школе международных отношений Университета Джорджа Вашингтона. Однако, заключают авторы, при столь значительной доле женщин, профессионально подготовленных для работы в сфере национальной безопасности, на высших должностях оказываются лишь единицы из них. Это связано с рядом причин, включая сбалансированность трудовой жизни и продолжительные часы работы, а также материальную конкуренцию с частным сектором. Однако в целом отмечается позитивная динамика в вопросе роста вовлечённости женщин в сферу национальной безопасности США, что полностью совпадает с выводами авторов настоящего исследования.

При анализе гендерного вопроса, используется терминология, включающая в себя понятие гендерного баланса, то есть увеличения числа женщин в конкретной сфере деятельности, и гендерной интеграции, предполагающей институционализацию гендерного фактора в той или иной организации или области [Kirby P., Shepherd L. 2016: 376]. Первое будет рассмотрено в контексте назначений администрации Дж. Байдена на ключевые посты в сфере национальной безопасности. Второе найдёт своё отражение в анализе эволюции стратегии национальной безопасности США, а именно в учёте глобального опыта создания нормативно-правовой базы, устанавливающей чёткую взаимосвязь между

вопросами гендера и безопасности, и дальнейшей имплементации стратегии в различных ведомствах этой сферы.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ ПО ВОПРОСАМ ЖЕНЩИН И ГЕНДЕРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В США

При рассмотрении вопроса включения гендерного фактора в стратегию национальной безопасности США, представляется необходимым указать на глобальные инициативы в этом вопросе, которые стали её фундаментом. В 2000 г. Советом Безопасности ООН была принята Резолюция 1325, в основу которой была положена Пекинская декларация 1995 г. и которая стала нормативной базой для признания взаимосвязи между гендерными аспектами и глобальным миром и безопасностью. За прошедшие два десятилетия было принято ещё девять резолюций, имеющих отношение к гендерной проблеме, которые вместе с первоначальным документом формируют так называемую повестку «Женщины, мир и безопасность». Она в свою очередь отражается на выработке стратегических документов на национальном уровне, которые включают в себя действия в рамках реализации Резолюции 1325 как на внутриполитическом уровне, так и на международной арене. По официальным данным, к настоящему моменту Национальные планы действий по данной теме приняли 98 стран – членов ООН (51%), в том числе Соединённые Штаты. Первый такой План США приняли в 2011 г. – спустя девять лет после принятия Резолюции 1325. Следующий план, принятый в 2016 г., год спустя получил статус закона, предписывающего подготовку Национальной стратегии по вопросам женщин, мира и безопасности (*U.S. Strategy on Women, Peace, and Security*). Данная стратегия была обнародована уже в июне 2019 г. – при администрации Д. Трампа.

В документе, состоящем из четырёх разделов, подчёркивается важность укрепления руководящих навыков женщин, повышения уровня их участия в политической жизни, развития у них лидерских качеств. Стратегия направлена на усиление эффективности внешней политики и усилий США по оказанию помощи по всем направлениям за счёт активного учёта потребностей и перспектив женщин, расширения их прав и возможностей использовать свои таланты и опыт в целях обеспечения международного мира, безопасности и процветания. В тексте документа подчёркивается необходимость увеличения количества сотрудников женского пола в правоохранительной отрасли, в сферах безопасности, технологий и борьбы с терроризмом [1: 11]. Согласно тексту документа ключевые федеральные агентства США должны разработать и опубликовать планы её реализации, но пока это остаётся лишь рекомендацией [1: 16].

Разработка Национальной стратегии по вопросам женщин, мира и безопасности стала исключительно важным шагом для США. Однако акцент в документе делается на «защитную» и «миротворческую» деятельность женщин, а не на их непосредственное «участие», что является одним из существенных упущений. Безусловно, решающее значение имеет осуждение насилия в отношении

женщин, и сам документ носит всеобъемлющий характер, учитывая различные нюансы. Однако это не единственные аспекты участия женщин в сфере обеспечения мира и безопасности.

В Стратегии также недостаточно учитывается роль женщин в вооружённых силах, но вместе с тем сделан чрезмерный акцент на расширении их участия в качестве переговорщиков, посредников и лиц, принимающих решения. Такой подход, с одной стороны, ограничивает рамки поощрения женщин к участию в данных процессах, а с другой – усиливает существующие стереотипы о якобы присущем женщинам миролюбию, стремлении к созданию мира и процветанию.

Принятый в США документ «Национальная стратегия по вопросам женщин, мира и безопасности» значительно короче, чем национальные планы действий, все три документа которых подходят к формированию повестки «Женщины, мир и безопасность» сквозь призму поддержания национальной и международной безопасности. Однако в американском законе отдельно подчёркивается, что участие США в международных инициативах по этому вопросу будет избирательным в соответствии с продвижением национальных интересов [1: 6].

В дополнение к Национальной стратегии были разработаны планы её имплементации в рамках четырёх ведомств – Государственного департамента, Министерства обороны, Министерства внутренней безопасности и Агентства США по международному развитию. Уже после прихода администрации Дж. Байдена, летом 2021 г., был подготовлен отчёт Конгрессу о реализации Стратегии. В нём представлена система критериев и достижений, которые могли бы помочь оценить прогресс каждого ведомства в вопросе её реализации [2: 3]. Данные свидетельствуют о том, что по многим пунктам все четыре ведомства справились с поставленными задачами, например, назначили чиновника высокого ранга представлять интересы повестки «Женщины, мир и безопасность», а также учредили внутренние структуры и механизмы по координации усилий в этом вопросе. Тем самым США активно продолжают проводить политику гендерной интеграции на высшем уровне власти.

Поскольку общество неоднородно и состоит из множества представителей, имеющих разнообразные интересы и потребности, а одной из прямых задач сферы национальной безопасности является непосредственно защита всех групп населения, важность гендерного измерения в национальной безопасности не подлежит сомнению. Внедрение гендерного измерения помогает в разработке стратегий, направленных на удовлетворение большей части интересов и потребностей населения, а не только интересов определённых групп общества.

ГЕНДЕРНЫЙ БАЛАНС В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БАЙДЕНА

Вопрос равного представительства женщин в процессе принятия решений в сфере национальной безопасности США является одним из самых амбициозных

в повестке действующей администрации. При этом гендерное равенство представляется ключевым фактором успешного противостояния многим вызовам в сфере внешней и военной политики. Соединённые Штаты не входят в число глобальных лидеров по показателю процента женщин на политических должностях. По данным ООН на 1 января 2021 г., США занимают 16-е место в мире (в 2020 г. – 104-е) по проценту женщин на должности министра или аналогичной и только 67-е место по соотношению женщин в законодательных органах власти с 27,3% (в 2020 г. – 82-е)*.

Вопрос обеспечения гендерного равенства и защиты прав женщин приобрёл статус важнейшего национального приоритета в повестке пришедшей к власти администрации Дж. Байдена. В предвыборной платформе Демократической партии 2020 г. данному вопросу уделялось огромное значение: гендерное равенство называлось ключевым приоритетом внешней политики США, а также ставилась цель гендерного паритета среди политических деятелей в сфере национальной безопасности. Здесь же говорилось и о значимости имплементации Резолюции 1325 СБ ООН. Заявлялось о планах активнее включать женщин в миротворческие процессы и повышать их лидерскую роль в обеспечении глобального мира и безопасности, в частности, потому что их участие может повысить прочность мирных соглашений. Говоря о более широких аспектах, демократы пообещали ратифицировать международную Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, а также возглавить международные усилия по искоренению насилия по гендерному признаку [3].

По своему составу администрация Дж. Байдена отличается, пожалуй, от всех предыдущих с точки зрения числа женщин на ключевых постах в министерствах и ведомствах, а также в консультативных органах. Так, женщины составляют 45% нынешнего Кабинета министров США. Касается это и внешнеполитической сферы, и сферы безопасности.

Должность главы Министерства энергетики, отвечающего за ядерный арсенал США, занимает Дженнифер Грэнхолм, которая во время всемирного финансово-экономического кризиса 2008 г. была губернатором штата Мичиган (первая женщина в истории штата на этом посту). Венди Шерман утверждена на посту заместителя госсекретаря США. Она имеет длительный опыт проведения международных переговоров по ядерной тематике. Так, при администрации У. Клинтона (1993–2001 гг.) она принимала участие в переговорах с КНДР, при администрации Б. Обамы (2009–2017) считалась одним из авторов Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) по иранской ядерной программе. Так что на неё возлагаются большие надежды.

* Women in Politics: 2021. Available at: <https://www.unwomen.org/-/media/headquarters/attachments/sections/library/publications/2021/women-in-politics-2021-en.pdf?la=en&vs=353>; Available at: <https://www.unwomen.org/-/media/headquarters/attachments/sections/library/publications/2020/women-in-politics-map-2020-en.pdf?la=en&vs=827>

Заместитель министра обороны Кэтлин Хикс связана с научными кругами, работала в таких «мозговых центрах», как Центр стратегических и международных исследований, и имеет докторскую степень по политологии. Кроме того, она работала и в структурах Министерства обороны США. Её авторству принадлежит несколько исследовательских работ по национальной безопасности и военной политике, в том числе в отношении Китая, что в настоящее время приобретает особую важность.

Ещё несколько женщин в администрации Дж. Байдена также пришли из исследовательских кругов. Например, в должности заместителя министра энергетики по вопросам ядерной безопасности утверждена Джилл Хруби, руководившая Национальной лабораторией Сандия, в которой разрабатываются неядерные компоненты ядерного оружия; Дж. Хруби занималась там исследованиями проблем энергетической и ядерной безопасности, национальной безопасности, борьбы с терроризмом, нераспространения ядерного оружия.

Александра Бэлл, бывшая сотрудница Государственного департамента и ряда «мозговых центров», включая Центр по контролю над вооружениями и нераспространению (*Center for arms control and nonproliferation*), заняла пост заместителя помощника госсекретаря и руководителя Бюро по вопросам контроля над вооружениями, верификации и соблюдения соглашений.

Бонни Дженкинс, заместитель госсекретаря США по вопросам контроля над вооружениями и международной безопасностью, – первая чернокожая женщина, утверждённая в такой высокой должности в сфере международной безопасности. До своего назначения работала в Госдепартаменте в должности координатора программ по сокращению угроз и занималась в том числе проблемами ядерного, биологического и химического оружия. Б. Дженкинс была советником на переговорах по таким соглашениям, как Договор о всеобщем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), Конвенция о запрещении химического оружия (КЗХО), Договор по открытому небу (ДОН), что, конечно, можно крайне положительно воспринимать с точки зрения нынешних стратегических переговоров с Россией. Б. Дженкинс выступает в поддержку принятой в 2010 г. резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Женщины, разоружение, нераспространение и контроль над вооружениями».

Чернокожая женщина – Линда Томас-Гринфилд – назначена на должность постоянного представителя США при ООН. Находится на дипломатической службе с 1982 г., работала, в основном, в развивающихся странах.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ЖЕНЩИН НА НАЦИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ США

В течение многих лет женщины прилагали большие усилия к тому, чтобы участвовать в работе сферы национальной безопасности. Теперь имеется ряд организаций и движений, способных направить эти усилия в нужном направлении.

нии и показать риски, связанные с отсутствием женщин в процессе принятия решений и разработки политических и военно-политических программ.

Исследования в этой области проводятся практически всеми ведущими «мозговыми центрами» Соединённых Штатов, связанными с внешней политикой и национальной безопасностью, при этом в некоторых из них влиянию женщин в этих сферах посвящены отдельные секции, выпускающие довольно политизированные материалы, призывающие к активному вовлечению женщин, обсуждению их участия в процессе принятия решений по вопросам национальной безопасности США.

Приведём наиболее влиятельные в этом отношении организации, а также новые недавно созданные центры, работающие целенаправленно по гендерной тематике; рассмотрим специфику их видения влияния женщин на сферу безопасности.

Центр новой американской безопасности (*Center for a new American security*) инициировал проект «Женщины в национальной безопасности» [4] с целью расширить обсуждение гендерных вопросов и инклюзивности в сфере национальной безопасности США. Данный проект представлен в сборнике различных статей, интервью, материалов и обучающих ресурсов, направленных на информирование об опыте женщин, непосредственно вовлечённых в вышеуказанную область. Согласно официальному сайту Центра самым важным аспектом его работы является включение опыта и приоритетов женщин в текущую политическую повестку дня.

Руководящий совет по делам женщин в сфере национальной безопасности (*Leadership Council for Women in National Security*) [5] был создан в 2019 г. с целью устранить системный расизм, гендерное неравенство и укрепить национальную безопасность. Одним из достижений этого совета стало получение заверения президента Дж. Байдена и вице-президента Камалы Харрис в том, что они будут добиваться гендерного паритета при назначении на должности в органах национальной безопасности. Также Совет составил базу данных о более чем 900 женщинах, имеющих высокую квалификацию и готовых работать на руководящих должностях в сфере национальной безопасности. В 2021 г. Совет перенаправил свои усилия на повышение роли и участия женщин в различных конференциях, брифингах и выступлениях, чтобы более активно освещать этот вопрос – в первую очередь, в средствах массовой информации. Особый акцент Совет делает на привлечении к участию в политической и околополитической деятельности чернокожих и вообще небелых женщин.

Цветные женщины за продвижение мира и безопасности (*Women of color advancing peace and security*) [6] – некоммерческая организация, созданная уже упомянутой Б. Дженкинс в 2017 г. Она же была его директором вплоть до своего назначения на нынешний пост в 2021 г. Создание этой платформы Б. Дженкинс обосновывает тем, что для решения глобальных вызовов требуется разнообразие представленных точек зрения.

Гендерные активисты в ядерной политике (*Gender Champions in Nuclear Policy*) [7] – движение, созданное в 2018 г. Лорой Холгейт и Мишель Довер, целью

которого является преодоление гендерных стереотипов и обеспечение гендерного равенства на практике. В рамках этой сети действует «обязательство о паритете на дискуссионных форумах», которое предлагается подписать тем его членам, которые готовы поставить для себя цель не участвовать в дискуссиях, где выступают только мужчины.

«Женщины в обороне» (*Women in Defense*) – филиал Национальной оборонной промышленной ассоциации (*National Defense Industrial Association, NDIA*) [8], созданный в 1985 г. для вовлечения, развития и продвижения женщин во все сферы национальной безопасности. Организация имеет своей целью расширение прав и возможностей женщин с целью их профессионального роста посредством развития стратегических сетей, лидерских навыков, наставничества и образования в рамках различных национальных и региональных мероприятий, направленных на решение некоторых из наиболее актуальных проблем национальной обороны.

Инициатива по вопросам расы, процветания и инклюзивности (*Race, prosperity and inclusion initiative*) института Брукингса [9] направлена на создание конкретных мер по борьбе с систематическим расизмом и более равноправного общества для всех американцев, уделяет особое внимание малоимущим, лицам с низким уровнем дохода и представителям других рас.

Международный центр учёных имени Вудро Вильсона (*The Woodrow Wilson International Center for Scholars*) стал первым «мозговым центром», получившим международный сертификат за гендерное равенство (*Economic Dividends for Gender Equality, EDE*) [10]. Этот сертификат подтверждает глобальные обязательства центра по достижению и поддержанию гендерного паритета и равенства на рабочем месте. Согласно официальному сайту, гендерный паритет важен для глобального лидерства и решения глобальных проблем.

Женщины на государственной службе (*The women in public service project*) – программа Международного центра учёных имени Вудро Вильсона, которая отражает приверженность Центра гендерному равенству [11]. Целью программы является ускорение глобального прогресса на пути к равноправному участию женщин и мужчин в политике и политическом руководстве для создания более инклюзивных институтов и задействования полного потенциала населения мира.

Движение **#NatSecGirlSquad** поддерживает женщин в сфере национальной безопасности и обороны [12]. Эта организация компания создаёт и содействует компетентному разнообразию в сфере национальной безопасности и обороны посредством накопления опыта и создания сообщества профессионального развития. Основатель и генеральный директор Мэгги Фильдман-Пилтгч. По состоянию на июль 2020 г. это движение ежемесячно взаимодействует более чем с 40 тыс. человек.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Согласно некоторым исследованиям, в частности мнению американского автора А. Шнейкера, роль женщины в сфере национальной безопасности рассматривается не сама по себе, а только в том смысле, в каком её поведение отли-

чается от ожидаемого поведения мужчины [Schneiker A. 2021: 1169]. Если анализировать, к примеру, конфликты и другие кризисные явления в международных и внутригосударственных отношениях, остановить или предупредить которые люди стремятся в рамках обеспечения национальной безопасности, в общественном сознании женщины чаще всего воспринимаются как жертвы, нежели как лидеры или участники этих процессов, в результате чего опыт женщины в решении связанных с этим вопросом ограничен и отличается от опыта мужчин. Однако, согласно распространённым представлениям, женщины, участвующие, например, в международных переговорных процессах, делают ставку на вопросах, способствующих укреплению мира и стабильности, таких как права человека, развитие образования, социальной сферы и разоружение. Кроме того, женщины в среднем меньше воспринимаются как люди, представляющие угрозу, что способствует созданию мирной обстановки, они вызывают больше доверия и в целом являются более дружелюбными и общительными.

В то же время такое восприятие женщин, по нашему мнению, может способствовать представлениям об ограниченности их компетенции. Продвижение идей о необходимости гендерной диверсификации в сфере безопасности может создавать впечатление, что основной задачей женщины, находящейся на своём посту, является представление своей социальной группы и решение вопроса недостаточного полового разнообразия в том или ином ведомстве. Такое представление о женщинах в сфере национальной безопасности ведёт нередко к ошибочным суждениям о недостаточном разнообразии взглядов женщин на те или иные проблемы, сомнениям в их лидерских качествах и готовности заниматься широким кругом вопросов, связанных с безопасностью.

При этом возникает и ещё проблема. С одной стороны, считается крайне важным поощрять участие женщин в вопросах принятия решений в сфере национальной безопасности. И хотя США не являются пионером в вопросе продвижения гендерного равенства в политической системе власти, но в том, что касается сферы «жёсткой безопасности», они сделали определённые успехи в воспитании целого поколения талантливых женщин, разбирающихся в различных проблемах национальной безопасности, включая военную безопасность, ядерную политику, контроль над вооружениями, технические области, такие как верификация и безопасность ядерных материалов.

С другой стороны, большой вопрос вызывают некоторые инициативы, возникающие в американской академической среде, касающейся сферы национальной безопасности. Обязательство о неучастии в мероприятиях, где среди выступающих нет женщин, зачастую заставляет организаторов пересматривать программу и тему проводимой дискуссии в целом по причине того, что женщин-специалистов по той или иной теме просто нет. При этом в России по-прежнему существует чаще всего не озвучиваемая вслух предубеждённость в отношении женщин, которые предлагают свою экспертизу именно в сфере «жёсткой безопасности» (*hard security*). Представляется крайне важным уйти от сложившихся стереотипов, позаимствовать лучшие западные практики, особен-

но в сфере подготовки молодых специалистов, однако при этом не рассматривать гендерный аспект как игру с нулевой суммой, где одна из сторон должна обязательно проигрывать.

ИСТОЧНИКИ

1. United States Strategy on Women, Peace, and Security. Washington DC, The White House, 2019. – 16 p.
2. United States Government Women, Peace, and Security (WPS) Congressional Report. Washington DC, The White House, 2021.
3. 2020 Democratic Party Platform. – 91 p. Available at: <https://democrats.org/wp-content/uploads/2020/08/2020-Democratic-Party-Platform.pdf> (accessed 15.09.21)
4. Women in National Security. Center for a New American Security. Available at: <http://women.cnas.org> (accessed 15.09.21)
5. The Leadership Council for Women in National Security. Available at: <https://www.lcwins.org> (accessed 15.09.21).
6. Women of color advancing peace and security. Available at: <https://www.wcaps.org/> (accessed 15.09.21).
7. Gender Champions in Nuclear Policy. Available at: <https://www.nti.org/about/programs-projects/project/gender-champions-nuclear-policy> (accessed 15.09.21).
8. Women in Defense. Available at: <https://www.womenindefense.net> (accessed 15.09.21).
9. Race, Prosperity and Inclusion Initiative. Available at: <https://www.brookings.edu/project/race-prosperity-and-inclusion-initiative> (accessed 16.09.21).
10. Wilson Center Becomes First Think Tank to Receive Global Gender Equality Certification. Available at: <https://www.wilsoncenter.org/article/wilson-center-becomes-first-think-tank-to-receive-global-gender-equality-certification> (accessed 16.09.21).
11. About the Women in Public Service Project. Available at: <https://www.50x50movement.org/about-women-public-service-project/> (accessed 16.09.21).
12. About #NatSecGirlSquad. Available at: <https://www.natsecgirlsquad.com/about> (accessed 16.09.21).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Шведова Н.А. 2019. Создание мира равных возможностей: стратегия равенства и политическое представительство полов в США. Россия и Америка в XXI веке, № 2. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760000031-1-1/> (accessed 20.09.2021). DOI: 10.18254/S207054760006017-5

Кравченко И.Ю. 2020. Женщины в американской политике: роль в процессе формирования политических решений. *Проблемы национальной стратегии*, № 1, с. 13-25.

REFERENCES

Hudson V., Caprioli M., Ballif-Spanvill B., McDermott R., Emmett C. 2009. The Heart of the Matter: The Security of Women and the Security of States. *International Security*, No. 3, p. 7-45.

Fukuyama F. 1998. Women and the Evolution of World Politics. *Foreign Affairs*, No. 6. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1998-09-01/women-and-evolution-world-politics> (accessed 20.09.2021).

Kuzminski K., Schafer A., Carter P., and Swick A. 2017. From College to Cabinet: Women in National Security. *Center for New American Security*. Available at: <https://www.cnas.org/publications/reports/from-college-to-cabinet> (accessed 01.10.2021).

Kirby P., Shepherd L. 2016. The futures past of the Women, Peace and Security agenda. *International Affairs*, No. 2, p. 373-392.

Schneiker A. 2021. The UN and women's marginalization in peace negotiations, *International Affairs*, No. 4, p. 1165-1182.

Shvedova N.A. 2019. Creating a World of Equal Opportunities: Equality Strategies and Political Representation of the Sexes in the United States (*In Rus.*). *Russia and America in the 21th Century*, № 2. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760000031-1-1/> (accessed 20.09.2021).

Kravchenko I.Yu. 2020. Women in the American politics: their role in the decision-making process (*In Rus.*). *National Security Issues*. No.1, p. 13-25.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СТЕПАНОВА Наталия Владиславовна, научный сотрудник, Отдел военно-политических исследований. Институт США и Канады РАН. Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3.

ЧЕСТНЯГИНА Ксения Сергеевна, младший научный сотрудник, Отдел внутривнутриполитических исследований. Институт США и Канады РАН. Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3.

Nataliya V. STEPANOVA, Research fellow, Department of Military-Political Studies. Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences. 2/3, Khleby per., Moscow, 121069, Russian Federation.

Kseniya S. CHESTNYAGINA, Junior research fellow, Department of Internal Policy Studies. Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences. 2/3, Khleby per., Moscow, 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 30.09.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 10.10.2021.

Статья принята к публикации / Accepted 13.10.2021.

УДК 327

DOI: 10.31857/S268667300017540-4

Новейший этап политики Канады в отношении КНР: переход к противостоянию?

М.В. Солянова

ИМЭМО РАН. Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная, 23

ORCID 0000-0002-4974-4508

e-mail: solyanova.maria@imemo.ru

Резюме. На протяжении многих лет Канада и Китай были партнёрами в экономической, торговой, научно-технологической и других областях. Однако в последние два года отношения между ними стали ухудшаться. Канада оказалась втянутой в борьбу двух экономических гигантов – Соединённых Штатов Америки и КНР. В начале 2021 г. противостояние перешло на новый уровень – канадское правительство ввело торговые ограничения в связи с ухудшением ситуации вокруг прав этнических меньшинств в Китае. В данной статье исследуется политика Оттавы в условиях резкого обострения двусторонних отношений. А также анализируется, насколько Канада способна маневрировать в сложно структурированных экономических и политических условиях, не поступаясь своими принципами и ценностями, не теряя веса на международной арене и не обостряя отношений с двумя крупнейшими торговыми партнёрами.

Ключевые слова: Канада, Китай, США, двусторонние отношения, вызов, обострение отношений

Для цитирования: Солянова М.В. Новейший этап политики Канады в отношении КНР: переход к противостоянию? *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2021; 51(12): 44-60. DOI: 10.31857/S268667300017540-4

The Latest Stage of Canada's Policy Towards China: Transition to Confrontation?

Maria V. Solyanova

IMEMO RAS, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997

ORCID 0000-0002-4974-4508

e-mail: solyanova.maria@gmail.com

Abstract. Over the years, Canada and China have been partners in the economic, trade, science and technology and other fields. However over the past two years, relations between Canada and China have deteriorated in stages. Canada found itself embroiled in a struggle between two economic giants - the United States and China. In early 2021, the confrontation moved to a new level: the Canadian government introduced trade restrictions in connection with the deterioration of the situation around the rights of ethnic minorities in China. This article focuses on the policy of Ottawa in the context of a sharp exacerbation of bilateral relations. It also analyzes if Canada is able to maneuver in complexly structured economic and political conditions, without compromising its principles and values, without losing weight in the international arena and without aggravating relations with the two largest trading partners.

Keywords: Canada, China, USA, bilateral relations, challenge, aggravation of relations

For citation: Solyanova M.V. The Latest Stage of Canada's Policy Towards China: Transition to Confrontation? USA & Canada: Economics, Politics, Culture, 2021; 51 (12): 44-60. DOI: 10.31857/S268667300017540-4

ВВЕДЕНИЕ

Усиление экономического и политического влияния КНР на мировой арене представляет научный и практический интерес в различных странах, а увеличивающееся противостояние западной и китайской цивилизаций всё больше становится предметом дискуссий в академических и политических кругах. В российской научной среде работы посвящаются изучению канадско-китайских экономических отношений, возрастающей роли КНР в мировой политике, а также усиливающемуся противостоянию США и Китая как двух глобальных игроков [Батюк В.И. 2019]; [Приходько О.В. 2020]; [1]. В Канаде проблема двусторонних отношений приобрела острый характер, появляется всё больше публикаций [Coulon J. 2019]; [Manthorpe J. 2019] и исследований [Cole J.M. 2018]; [Schrader M. 2020], посвящённых вопросам подъёма Китая и связанных с этим рисков для текущей и будущей политики Канады.

История взаимодействия двух стран началась задолго до установления официальных дипломатических отношений в 1970 г. Сегодня разработаны различные двусторонние механизмы, способствующие поддержанию отношений на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Например, в 2016 г. были запущены следующие форматы встреч:

- диалог министров иностранных дел для обсуждения различного рода аспектов региональной и глобальной безопасности, сотрудничества в правовой сфере, соблюдения общепризнанных прав человека, защиты окружающей среды и др.;

- канадско-китайский диалог на высоком уровне по вопросам национальной безопасности и верховенства права, участие в котором принимают советник премьер-министра Канады по национальной безопасности и генеральный секретарь ЦК по политике и праву КНР, а также различные министры правительств двух стран. Две такие встречи состоялись в 2016 и 2017 гг. между китайским министром госбезопасности и руководителем канадской Службы безопасности и разведки, на которых обсуждались вопросы борьбы с терроризмом, сотрудничества правоохранительных органов в противодействии транснациональной организованной преступности, кибербезопасности, обеспечения региональной и глобальной безопасности, взаимодействия в правовой и судебной сферах;

- ежегодный диалог между премьер-министром Канады и главой правительства КНР. Последний состоялся 14 ноября 2018 г., на котором Дж. Трюдо встретился с председателем Государственного совета Китая Ли Кэцяном, чтобы обсудить углубление двустороннего взаимодействия в сфере торговли и инвестиций. Кроме того, была достигнута договорённость о начале переговоров по запуску ежегодного экономического и финансового стратегического диалога. Первая

встреча состоялась в 2018 г., основными вопросами для обсуждения на которой стали: углубление и расширение экономических и торговых отношений, укрепление сотрудничества в сфере глобального управления, определение приоритетных секторов для двустороннего взаимодействия;

– в 2018 г. также были запущены диалоги министерского уровня по проблемам изменения климата и защите окружающей среды.

Все вышеперечисленные механизмы имели своей целью расширять взаимодействие и углублять двустороннее сотрудничество, в первую очередь, на официальном уровне. У Канады и КНР тесные связи в экономической, научно-технологической, социальной сферах. Китай на протяжении многих лет являлся вторым крупнейшим торговым партнёром Канады (после США).

Человеческое измерение двусторонних отношений также один из ключевых факторов их развития. По официальным данным, почти два миллиона проживающих в Канаде лиц имеют китайское происхождение [5], а китайский язык является одним из самых распространённых, после английского и французского. Китайцы составляют самую большую группу иммигрантов – 11,4% (включая мигрантов из административного района Гонконг) [6]. До пандемии коронавируса COVID-19 постоянно растущие потоки китайских туристов не только вносили весомый вклад в канадскую экономику, но и значительно обогащали культурные связи, расширяли взаимодействие на уровне граждан.

Таким образом, канадско-китайские отношения характеризуются наличием глубоких формальных и неформальных связей, которые могут стать значительным сдерживающим фактором, не позволив привести к их обострению и полному разрыву.

«ТОЧКА ЗАМЕРЗАНИЯ» В ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЯХ

Канадско-китайские отношения в целом последовательно развивались до декабря 2018 г. Они резко обострились в связи с арестом по требованию США финансового директора китайской телекоммуникационной корпорации «Хуавей технолоджи» (*Huawei Technologie*) Мэн Ваньчжоу в аэропорту Ванкувера. Соединённые Штаты предъявили компании обвинение в обходе американских санкций против Ирана. Кроме того, в феврале 2020 г. Министерство юстиции США выдвинуло против Мэн Ваньчжоу новое обвинение в мошенничестве и присвоении интеллектуальной собственности, заявив о её непосредственной причастности к этому.

Её арест положил начало дипломатическому охлаждению, отмене переговоров по устранению торговых ограничений с Китаем и прекращению закупок рапса и соевых бобов из Канады, что оказало крайне неблагоприятное воздействие на сельскохозяйственный сектор канадской экономики. Так, по состоянию на ноябрь 2019 г. экспорт товаров снизился на 14,7%, импорт из КНР – на 0,4%, а товарооборот в целом – на 4,4% [16]. Кроме того, КНР предприняла и другие ответные меры, в том числе аресты канадских граждан – бывшего дипломата

М. Коврига и бизнесмена М. Спейвора, которых обвинили в «заговоре с целью подорвать национальную безопасность» государства; закрытые судебные процессы, а также замену 15-летнего тюремного срока смертным приговором для канадца, обвинённого в участии в организованной международной группировке, занимающейся контрабандой наркотиков.

Более года спустя напряжённость и настороженность в отношениях сохраняется. Стороны периодически высказывают претензии в ангажированности правоохранительных и судебных органов, нежелании идти на компромисс. Но компромисс со стороны Канады абсолютно исключён в виду взятых на себя юридических обязательств перед своим ближайшим союзником и крупнейшим торговым партнёром – Соединёнными Штатами. Поэтому политические и экономические отношения не смогут вернуться в прошлое русло сотрудничества в скором времени. Для нормализации ситуации потребуются приложить серьёзные дипломатические усилия, так как ухудшение канадско-китайских отношений стало в определённой степени проявлением нарастающего противостояния США и КНР.

Канада одной из первых стран ощутила на себе негативное влияние торговой и технологической войны между двумя крупнейшими экономиками на мировой арене. Нынешняя американская администрация, как и предыдущая, рассматривает Китай в качестве основного соперника. Так, в опубликованном в марте 2021 г. Временном стратегическом руководстве по национальной безопасности США (*Interim National Security Strategic Guidance*) американо-китайское противостояние обозначено как стратегическое, а КНР названа единственным конкурентом, обладающим потенциалом в экономической, военной, технологической сферах, способным стать вызовом глобальной стабильности и устойчивости мирового порядка.

Таким образом, арест Мэн Ваньчжоу демонстрирует, что выбор политического курса канадского правительства в отношении Китая так или иначе будет связан со значительными политическими издержками и экономическими рисками, необходимостью идти на компромиссы и поступаться своими национальными интересами.

КИТАЙ КАК УГРОЗА ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Ещё до начала кризиса в двусторонних отношениях с КНР канадские политические деятели и эксперты стали открыто выражать обеспокоенность её влиянием на мировой арене, указывать на риски для канадской внутренней и внешней политики, а также для всего либерально-демократического сообщества [11]. Эксперты констатируют тот факт, что геополитический и геоэкономический баланс сил претерпевает серьёзные изменения и Китай уже сегодня является «крупным глобальным игроком» [8], одной из сверхдержав, к которой канадским властям нужно искать подход и формировать стратегию отношений на будущее. Кроме того, они отмечают, что китайские власти проводят агрессив-

ную внешнюю политику, целью которой является подрыв устоявшегося мирового порядка, основанного на либеральных ценностях и демократических институтах [Cole J.M. 2018].

Среди факторов, указывающих на стремление КНР подорвать либеральный порядок, а также ошибочность выдвигаемых ранее идей о безальтернативной либерализации Китая посредством усиления открытости его экономики и участия в международных институтах, отмечаются пренебрежение китайскими властями норм международной дипломатии, использование методов давления в отношении своих контрагентов, репрессивный характер внутренней и внешней политики, активизация продвижения своих интересов с использованием лоббирования, СМИ и академических кругов, фокусировка внешнеполитической деятельности на расширении сотрудничества в рамках проекта «Один пояс – один путь». Именно такое восприятие Китая стало доминировать в официальных кругах Канады. В марте 2020 г. был опубликован годовой отчёт Комитета парламентариев по национальной безопасности и разведке за 2019 г. [1]. Он содержит перечень основных рисков и угроз национальной безопасности Канады. Одной из таких угроз называется иностранное вмешательство с целью продвижения своих интересов, а основными субъектами – Россия и КНР. В качестве такого иностранного вмешательства считается «враждебная государственная деятельность, направленная на проникновение в институты, экономику, политику и общество Канады и манипулирование ими», что является лишь частью более глобальной государственной стратегии по «продвижению интересов режима».

Эксперты убеждены, что китайское «вмешательство» характеризуется умышленным использованием слабых сторон канадского государственного устройства и институтов, открытости общества, демократических принципов и норм, и оно несёт колоссальные риски для суверенитета и безопасности Канады, прав и свобод её граждан. В частности, отмечается, что китайские власти используют свою возрастающую экономическую мощь для подобного вмешательства, применяя финансовые инструменты, а не идеологические. В целом отчёт основывается на комплексном анализе китайской юридической базы, а также ситуационных исследований, проведённых экспертами из Австралии и Новой Зеландии (на примерах вмешательства КНР в дела этих стран), изучающих фундаментальный подход Китая к проведению своей внутренней и внешней политики, а также к позиционированию себя на мировой арене. В частности, дискурсивные исследования различных кейсов, выявили два неразделимых между собой механизма усиления и продвижения китайского влияния внутри страны и за рубежом – силовой (с помощью оружия и насилия) и культурный (использование культурного и языкового фактора). Главными объектами китайского «вмешательства» внутри Канады в отчёте называются:

– этнокультурные сообщества (основными средствами китайского «вмешательства» являются угрозы, разного рода притеснения, незаконные задержания и аресты, манипулирование посредством невыдачи виз, давление на правозащитников);

– система принятия политических решений, избирательная система (публичные должностные лица, в том числе члены правительства, парламентарии, муниципальные чиновники, представители коренных сообществ), любые лица, участвующие в принятии решений, являются объектами китайского влияния. В данной сфере КНР стремится оказать определённое воздействие на всех стадиях процесса принятия политических решений, включая стадию обсуждения и дебатов с тем, чтобы не допустить любые прения по предложениям или идеям, противоречащим интересам КНР;

– средствами массовой информации используются различные механизмы «инострannого вмешательства» и манипулирования, целью которых является «изменение глобальной информационной среды», начиная от искажения информации и заканчивая взятием СМИ под контроль. При этом основным инструментом китайских интересов остаётся усиленное финансирование – оплата рекламы, журналистских работ, потока позитивных новостей и сведений о режиме;

– образовательные учреждения и академическое сообщество – здесь инновационные разработки и идеи могут стать объектом иностранного шпионажа и кражи интеллектуальной собственности. Кроме того, высказываются опасения, что китайские власти могут спонсировать или каким-либо иным образом поддерживать деятельность, подрывающую независимость канадских академических институтов, оказывать влияние на общественное мнение, дебаты и дискуссии с целью подрыва свободы слова и собраний.

Данный доклад [1] сигнализирует, что в Канаде постепенно формируется образ угрозы со стороны Китая, бросающего вызов основополагающим механизмам канадской государственности, которые становятся объектами и инструментами вмешательства, пропаганды и агрессивного лоббирования своих интересов, ставя тем самым под угрозу либерально-демократические ценности, на которых существует и за счёт которых совершенствуется государственная система.

КАНАДА В ПОИСКАХ ОТВЕТА НА КИТАЙСКУЮ УГРОЗУ

Кризис в отношениях с КНР выявил не только внешнеполитические риски для страны, но и внутривнутриполитические. Арест канадских граждан в Китае вызвал недовольство и политических деятелей в Канаде, и гражданского общества, и СМИ, которые внимательно следят за действиями правительства по исправлению ситуации. Так, с 26 сентября по 3 октября 2019 г. Университетом Британской Колумбии среди канадских граждан было проведено масштабное исследование общественного мнения о Китае, его внешней, внутренней политике и влиянии на Канаду [13]. Опрос показал, что в тройку стран, по отношению к которым респонденты высказываются неблагоприятно, входят Россия, Китай и США. Причём Китай был назван государством, которое в следующем десятилетии станет крупнейшей экономической державой, хотя и Соединённые Штаты останутся глобальным игроком.

Какие же сферы двусторонних отношений названы канадцами в качестве наиболее актуальных? На первый план выходят торговля и инвестиции, затем идёт сотрудничество по глобальным вопросам. Далее по значимости выделяются защита канадских ценностей, права человека в Китае, кибербезопасность и права на интеллектуальную собственность. При этом в отношении проблем, связанных с соблюдением прав человека, подавляющая часть респондентов считает, что Канада должна оказывать давление на КНР за счёт включения соответствующих положений в двусторонние торговые соглашения. 58% респондентов также поддерживают утверждение, что канадское правительство должно укреплять свой оборонный потенциал в контексте увеличивающейся угрозы со стороны КНР.

Проведённый опрос затронул и вопрос эффективности политики Оттавы по возвращению двух арестованных в Китае граждан Канады. Так, 43,25% канадцев считают, что правительство прилагает недостаточно усилий для защиты своих арестованных в КНР граждан и что Консервативная партия справилась бы с защитой канадских граждан и канадских ценностей лучше, чем либералы, и более эффективно способна развивать двусторонние экономические связи.

Ключевыми факторами, оказывающими негативное влияние на общее впечатление о Китае, как выявил рассматриваемый опрос, являются китайская система управления, военные действия и положение в области прав человека в стране, но при этом большая часть респондентов выступает за поддержку инвестиционной политики в сфере исследований и разработок, в том числе на базе канадских университетов. Таким образом, несмотря на ужесточение риторики политических деятелей, гражданское общество Канады, в целом, выступает за продолжение диалога с КНР, налаживание двусторонних контактов и развитие торговых отношений.

Во многом этим объясняется то, что в декабре 2019 г. парламентом Канады было принято решение о формировании Специального комитета по нормализации отношений с Китаем. Несмотря на то, что либералы выступали против его создания, инициатива, выдвинутая представителем Консервативной партии Э. О'Тулом, была поддержана всеми оппозиционными партиями (консерваторами, Квебекским блоком, Новой демократической партией и Партией зелёных), а также независимым членом Палаты общин Дж. У.-Рейболдом. Принципиально важной особенностью деятельности созданного комитета является усиление парламентского контроля и повышение уровня подотчётности правительственных решений обществу. Тем самым правительство Канады вынуждено более ответственно подходить к процессу принятия решений в данной сфере, налаживать диалог с оппозиционными партиями, считаться с альтернативным мнением, идти на уступки и сотрудничать с другими лицами, принимающими политические решения.

Задачей Специального комитета по нормализации отношений с Китаем является всестороннее изучение двусторонних отношений, включающих дипломатическую, экономическую, правовую и другие сферы, а также взаимодействие

в области безопасности. Одной из сфер, вызывающих опасения у оппозиционных партий, являются канадские инвестиции в Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), решение о покупке доли в котором было принято ещё в 2016 г. На заседании комитета были обнародованы данные о том, что КНР стремится использовать такого рода многосторонние институты для расширения своего экономического влияния не только на региональном, но и на глобальном уровне, а также для продвижения авторитарной модели государственного управления [9]. Данные были подготовлены для министра иностранных дел с тем, чтобы правительство пересмотрело подходы к участию в АБИИ, отказалось от него, несмотря на то что данная инициатива предоставляет широкие экономические и финансовые возможности для канадского бизнес-сообщества. В представленных документах также говорилось о том, что Китай способен использовать агрессивные инструменты политического и экономического характера для продвижения в мировой политике норм и принципов, противоречащих ценностям и интересам Канады. Ещё в феврале 2019 г. министр иностранных дел Тайваня Дж. Ву предостерегал Канаду об опасности АБИИ как инструмента «продвижения геополитических амбиций Пекина» [11].

В своих выступлениях на заседаниях комитета, как и ожидалось, подавляющее большинство представителей правительственных ведомств избегают жёстких высказываний и критики действий правительства Канады в отношении Пекина. В целом все представители либерального правительства сходятся во мнении, что необходимо строить канадско-китайские отношения по принципу взаимной выгоды, развивая сотрудничество в областях, где национальные интересы двух стран пересекаются. Данная позиция, однако, подвергается серьёзной критике экспертов, которые выражают глубокую обеспокоенность таким внешнеполитическим подходом, не способным эффективно отстаивать национальные интересы, в отличие от консервативного правительства Ст. Харпера, которое открыто выражало свою позицию по поводу нарушения прав человека китайскими властями. Так, бывший советник посольства Канады в Пекине, профессор Университета Брока Ч. Бёртон высказал большую тревогу в связи с «бездействием перед лицом ужасающей и масштабной программы культурного геноцида против уйгуров и других тюркских мусульман в Китае» [9], а также недовольство нарушением Оттавой сложившегося статус-кво и неприменением «закона Магнитского» в отношении китайских публичных должностных лиц. Другие аналитики из Университета Альберты, Университета Британской Колумбии, Карлтонского университета предлагают использовать взвешенный и трезвый подход на основе реалистичного понимания глобальной стратегии и специфики коммунистического режима. Эксперты призывают диверсифицировать канадскую политику в Азии, углубляя взаимодействие с такими региональными игроками, как Тайвань и Япония.

Премьер-министра Дж. Трюдо осуждают за то, что правительственные институты не предпринимают действенных ответных мер в дипломатической, экономической, политической сферах, таких как высылка из страны китайских

дипломатических представителей, визовые ограничения или открытая поддержка Тайваня. Критики считают, что Канада могла бы использовать свой санкционный режим в отношении КНР.

САНКЦИОННЫЕ РЕЖИМЫ КАНАДЫ

В российской научной литературе тематика канадских санкций исследована достаточно подробно [Израелян Е.В. 2015]. Для понимания, какие именно ограничительные механизмы могут применяться по отношению к КНР, кратко охарактеризуем систему канадских санкционных режимов.

Министерство глобальных отношений Канады определяет санкции как «инструмент внешней политики, используемый для решения проблем международного мира и безопасности, грубых нарушений прав человека и иностранной коррупции в крупных масштабах» [4]. Таким образом, канадские санкции направлены на изменение политики или поведения государства – объекта санкций, физических или юридических лиц, одновременно сводя к минимуму неблагоприятные последствия для гражданского населения и для законной деловой, гуманитарной или иной деятельности. Канада использует несколько типов санкционных мер: эмбарго на поставки оружия, заморозка активов, ограничения по экспорту и импорту, финансовые запреты, запрет на оказание технической помощи. К основным законодательным актам, на которых строятся все санкционные режимы Канады, относятся законы «Об имплементации санкций ООН» (*United Nations Act*), предусматривающий обязательное выполнение Канадой всех санкционных мер, принятых СБ ООН; «О специальных экономических мерах» (*Special Economic Measures Act, SEMA*); «О правосудии для жертв коррумпированных иностранных официальных лиц» (*Justice for Victims of Corrupt Foreign Officials Act*).

Такие ограничительные меры, как ограничения на въезд в Канаду, на экспорт, заморозка активов, могут применяться в соответствии с законами «Об иммиграции и защите беженцев», «Об экспортных и импортных разрешениях», «О замораживании активов коррумпированных иностранных официальных лиц». Кроме того, в рамках Уголовного кодекса Канады могут использоваться такие ограничительные механизмы, как запрет осуществлять операции с имуществом террористических организаций, его арест или конфискация.

Канадская законодательная база в сфере санкционной политики и правоприменительной практики в этой области имеет несколько режимов, которые могут быть использованы в отношении КНР. Во-первых, закон «О специальных экономических мерах» (*SEMA*). Хотя этот закон был принят в 1992 г., он всё ещё применяется в Канаде, если отсутствует решение СБ ООН и если в мире произошло нарушение международного права, которое угрожает или может угрожать глобальной безопасности. Данный режим представляет собой санкционное регулирование экономических отношений, конкретные экономические запреты в отношении физических или юридических лиц, негосударственных субъектов,

перечисленных в конкретном положении акта для отдельной страны. Этот закон позволяет Канаде вводить санкции, если:

- международная организация или коалиция государств, членом которой является Канада, призывает своих членов принять экономические меры против иностранного государства;
- произошло серьёзное нарушение международного мира и безопасности, которое привело или может привести к международному кризису;
- в иностранном государстве были совершены грубые и систематические нарушения прав человека;
- гражданин, являющийся либо иностранным публичным должностным лицом, либо соучастником такого должностного лица, несёт ответственность за совершение или соучастие в совершении коррупции в значительных масштабах.

Во-вторых, в отношении китайских чиновников, могут быть применены санкционные меры в соответствии с законом «О правосудии для жертв коррумпированных иностранных должностных лиц». Данный акт представляет собой юридическую новацию в нормативно-правовой практике Канады. Он был единогласно одобрен в 2017 г. и по своей сути идентичен «закону Магнитского». В соответствии с ним Оттава может вводить санкции в отношении иностранных граждан, в том числе находящихся за рубежом, которые 1) несут ответственность или являются соучастниками в совершении грубых нарушений прав человека в отношении лиц, стремящихся разоблачить незаконную деятельность, осуществляемую иностранным публичным должностным лицом, либо стремятся получить, осуществлять, защищать или поощрять права и свободы; и 2) являются пособниками перечисленных должностных лиц и ответственными за совершение или соучастие в совершении коррупции в особо крупных размерах.

Основанием применения этого санкционного режима могут послужить «грубые нарушения прав человека» китайским чиновником в отношении лиц, которые стремятся разоблачить незаконную деятельность иностранного публичного должностного лица, или стремятся защищать права и свободы (например, преследование тибетцев, уйгуров, китайских христиан, демократических активистов).

ПРАВИТЕЛЬСТВО ДЖ. ТРЮДО УСИЛИВАЕТ ДАВЛЕНИЕ НА КИТАЙ

Хотя защита прав и свобод человека является одним из ключевых направлений канадской внешней политики, в отношении КНР Оттава до нынешнего года стремилась сохранить прагматичный подход, обеспечивающий поддержание экономических связей и контактов между странами. Так, в ответ на подавление китайскими властями студенческих выступлений на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г., правительство Канады, хотя и выступило с осуждением действий КНР и ввело ограниченные экономические санкции, это не оказало существенного влияния на канадско-китайские отношения. Основной упор был сделан на расширение стратегии повышения открытости Китая и привлечения его к уча-

стию в международных институтах. До определённого момента Канада не предпринимала решительных политических шагов и ограничивалась дипломатическими заявлениями и «выражением крайней озабоченности» по поводу появляющейся в мировых СМИ информации о серьёзных нарушениях прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая.

В 2018 г. подкомитет по международным правам человека Постоянного комитета по иностранным делам и международному развитию Палаты общин по итогам своего расследования опубликовал пресс-релиз, в котором подтвердил факт существования «концентрационных лагерей» уйгуров и других тюркских мусульман и призвал правительство к «немедленному реагированию». В октябре 2020 г. было обнародовано заявление подкомитета «О положении дел в области прав уйгуров и других тюркских мусульман в Синьцзяне» [10], осуждающее КПК в геноциде, а также нарушении ст. 2 Конвенции ООН 1948 г. «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него».

Тем самым Канада стала инициатором международно-правового признания геноцидом внутривнутриполитического положения отдельных групп населения в Китае.

В заявлении подкомитет рекомендовал правительству оказать поддержку гражданскому обществу в странах Центральной Азии, Европы и Африки, включённых в инициативу «Один пояс – один путь», продвигать на международном уровне закрепление понятия «геноцид» за действиями Коммунистической партии Китая в отношении уйгуров в Синьцзяне, а также применить закон «О правосудии для жертв коррумпированных иностранных должностных лиц» в отношении китайских чиновников, причастных к нарушениям прав уйгуров и других тюркских мусульман на территории своей страны.

Правительство Дж. Трюдо не могло проигнорировать заявление парламентариев, и в январе 2021 г. обвинило КНР в несоблюдении международных норм в сфере защиты прав человека, притеснении граждан по этническому признаку, применении в отношении них репрессий, пыток и принудительного труда. Были введены торговые ограничения, нацеленные на предупреждение любых контактов бизнеса и предпринимателей с китайскими партнёрами, имеющими отношение к нарушениям прав уйгуров.

В соответствии с новыми поправками в законодательную базу Канады в торговой сфере (в частности, закон «О таможенных тарифах, «Приложение к таможенным тарифам», закон «О разрешениях на экспорт и импорт»), правительство ограничило импорт товаров, если существует подозрение, что при их производстве использовался принудительный труд, а также ужесточило контроль в сфере экспорта, чтобы канадские товары или услуги не могли использоваться в процессе нарушений прав уйгурских меньшинств. Кроме того, была разработана система делового консультирования о рисках, связанных с сотрудничеством с китайскими поставщиками, потенциально имеющими отношение к принудительному труду, и по выработке рекомендаций для канадских компаний, стремящихся работать или работающих в Синьцзяне. Все такие предприятия обязаны подписывать специальную Синьцзянскую декларацию добросовестности,

тем самым подтверждая свою осведомлённость обо всех случаях нарушения прав человека в Китае и решимость соблюдать правила и нормы Руководящих принципов ОЭСР для многонациональных предприятий и Руководящих принципов предпринимательской деятельности в аспекте прав человека ООН.

Вводя торговые ограничительные меры, Оттава стремилась продемонстрировать китайским партнёрам серьёзность и готовность предпринять конкретные шаги, чтобы перейти к более жёстким рычагам воздействия на КНР. И в марте 2021 г. было объявлено о применении Канадой одного из санкционных режимов – *SEMA* – в отношении четырёх китайских должностных лиц и одной компании. Теперь любым физическим лицам в Канаде или канадским гражданам за рубежом запрещено осуществлять какие-либо сделки с внесёнными в санкционный список людьми. Кроме того, им закрыт въезд в Канаду.

Использование именно данного режима предоставляет правительству возможность вносить поправки и расширять ограничительные механизмы, а также круг лиц и организаций, на которые направлены санкции. В дальнейшем в соответствии с ним в отношении Китая или отдельных секторов его экономики могут быть использованы новые запреты, в том числе разного рода ограничения в сфере экспорта и импорта товаров и услуг (включая финансовые), инновационных технологий, инвестиций.

Вводя торговые ограничения и применяя санкционный механизм для оказания давления на Китай, Оттава изменила статус-кво. На протяжении десятилетий действовал негласный принцип, согласно которому существовало два подхода политической стратегии в отношении Китая – консервативный и либеральный. Либеральный подход включал углубление партнёрства, развитие многовекторной системы связей, формирование новых тем для диалога, даже несмотря на ценностные расхождения в вопросе соблюдения прав и свобод человека. Консервативный подход предполагал большую сдержанность в развитии двусторонних отношений, а также жёсткость и решительность в отстаивании либерально-демократических идеалов и принципов. Решительный шаг, принятый правительством Дж. Трюдо в начале 2021 г., может быть сигналом возникновения межпартийного консенсуса в Канаде по поводу формирования новой политической стратегии на китайском направлении.

Вместе с тем, подобная решимость связана не только с усилением парламентского контроля в сфере канадско-китайских отношений. Торговые ограничения Канада ввела совместно с Великобританией, а санкционный механизм – совместно с США, Великобританией и Евросоюзом. Де-юре Канада не имеет строгих законодательных основ для применения санкций совместно со своими ближайшими союзниками. Де-факто анализ санкционных режимов, применённых Канадой, демонстрирует максимальную вероятность применения режима санкций в случае, если оба союзника также используют санкционные меры. Так, с окончания холодной войны Канада использовала режим санкций только совместно с США и ЕС. Отмечается всего один случай, когда применялись санкции лишь вместе с ЕС без Соединённых Штатов (в отношении Туниса и Египта), и ни

одного случая совместных санкций только с США без Евросоюза (например, Канада не ввела вслед за Вашингтоном санкции в отношении Венесуэлы в 2015 г.). Таким образом, многосторонний порядок применения режимов санкций является определяющим для Канады, в том числе в отношении КНР.

Учитывая тенденции канадской санкционной политики, можно с уверенностью утверждать, что список мер и ограничений будет только расширяться. Если Канада инициировала санкционное давление, то затормозить процесс принятия новых рестрикций в краткосрочной и среднесрочной перспективе не удастся.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В значительной степени на ужесточение канадской политики на китайском направлении оказали влияние результаты президентских выборов 2020 г. в США. При администрации Д. Трампа, несмотря на его политические заявления о недопустимости незаконного задержания канадских граждан в КНР, Вашингтон не проявлял стремления оказать поддержку Канаде. С приходом нового американского президента канадское правительство ощутило поддержку со стороны своего ближайшего союзника. Во многом это можно объяснить особым значением для Канады взаимоотношений с Соединёнными Штатами, которые являются не только ближайшим партнёром в экономике и торговле, но и ближайшим союзником в рамках ряда двусторонних соглашений, а также НАТО. Общее видение союзниками цивилизационного и ценностного развития международных отношений способствует углублению консолидации санкционных режимов Канады, США и ЕС. Увеличению санкционных мер способствуют также наличие общей цели, которую они преследуют, и ставка на оказание коллективного давления на «нарушителя международного порядка».

Во время переговоров по телефону или виртуальной встречи на высшем уровне лидеры Канады и США неоднократно поднимали вопрос выстраивания отношений с Китаем как одним из субъектов мировой политики, нарушающим общепризнанные нормы международного права и подрывающим принципы существующего миропорядка. В феврале 2021 г. во время двустороннего онлайн-диалога Дж. Трюдо и Дж. Байден уделили особое внимание формированию общей стратегии в отношении КНР. Отметим: то, что Канада решилась предпринять определённые политические шаги, будет иметь как положительные, так и отрицательные последствия. Решение правительства с большой вероятностью будет одобрительно воспринято внутри страны и окажет позитивное влияние на рейтинги либералов и премьер-министра Дж. Трюдо. По данным социологического исследования, опубликованного в начале марта 2021 г., более половины канадцев высказали уверенность в том, что Китай представляет собой самую серьёзную угрозу для безопасности Канады и канадского общества [2]. А противодействие КПК вызовам канадско-американской коллективной безопасности и глобальному балансу сил, может стать прочной основой для возрождения тесного сотрудничества двух ближайших союзников – США и Канады.

Вместе с тем, политическое решение правительства несёт значительные экономические риски, так как Китай является вторым после Соединённых Штатов торговым партнёром Канады. По официальным данным на 2019 г., импорт из КНР составил около 47 млрд долл., а экспорт – 24,4 млрд долл. [3]. Поэтому сфера торговли понесёт ущерб в первую очередь. Кроме того, всеобъемлющее соглашение о свободной торговле между Канадой и Китаем в краткосрочной и среднесрочной перспективах будет заблокировано, хотя ограниченное взаимодействие и заключение двусторонних торговых сделок на региональном уровне, вероятно, будет продолжаться.

Внутри- и внешнеполитические решения правительства Дж. Трюдо демонстрируют, что преобладающей становится конфронтационная стратегия. Однако даже при поддержке союзников, в том числе США, Канада не способна развивать двусторонние отношения в русле противостояния. По всей видимости, Оттава остановит свой выбор на тактике избирательного вовлечения. В этом случае Канада, не поступаясь либерально-демократическими принципами, сможет, с одной стороны, выражать озабоченность и противодействовать нарушениям прав человека и верховенства закона со стороны Китая в рамках международных или региональных институтов, с другой – продолжать взаимодействие по конкретным двусторонним и многосторонним вопросам (устойчивому развитию, климатическим изменениям, пандемии, борьбе с трансграничной организованной преступностью и др.). Ведь, несмотря на углубление политического кризиса в канадско-китайских отношениях, во время пандемии были продолжены двусторонние дипломатические контакты, возобновлены некоторые проекты, в том числе в сфере торговли и образования, сделана попытка, правда, неудачная, расширить партнёрство в здравоохранении, в частности, в отношении сотрудничества в борьбе с COVID-19.

В целом, как представляется, напряжённость между Соединёнными Штатами и Китаем, вызванная конкуренцией за глобальное лидерство в технологической сфере, а также поляриностью политических идеологий, будет только усиливаться. Её негативные последствия, с которыми столкнулась Канада, очевидно, будут иметь долгосрочный характер, и поэтому союзники и партнёры США, в том числе Канада, должны быть готовы к тому, что двустороннее стратегическое соперничество неизбежно коснётся любого из них, если там будут пересекаться стратегические интересы США или КНР. Вместе с тем, канадско-китайские отношения исторически не опираются на столкновении двух крупнейших экономик мира, а характеризуются прочной основой и взаимозависимостью, препятствующей полному разрыву двустороннего взаимодействия.

Усиливающаяся напряжённость в канадско-китайских отношениях затрудняет торговые связи, официальные и личные контакты между странами. При этом, увеличивающееся экономическое влияние Китая на мировой арене будет определять новую расстановку сил и новую структуру мирового порядка. Динамика усиления глобальных экономических позиций КНР, вероятно, будет способствовать росту политического влияния на локальном, региональном и

глобальном уровнях. Подобные тенденции потребуют от канадского правительства адаптации, то есть формирования нового мышления и применения альтернативных политических инструментов в отношении с одним из своих главных торговых партнёров.

ИСТОЧНИКИ

1. Annual Report 2019. National Security and Intelligence Committee of Parliamentarians. Available at: https://nsicop-cpsnr.ca/reports/rp-2020-03-12-r/annual_report_2019_public_en.pdf (accessed 17.03.2021).
2. Canada's Security Threats. March 10, 2021. Maru Group Ltd. Available at: <https://www.marugroup.net/public-opinion-polls/canada/cda-china>; <https://static1.squarespace.com/static/5a17333eb0786935ac112523/t/6047d6f789edc66c0459f44a/1615320824085/Release+2+CDA+Tables.pdf> (accessed 18.03.2021).
3. Canadian international merchandise trade, January 2020. March 6, 2021. Statistics Canada. Available at: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/200306/dq200306b-eng.htm> (accessed 17.03.2021).
4. Canadian sanctions. Government of Canada. Available at: https://www.international.gc.ca/world-monde/international_relations-relations_internationales/sanctions/faq.aspx?lang=eng#a1 (accessed 10.05.2021).
5. Ethnic Origin. Census Profile, 2016. Statistics Canada. Available at: <https://www.statcan.gc.ca/census-recensement/2016/dp-pd/prof/details/page.cfm?Lang=E&Geo1=PR&Code1=01&Geo2=PR&Code2=01&Data=Count&SearchText=Canada&SearchType=Begins&SearchPR=01&B1=Ethnic+origin&TABID=1> (accessed 20.02.2021).
6. Immigration and Ethnocultural Diversity. Focus on Geography Series, 2016 Census. Statistics Canada. Available at: <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2016/as-sa/fogs-spg/Facts-can-ng.cfm?Lang=Eng&GK=CAN&GC=01&TOPIC=7> (accessed 20.02.2021).
7. Special Committee on Canada-China Relations. House of Commons. Parliament of Canada. Evidence. January 30, 2020. Available at: <https://www.ourcommons.ca/Content/Committee/431/CACN/Evidence/EV10620077/CACNEV03-E.PDF> (accessed 10.03.2021).
8. Special Committee on Canada-China Relations. House of Commons. Parliament of Canada. Evidence. January 30, 2020. Available at: <https://www.ourcommons.ca/Content/Committee/431/CACN/Evidence/EV10645154/CACNEV07-E.PDF> (accessed 10.03.2021).
9. Special Committee on Canada-China Relations. House of Commons. Parliament of Canada. Evidence. February 24, 2020. Available at: <https://www.ourcommons.ca/Content/Committee/431/CACN/Evidence/EV10645154/CACNEV07-E.PDF> (accessed 10.03.2021).
10. Statement by the Subcommittee on International Human Rights Concerning the Human Rights Situation of Uyghurs and Other Turkic Muslims in Xinjiang, China. October 21, 2020. Available at:

<https://www.ourcommons.ca/DocumentViewer/en/43-2/SDIR/news-release/10903199> (accessed 10.03.2021).

11. Taiwan's top diplomat warns Canada of Beijing's efforts to further interests abroad. September 10, 2019. I Available at: <https://ipolitics.ca/2019/09/10/taiwans-top-diplomat-warns-canada-of-beijings-efforts-to-further-interests-abroad/> (accessed 18.03.2021).

12. The Security Dimensions of an Influential China. September 2013. Canadian Security and Intelligence Service. Third National Survey on Canadian Public Attitudes <https://www.canada.ca/> Available at: [content/dam/csis-scrs/documents/publications/CHINA_POST_CONFERENCE_E_SOURCE.pdf](https://www.canada.ca/content/dam/csis-scrs/documents/publications/CHINA_POST_CONFERENCE_E_SOURCE.pdf) on China and Canada-China Relations. University of British Columbia. October 31, 2019. Available at: <https://sppga.ubc.ca/wp-content/uploads/sites/5/2019/10/Full-Findings.30oct19-1.pdf> (accessed 18.03.2021).

13. Third National Survey on Canadian Public Attitudes on China and Canada-China Relations. University of British Columbia. October 31, 2019. Available at: <https://sppga.ubc.ca/wp-content/uploads/sites/5/2019/10/Full-Findings.30oct19-1.pdf> (accessed 18.03.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Батюк В.И. 2019. Американо-китайские отношения: возвращение холодной войны? // *США & Канада: экономика – политика – культура*. № 5. С. 22-38. DOI: 10.31857/S032120680004909-3

Израельян Е.В. Санкции как инструмент внешней политики Канады // *Канадский ежегодник*. 2015. Выпуск 19, с. 176-190.

Немова Л.А. 2018. Политика правительства Канады на китайском направлении. *США & Канада: экономика – политика – культура*. № 9. С. 40-51. DOI: 10.31857/S032120680000715-0

Приходько О.В. 2020. Меняющийся баланс сил в мире: американо-китайский контекст. *США & Канада: экономика – политика – культура*. № 8. С. 30-51. DOI: 10.31857/S268667300010627-9

REFERENCES

Batyuk V. 2019. Amerikano-kitaiskie otnosheniia: vozvrashchenie kholodnoi voiny? [The US-Chinese Relations: Is the Cold War Coming back?] (In Russ.). *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*. No. 5. P. 22-38. DOI: 10.31857/S032120680004909-3

Cole J. M. China threatens the democratic world order – and Canada can't be a weak link. November 2018. Available at: <https://www.challenge-to-the-democratic-world-order-and-canada-cant-be-a-weak-link/> (accessed 10.03.2021)

Cole J. M. The Hard Edge of Soft Power: Understanding China's Influence Operations Abroad. Macdonald-Laurier Institute, October 2018. Available at: [https://macdonaldlaurier.ca/files/pdf/20181022_MLI_China%27s_Influence_\(Cole\)_PAPER_WebreadyF.pdf](https://macdonaldlaurier.ca/files/pdf/20181022_MLI_China%27s_Influence_(Cole)_PAPER_WebreadyF.pdf) (accessed 28.03.2021)

Coulon J. 2019. Canada is Not Back: How Justin Trudeau is in over his head on foreign policy. James Lorimer & Company, 208 pp.

Issraelyan E.V. 2015. Sanktsii kak instrument vneshnei politiki Kanady [Sanctions as a Tool of Canadian Foreign Policy] (In Russ.). *Canadian yearbook*. No. 19, P. 176-190.

Manthorpe J. 2019. Claws of the Panda: Beijing's Campaign of Influence and Intimidation in Canada. Cormorant Books, 336 pp.

Nemova L. 2018. Politika pravitel'stva Kanady na kitaiskom napravlenii [Canada's Government Chinese policy] (In Russ.). *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*. No. 9. P. 40-51. DOI: 10.31857/S032120680000715-0

Prihodko O. 2020. Meniaiushchiisya balans sil v mire: amerikano-kitaiskii kontekst [The Shifting Balance of Global Power: the U.S.-Chinese Dimension] (In Russ.). *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*. No. 8, P. 30-51. DOI: 10.31857/S268667300010627-9 C. 30-51

Schrader, M. Friends and Enemies: A Framework for Understanding Chinese Political Interference in Democratic Countries. Alliance for Securing Democracy. April 22, 2020. Available at: <https://securingdemocracy.gmfus.org/wp-content/uploads/2020/05/Friends-and-Enemies-A-Framework-for-Understanding-Chinese-Political-Interference-in-Democratic-Countries.pdf> (accessed 10.03.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СОЛЯНОВА Мария Викторовна, Maria V. SOLYANOVA, Cand. Sci
кандидат политических наук, научный (Polit). Resercher IMEMO RAS.
сотрудник ИМЭМО РАН. 36, Profsoyuzhaya st., 117997 Moscow
Российская Федерация, 117007, Москва Russian Federation
Профсоюзная, 36

Статья поступила в редакцию / Received 24.03.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 23.09.2021.

Статья принята к публикации / Accepted 25.09.2021.

УДК 314.9

DOI: 10.31857/S268667300017541-5

Связь расовой идентичности и языка в американской идеологии

М. А. Марусенко

*Санкт-Петербургский государственный университет;
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
ORCID 0000-0002-0441-7845 mamikhail@yandex.ru*

Н. М. Марусенко

*Санкт-Петербургский государственный университет;
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48,
ORCID 0000-0002-3347-1373 e-mail: nmm.spb@gmail.com*

Резюме: В статье рассматриваются связи понятий расовой идентичности и языка в американской языковой идеологии, нагляднее всего отражающиеся в изменениях расовой классификации и сценариев переписей населения США. Расовая идентичность, культивируемая в США, является наследием гегемонической идеологии и подразумевает юридическое и социальное разделение людей, имеющих различия, на разные расы. Языковые идеологии повлияли на легитимацию расовых категорий и их встраивание в структуру американской идентичности. Дебаты вокруг иммиграции и предоставления гражданства сыграли ключевую роль в процессе оформления и переоформления американских рас. Использование связки язык – раса, традиционной для американской расовой и языковой идеологии XIX века и применяющей понятие материнского языка для идентификации рас, на практике оказалось затруднено из-за объективной трудности определения материнского языка человека. Параллельно с тем, как язык использовался в качестве индикатора расы, укреплялась связь между языком и национальной идентичностью, подкрепляемая трехчастной идеологической конструкцией «принадлежность к белой расе – английский язык – американская идентичность». Идеологическая связь между национальной идентичностью и англосаксонской расовой идентичностью привела к изменению иммиграционной политики и к призывам к ограничению иммиграции на расовой основе. В постоянно изменяющейся классификации рас язык неизменно составлял важный компонент индивидуальной идентичности и играл ключевую роль в формировании расовых категорий. Сегодня идеологической базой различий между группами являются не физические признаки, а культурные характеристики. Этот переход привел к появлению нового дискурса маргинализации: ответственность за социально-экономическое угнетение возлагается на самих угнетенных, якобы не желающих принимать культурные ценности и поведение, которые ведут к социальному и экономическому успеху.

Ключевые слова: язык, раса, расовая категория, национальная идентичность, расовая идентичность, материнский язык

Для цитирования: Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Связь расовой идентичности и языка в американской идеологии. *США & Канада: экономика, политика, культура* 2021; 51(12):61-75. DOI: 10.31857/S268667300017541-5

The Relationship of Racial Identity and Language in American Ideology

Mikhail A. Marusenko

St-Petersburg State University; Herten State Pedagogical University of Russia.

48 Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russia

ORCID 0000-0002-0441-7845 mamikhail@yandex.ru.

Natalia M. Marusenko

St-Petersburg State University; Herten State Pedagogical University of Russia.

48 Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russia

ORCID 0000-0002-3347-1373 nmm.spb@gmail.com

Abstract: The article examines the relationship between the concepts of racial identity and language in the American linguistic ideology, which are most clearly reflected in the changes in the racial classification and scenarios of the US census. Racial identity cultivated in the United States is a legacy of hegemonic ideology and implies the legal and social division of people with differences into different races. Linguistic ideologies have influenced the legitimization of racial categories and their integration into the structure of American identity. The immigration and citizenship debate has played a key role in the formalization and re-formalization of American races. The use of the language-race ligament, traditional for the American racial and linguistic ideology of the 19th century and using the concept of the mother language to identify races, in practice turned out to be difficult due to the objective difficulty of determining the mother language of a person. In parallel with the use of language as an indicator of race, the connection between language and national identity was strengthened, reinforced by the three-part ideological construct “White race – English language – American identity”. The ideological link between national identity and Anglo-Saxon racial identity has led to changes in immigration policy and calls for racial restrictions on immigration. In the ever-changing classification of races, language has invariably been an important component of individual identity and has played a key role in shaping racial categories. Today, the ideological basis for differences between groups is not physical, but cultural characteristics. This transition led to the emergence of a new discourse of marginalization: the responsibility for socio-economic oppression rests with the oppressed themselves, ostensibly unwilling to accept the cultural values and behaviors that lead to social and economic success.

Keywords: language, race, racial category, national identity, racial identity, mother tongue, immigration.

For citation: Marusenko M.A., Marusenko N.M. The relationship of racial identity and language in American ideology. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture* 2021; 51(12): 61-75. DOI: 10.31857/S268667300017541-5

ВВЕДЕНИЕ

Игнорирование роли языка и языковых идеологий не позволяло достаточно глубоко изучать важный вид идентичности – расовую идентичность, которая отражает гегемоническую идеологию и подразумевает юридическое и социальное разделение людей, имеющих различия, на разные расы [Марусенко М.А.,

Марусенко Н.М. 2019:5-21]. Именно языковые идеологии повлияли на легитимацию расовых категорий и их встраивание в структуру американской идентичности. Дебаты вокруг иммиграции и предоставления гражданства сыграли ключевую роль в процессе оформления и переоформления американских рас. Языковые вопросы всегда были в центре дискуссий об изменениях языковой политики, о моделях иммиграции и нативизме, а также об эволюции понятия расы. В американских переписях населения язык всегда использовался как расовая переменная и как инструмент, позволяющий делить на расы носителей языков (кроме английского), рассматривая их как существенно отличающихся и угрожающих культурной и национальной идентичности США.

Термины «раса» и «этничность» употребляются для обозначения различий между людьми и группами, а также для определения расстояния от доминирующей, часто немаркированной, группы. Однако виды различий, которые они обозначают, не идентичны: исторически, раса включает различия, имеющие физическую, наследственную и неизменную природу, тогда как этничность понимается как культурное различие, обычно передающееся от поколения к поколению, но могущее меняться с течением времени. Если расовый дискурс описывает некоторые группы как существенно отличные и опасные, этнический дискурс относится к ним как к безопасным и даже колоритным [Urciuoli B. 1996: 47].

Хотя понятие расы идеологически строилось как фиксированная объективная сущность, исторически оно связано с гибким компонентом социальной идентичности, что доказывают свидетельства о смене расовой принадлежности в зависимости от смены гегемонических представлений о национальной идентичности и принадлежности, вызывающих изменения восприятия разных групп в обществе [Urciuoli B. 1996:112].

Последнее подтверждение – это отнесение иммигрантов-славян в США к расовой категории цветных, на том основании, что представители славянских народов плохо учатся, реже получают высшее образование и быстро размножаются. К цветным учёные также причислили итальянцев, поляков и ирландцев. Они отметили, что у всех этих народов на территории США одинаковые проблемы, в частности, они сталкиваются с дискриминацией, испытывают трудности с работой и учёбой, а также страдают от незащищённости в социальной сфере. Основная причина дискриминации – недостаточное знание английского языка [Curry-Stevence A. 2014]. Кстати, армяне в США уже давно относятся к категории цветных, несмотря на то что вся белая раса именуется там кавказской.

Признание того, что раса, в основном, является социальным конструктом, имеет далеко идущие материальные и социальные последствия. В США раса идеологически была связана с цветом кожи, а исторически она служила базой для оценки социального достоинства человека, а также для официальной политики, наделяющей или лишаящей конкретных юридических, политических и имущественных прав. Первоначальное расовое деление в США было построено на противопоставлении белых и небелых групп, а различия внутри группы, сегодня классифицируемой как белые, также носили расовый характер. Однако

расовые различия внутри белой группы считались менее важными и устойчивыми, чем между белыми и другими группами.

ЯЗЫК И РАСА

Начиная с первой переписи 1790 г., все американские переписи включали вопросы о расе или цвете кожи, что указывает на важность расы как социальной категории. Вопросы о языке появились только в конце XIX века. Их формулировка постоянно менялась, и задавались они разным категориям населения. Поскольку язык связан с расой и национальной идентичностью, то в переписях вопросы о расе, этничности и национальности включались наряду с вопросами о языке.

Раса, определяемая по цвету кожи, была главной социальной и политической характеристикой, тесно связанной со всеми аспектами жизни США. Расовое мышление, идеологически связывающее американский экспансионизм с доктриной расового превосходства англосаксов, не было доминирующей идеологией до первой половины XIX века. Язык не считался определяющей характеристикой новой нации, несмотря на то что с колониального периода в стране существовали два направления языковой идеологии: одно делало акцент на языковой однородности и на связи языка с национальной идентичностью, другое признавало языковое разнообразие. Первое направление ясно просматривается в письме американского президента Т. Рузвельта, написанном в 1919 г. его преемнику: «Прежде всего, мы должны настаивать на том, чтобы иммигранты, приехавшие сюда с честными намерениями, стали американцами и ассимилировались с нами; тогда с ними будут обращаться наравне со всеми другими, иначе для них существует опасность дискриминации из-за их религии, места рождения или происхождения... У нас есть место для одного флага, и это американский флаг... У нас есть место для одного языка, и это английский язык... и у нас есть место только для одной лояльности, и это лояльность по отношению к американскому народу» [2]. В то время американская интеллектуальная мысль пыталась связать американскую идентичность с идеалами демократии и прогресса [Leeman J. 2004: 513-514].

Относительно малое значение языка в американском национальном строительстве отражается в отсутствии языковых вопросов в переписях в течение большей части XIX века. В то время существовали государственные двуязычные школы, и некоторые штаты вели обучение на немецком, французском и испанском языках. Это не означает, что двуязычие и языковое разнообразие признавались ценностями: язык считался частным делом и вообще не принимался во внимание, кроме как в качестве социального и политического индикатора расы [Pavlenko A. 2002: 163-196]. Если к иммигрантским, в первую очередь, европейским, языкам отношение было толерантным, то против языков коренных американцев велась организованная кампания по декультурации, включая политику, направленную на уничтожение этих языков.

В первой половине XIX века расовая идеология в США была на подъеме, и «ползучий расизм» пропитывал весь публичный дискурс американского терри-

ториального экспансионизма. Идеологическая связь американской идентичности с декларируемым превосходством белой расы сопровождалась ростом интереса к евгенике. Учёные, работающие в парадигме научного расизма, лоббировали и добились включения в перепись 1850 г. категории *Мулаты*, а в последующие периоды были добавлены дополнительные категории. Таким образом, в перепись 1890 г. были включены следующие расовые категории: *Белые*, *Чёрные*, *Мулаты*, *Квартероны* и *Октороны*, а также *Китайцы*, *Японцы* и *Индейцы*.

Идеологическая связь между национальной идентичностью и англосаксонской расовой идентичностью привела к изменению иммиграционной политики и к призывам к ограничению иммиграции на расовой основе. До этого антииммигрантские выпады были направлены, в основном, против католиков и обусловлены поисками корней американской политики в англосаксонских традициях и политических институтах. В середине XIX века произошёл перелом: в отношении к группам европейских иммигрантов стал также практиковаться расовый подход, а не подход, основанный на национальных, культурных или политических традициях.

Независимо от их подозрительного расового статуса, иммигранты из стран Южной и Восточной Европы стали относиться к *Белым*, но в перепись 1850 г. был добавлен вопрос о месте рождения. В 1870 г. была добавлена категория *Китайцы*, а с ней вопрос о месте рождения родителей. Дети иммигрантов из Европы считались отдельной категорией, а их внуки уже включались в категорию коренного белого населения. Такой подход к переписям отражал двухступенчатую структуру социально-политической иерархии, в которой дихотомия *Белый/Небелый* неизменно переходила из поколения в поколение и имела большее значение, чем различия между *Белыми*, которые исчезали со второго поколения.

В это же время в общественном сознании стала укрепляться мысль о связи американской идентичности с английским языком. Хотя ещё в колониальный период высказывались соображения о связи английского языка с американским гражданством, только в конце XIX века США стали осознавать себя англоязычной нацией. До этого «способность к самоуправлению» признавалась только за представителями белой расы, но в 1906 г. был принят первый федеральный закон, требующий знания английского для получения гражданства [1998, Jacobson M.: 243]. О возрастающей роли английского свидетельствует и появление первого языкового вопроса в переписях 1890 и 1900 гг. Переписчики должны были фиксировать, говорят ли респонденты на английском или могут только понимать его. На пороге XX века организаторы переписей отдавали приоритет численности резидентов (иммигрантов и коренного населения), не говорящих по-английски, а не идентификации языков, на которых говорили не говорящие по-английски.

Данные, полученные после обработки результатов переписи 1890 г., содержали информацию о расе, месте рождения и языке в свете растущего значения противопоставления *Белый/Небелый*. Для *Белых* владение английским определялось по месту рождения. Ответ на вопрос о месте рождения имел три варианта: 1) коренной от коренных родителей, 2) коренной от родителей-иммигрантов,

3) иммигрант. Напротив, для *Небелых* этот вопрос отсутствовал. Таким образом, для *Белых* распределение по месту рождения представляло континуум национальной принадлежности, который мог применяться для оценки степени ассимиляции, тогда как небелые считались неассимилируемыми и иностранцами независимо от места рождения [2004, Leeman J.: 513].

На грани XIX–XX веков произошли изменения иммиграционной политики, вызванные ростом потока иммигрантов из стран Южной и Восточной Европы и подъёмом антииммигрантских настроений. Под влиянием евгенических исследований нативисты рассматривали различия между недавними иммигрантами и коренными белыми как расовые, включая ссылки на физические отличия вновь прибывающих. Поскольку язык традиционно идеологически связывался с национальной идентичностью, формирование национальной идентичности как имеющей расовый, политический и культурный характер закрепило за языком роль индикатора расы. Эта связь расы и языка чётко прослеживается в публикациях официальных лиц, журналистов и лингвистов о том, что иммиграция представляет опасность для нации и ведёт к расовой и языковой катастрофе [Bonfiglio P. 2002].

Связка язык – раса постоянно фигурировала в официальных публикациях. Так, в Докладе сенатской комиссии по иммиграции сравнивались экономический успех различных иммигрантских групп и степень их ассимиляции. Этот доклад из сорока двух томов включал всеобъемлющий «Словарь рас и народов», применяющий двухуровневую классификацию народов мира. На первом уровне на основе физических и соматических критериев выделялись пять «великих рас» или «больших делений человечества»: *Белые, Черные, Желтые, Коричневые* и *Красные*. На втором уровне с помощью языковых критериев большие расы делились на более мелкие. В докладе описываются многие характерные черты каждой группы: форма и размер головы, тип тела, черты лица, а также моральные и интеллектуальные качества. Язык рассматривался как идеологический атрибут расы, наследуемая физическая характеристика, определяющая социальную ценность человека.

На основе данных переписи комиссия пришла к заключению, что «новые» иммигранты из стран Южной и Восточной Европы менее желательны, чем «старые» иммигранты из Северной Европы, и рекомендовала ввести ограничения на иммиграцию [6].

ЯЗЫК И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Параллельно с тем, как язык использовался в качестве индикатора расы, укреплялась связь между языком и национальной идентичностью, подкрепляемая трёхчастной идеологической конструкцией «принадлежность к белой расе – английский язык – американская идентичность». Движение за американизацию, в котором участвовали гражданские организации, бизнес, работодатели и местные советы по образованию, требовали обязательного обучения иммигрантов

английскому и основам гражданственности, что ещё больше усиливало идеологическую связь языка и национальной идентичности.

Поскольку английский стал тесно связан с лояльностью Соединённым Штатам, толерантность по отношению к многоязычию начала исчезать. «Американцы с дефисом» (итало-американцы, испано-американцы и т. д.) и те, кто поддерживал культурные, политические или языковые связи с другой страной, считались неполноценными американцами и находились под подозрением. Считалось, что, выучив английский язык, человек должен прекратить говорить на другом языке. В результате, на пороге XX века обязательное образование всё больше осуществлялось только на английском, а некоторые штаты даже запрещали обучение на других языках. Накануне Первой мировой войны почтовое законодательство запретило периодические издания на других языках. Английский с иностранным акцентом стал признаком потенциальной нелояльности американскому государству.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МАТЕРИНСКОГО ЯЗЫКА ЧЕЛОВЕКА

В 1910 г. американский Сенат принял поправку к 13-му закону «О переписи», гласившую, что население, родившееся за границей, должно классифицироваться по расам [6]. С тех пор в переписи включаются вопросы о материнском языке резидентов, родившихся за границей или от родителей, родившихся за границей, которые должны были указывать материнский язык каждого из родителей. Материнский язык использовался как чисто расовый индикатор: «Как индикатор расового характера и происхождения, материнский язык имеет большее значение, чем обычно придаётся языку, на котором говорит человек» [3].

Однако при всей кажущейся простоте определение материнского языка человека представляет собой сложную проблему. Для всех определений, касающихся людей, приходится принимать решение относительно того, какое из них является пригодным. Существуют два типа определений: *эндоопределения* – это те, которые люди сами дают для понятий «свой язык» или «свой материнский язык», и *экзоопределения* – это определения тех же понятий, которые дают другие (государственные чиновники, переписчики, юристы, школьные администраторы, учёные и т. д.).

Наиболее употребительные определения материнского языка

Критерий	Определение
Происхождение	Язык, выученный первым
Идентификация: внутренняя (собственная) внешняя (другими)	Язык, с которым человек самоидентифицируется Язык, с которым другие идентифицируют человека как носителя от рождения
Компетенции	Язык, который человек знает лучше всего
Функция	Язык, который человек использует чаще всего

Scutnabb-Kangass T. 2010: 33-34.

К таблице необходимо сделать несколько пояснений:

- 1) Один человек может иметь несколько материнских языков, в зависимости от того, какое определение из таблицы применяется;
- 2) Материнский язык человека может меняться, даже несколько раз в течение жизни человека, в соответствии с определениями из табл. (кроме определения по происхождению);
- 3) Человек может иметь несколько материнских языков, особенно с учётом определений по происхождению и по идентификации, а также и по другим критериям;
- 4) Определения материнского языка могут образовывать иерархическую структуру в соответствии со степенью их значения для языковых прав человека. Степень их важности в обществе может определяться по тому, какие из них, эксплицитно или имплицитно, используются обществом в его институтах.

Для языковых сообществ, образующих большинство в своих странах, все определения сходятся: они первым изучают национальный язык, самоидентифицируются с этим языком, идентифицируются другими как носители этого языка от рождения и знают этот язык лучше и используют чаще всего. Поэтому для них может использоваться комбинация всех определений.

Что касается членов миноритарных групп, живущих в странах, где доминирует мажоритарный или бывший колониальный язык, этот доминирующий язык обычно становится их самым употребительным в большинстве формальных (а часто и неформальных) сфер коммуникации. Поэтому к ним можно было бы применять определение материнского языка по функции (самый используемый язык), пока они сами добровольно не выбрали доминирующий. Условное наклонение в данном случае вызвано тем, что определение по функции нарушает языковые права человека, в частности, право на свободный выбор материнского языка, то есть на эндоопределение.

Для носителей миноритарных языков оптимальным является сочетание определений материнского языка по происхождению и по внутренней идентификации: материнский – это язык(и), выученный(ые) первым(и), с которым(и) человек самоидентифицируется.

При обработке данных переписи резиденты, чьи родители родились за границей, классифицировались по материнскому языку своих родителей, который считался наследственной характеристикой, передаваемой от поколения к поколению, независимо от реально используемого языка. Классификация языков в переписях устанавливалась на основе гегемонических представлений о расе, а не научных лингвистических критериев. Так, английский и кельтский языки были объединены в одну рубрику, вместе с идишем и ивритом. Данные по материнскому языку собирались только для белых, родившихся за границей.

ЯЗЫКОВЫЕ ВОПРОСЫ В АМЕРИКАНСКИХ ПЕРЕПИСЯХ НАСЕЛЕНИЯ В XX ВЕКЕ

В начале XX века данные переписей использовались нативистами, которые считали иммигрантов неспособными к ассимиляции и опасными для общества.

В свою очередь, обработчики данных объясняли владение английским, с точки зрения антииммиграционных активистов: компетенции в английском у иммигрантов коррелируют с длительностью проживания в США; так как квоты для иммигрантов растут, всё большую долю среди них составляют вновь прибывшие, что ведёт к понижению значений индексов владения английским. Но Бюро переписи населения концентрируется на национальном происхождении: «Быстрый рост не говорящих по-английски среди белых, родившихся за границей, ведёт к значительным социальным последствиям» [3].

Организаторы американских переписей придерживались эссенциалистской точки зрения на язык и использовали его как индикатор расы, встроенный в гегемоническую двухступенчатую идеологию расовой иерархии. Цвет кожи и язык применялись для определения расы и ассоциировались с политической, юридической и социальной маргинализацией. Эти два типа расовых отличий связывались с физическими характеристиками и считались наследуемыми, однако только цвет кожи рассматривался как постоянный трансгенерационный признак. В отличие от него, язык считался полупостоянной характеристикой, которая могла «улучшаться» в будущих поколениях.

После переписи 1920 г. Нью-Йоркский департамент образования получил разрешение и федеральное финансирование для составления списков людей, зарегистрированных в переписи как неграмотные или не говорящие по-английски. Эти списки передавались в местные образовательные округа для направления таких людей в вечерние школы и курсы по американизации. Таким образом, переписи не только утверждали значение категорий языка и расы для определения национальной идентичности и количественной оценки доли полноценных граждан, но использовались для оказания давления на тех, кто был обязан разделить эту американскую идентичность.

В середине XX века, после нескольких десятилетий ограничений иммиграции концепция белой расы ещё более консолидировалась, хотя различия внутри этой группы стали интерпретироваться не как расовые, а как этнические. Тем не менее, принадлежность к белой расе оставалась неотъемлемой частью американской идентичности. Что касается южно- и восточноевропейской идентичностей, то во второй половине XX века они трансформировались, совершив переход на английский язык, что ещё более усилило идеологическую связь между английским и американской идентичностью. Хотя иерархия отличий в целом сохранилась, двухступенчатая конструкция претерпела изменение. Дихотомия *Белый/Небелый* продолжала сохранять свой физический характер, а различия внутри белой группы интерпретировались как культурные или поведенческие. Но в это противопоставление была добавлена третья ступень – *Латиносы*, которые рассматривались не только как расовая или этническая, но, одновременно, как наследуемая и культурная категория.

Хотя по Договору Гваделупе-Идальго 1848 г. мексиканцы получили гражданские права и гражданство, а также «почётную принадлежность к белой расе» в результате аннексии Соединёнными Штатами юго-западных территорий Мекси-

ки. Многие мексиканцы и амеро-мексиканцы имели смешанное испано-индейское происхождение и являлись объектом насмешек и дискриминации. Учитывая связь между языком и расой, испаноговорящие мексиканцы и амеро-мексиканцы были отнесены к категории *Мексиканцы*, в расовом отношении более низкой, чем англоязычные *Белые*. В период высокой безработицы 1930-х и 1950-х годов большое число иммигрантов и родившихся в США американских граждан мексиканского происхождения были репатриированы в Мексику. Эти массовые депортации свидетельствуют о том, что люди мексиканского происхождения не считались полноценными американскими гражданами, а их расовая идентичность определялась по комбинации фенотипа, языка и культуры [Leeman J. 2004].

В переписи 1920 г. к расовой категории *Мексиканцы* были отнесены «все люди, родившиеся в Мексике или имеющие родителей, родившихся в Мексике, которые окончательно не относятся ни к *Белым*, ни к *Чёрным*, ни к *Индейцам*, ни к *Китайцам*, ни к *Японцам*» [5]. Нужно отметить, что определение мексиканской расы не включало родившихся в США внуков людей, родившихся в Мексике. Таким образом, люди, не имевшие статус белых, могли иметь потомков, относящихся к группе белых.

Это продолжалось до переписи 1940 г., когда категория *Мексиканцы* была упразднена, и переписчики получили инструкцию записывать всех мексиканцев *Белыми*. Тем не менее, в общественном мнении мексиканцы, амеро-мексиканцы и остальные *Латиносы* рассматривались как *Небелые*, как *Смешанная раса* или как *Коричневые* [Rodrigues C. 2000: 230]. Одновременно с упразднением категории *Мексиканцы* был изменён вопрос о материнском языке, который до этого задавался только людям, родившимся за границей, и их детям. Теперь он включался в 5%-ую выборку независимо от места рождения респондента, распространяя, таким образом, разделение по языку на белых со второго поколения. Это позволило при обработке данных сформировать категорию *Белое население с материнским испанским языком*, которая позднее стала называться *Население испанского происхождения*. Как и прежде, язык использовался как маркер отличий, но уже по материнскому языку внутри белой группы, а другие расы могли спокойно говорить на любом языке.

В этот период произошёл очень важный сдвиг: материнский язык перестал рассматриваться как наследуемая характеристика, и впервые Бюро переписи не стало назначать детям, родившимся в США, материнский язык их родителей. В 1940 г. из переписного листа был удалён вопрос о владении английским языком, так как за предыдущие 20 лет число иммигрантов резко сократилось.

В переписи 1950 г. из-за протестов против расовой дискриминации населения, усилившихся в послевоенный период, *языковые вопросы* были вообще исключены. Но для определения численности испаноязычного населения Бюро переписи нашло оригинальный способ: численность *Латиносов* определялась по «испанским фамилиям». В 1960 г. вопрос о материнском языке родившихся за границей был восстановлен, а численность людей испанского происхождения определялась комбинированным способом: по материнскому языку, фамилии и месту рождения. В разных штатах использовались разные методы подсчёта, сви-

детельствующие о разных идеологических подходах и приводившие к включению или исключению из этой категории разных групп населения.

В 1970 г. впервые за всю историю американских переписей вопрос о материнском языке задавали всему населению США. Учитывая сложные процессы ассимиляции иммигрантов и смену ими этнических языков на английский, вопрос о языке задавался не в форме *Владение английским*, как в переписях 1940–1970 гг., а в форме *Изучение английского как первого языка*, что позволило включить все группы белых в немаркированное население США.

Резкие изменения в расовой и этнической политике, происходившие в 1960-е годы, привели к тому, что у демографов и в значительной степени у широкой публики стало складываться понимание того, что раса – это не столько объективный, поддающийся количественной оценке факт, сколько социальный конструкт. Миноритарные группы стали пользоваться результатами подсчётов, предоставляемых органами статистики, для улучшения своего положения в области занятости, образования, голосования и экономической дискриминации. Лидеры *Латиносов* стали требовать улучшения сбора данных, потому что занижение численности их группы работало против их интересов. Учитывая невозможность объективно определять испанское происхождение, Бюро переписи ввело новый вопрос о самоидентификации в перепись 1970 г., который без изменений включался в последующие десятилетние переписи. С официальной точки зрения, испанское происхождение – это больше не расовая идентичность, потому что люди испанского происхождения могут быть любой расы. По результатам переписи 1970 г., те, кто указал испанское происхождение и самоидентифицировался как *Другая раса*, были официально отнесены к *Белым* [1].

Несмотря на явное признание того, что испанское происхождение больше не является расовой категорией, Бюро переписи, поддавшись доминирующему предрассудку, продолжило считать его постоянным маркером идентичности, передающимся из поколения в поколение без ограничения длительности. Эта идентичность, хотя и не ориентируется целиком на индивидуальное языковое поведение, как видно из определения 1990 г., тем не менее, связана с языком: «Человек считается испанского происхождения, если его предками являются мексиканцы, амеро-мексиканцы, чиканосы, пуэрториканцы, доминиканцы, эквадорцы, гватемальцы, гондурасцы, никарагуанцы, перуанцы, сальвадорцы, а также выходцы из других испаноязычных стран Карибских островов, Центральной и Южной Америки или Испании» [4]. Эта категория постепенно расширялась и в переписи 2010 г. включала, помимо перечисленных выше, отдельно подкатегории *Кубинцы, Костариканцы, Панамцы, Прочие центральноамериканцы, Аргентинцы, Боливийцы, Чилийцы, Колумбийцы, Парагвайцы, Уругвайцы, Венесуэльцы, Прочие южноамериканцы и Испанцы*.

Таким образом, Бюро переписи определяло испанское происхождение на основе категорий, связанных с национальными идентичностями, которые, в свою очередь, связаны с испанским языком. Такой способ определения, во-первых, ведёт к официальному непризнанию расового, культурного и языкового

разнообразия внутри этих наций, многие из которых имеют значительное автохтонное или иммигрантское население, не говорящее по-испански. Во-вторых, он преувеличивает значение иностранного происхождения людей, отнесённых к категории *Испанское происхождение*, которые оказались навечно связаны с иностранными государствами, независимо от того, сколько поколений их предков жили в США (как, впрочем, и расовые категории *Китайцы* и *Корейцы*). В-третьих, все языки, кроме английского, считались «неамериканскими», а поскольку определение испанского происхождения основано на испанском языке, идентичность людей, отнесённых к этой категории, считалась менее американской.

В этой постоянно изменяющейся классификации *Латиносов* язык неизменно составлял важный компонент индивидуальной идентичности и играл ключевую роль в формировании расовой категории *Прочие*, составившей третью ступень американской иерархии различий. Хотя эта конструкция эволюционировала в направлении от наследуемой к поведенческой характеристике, испанский язык оставался маркером испанского происхождения даже для тех, кто не нём не говорил. Испанское происхождение было идеологически связано с физическими характеристиками, а дискурсивно оно рассматривалось как наследуемое и долговечное.

Такое положение сохранялось до 1960-х годов, когда США изменили свою миграционную политику: до этого, иммиграционные квоты поощряли иммиграцию европейцев, а новые законы открыли дорогу иммигрантам из стран Азии и Латинской Америки. Приток людей, в расовом и культурном отношении отличных от коренного населения, вызывал беспокойство по поводу их способности к ассимиляции и их влияния на американскую идентичность. В то же время, доминирующий дискурс о понятиях раса, этничность и язык, а также их юридический статус существенно изменились: расовая дискриминация уже была незаконной и было нельзя делать публичные заявления о биологических различиях разных групп. Среди людей разного происхождения укреплялось желание строительства в США мультикультурной нации, и этот тренд нашёл отражение в решении Бюро переписи позволить респондентам самоидентифицироваться с более чем одной расовой группой в переписи 2000 г. Одновременно оно признало символическую этническую аффилиацию, которую мог указать себе любой респондент и которая свидетельствовала о более толерантном отношении США к проблеме идентичности.

РОЛЬ ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Сегодня идеологической базой различий между группами являются не физические признаки, а культурные характеристики. Этот переход привёл к появлению нового дискурса маргинализации: ответственность за социально-экономическое угнетение возлагается на самих угнетённых, якобы не желающих принимать культурные ценности и поведение, которые ведут к социальному и экономическому успеху.

В этом процессе идеологической эволюции язык выполнял двойную роль: с одной стороны, он продолжает выполнять роль маркера расовых идентичностей, в частности, для латиносов и азиатов. С другой стороны, связь язык – раса была разорвана, и язык стал компонентом культуры и предметом индивидуального выбора. Эта двойственность языка как наследуемой характеристики и как культурного компонента привела к дискриминации по языку, пришедшей на смену расовой дискриминации. Поскольку язык является переменным признаком, дискриминация, основанная на языке, считается менее вредной, чем дискриминация, основанная на постоянных признаках, таких как раса и гендер. Эта же двойственность мешает юридическому признанию языковых прав и судебным решениям в пользу двуязычных истцов, которым запрещают использовать неанглийские языки на работе [1997, Cameron C.].

Несмотря на широкую поддержку средним классом языкового разнообразия и мультикультурализма, враждебность по отношению к двуязычию сохранялась, а связь между моновязычием на английском и американской идентичностью остаётся сильной. Поскольку в соответствии с доминирующей либеральной идеологией языки находятся в постоянной конкуренции, все они, кроме английского, считаются угрозой национальной и культурной идентичности и национальному единству. Сценарии переписей конструируются так, что английский подаётся как «нормальный» язык, а остальные языки представляются как исключение из этой нормы. Ответ о нескольких неанглийских языках не допускается. Целью переписей было определение численности респондентов с ограниченными компетенциями в английском, а не тех, кто дома говорит на другом языке. В результате, двуязычие многих респондентов не было зарегистрировано при обработке результатов, потому что они заявили, что дома говорят по-английски. Эти ответы были исключены из итоговых таблиц, что понизило численность носителей других языков. Акцент на носителей английского делался из-за гегемонического представления о США как об англоязычной нации, целью которой была ассимиляция и инклюзия в англоязычный социум. Владение другими языками является личным делом каждого гражданина.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ обращения с языковыми данными в истории американских переписей показывает, что их целью была не столько количественная оценка объективной языковой реальности, сколько применение разных идеологий к отношениям между национальной идентичностью, языком и расой. Рассматривая роль языка в построении американской идентичности, нужно отметить, что изначальное отсутствие языковых вопросов совпало с периодом относительной толерантности к языковому разнообразию, в течение которого главным маркером различий была раса, определяемая по цвету кожи. Когда американская идентичность стала связываться с английским языком, в переписях появились вопросы о языках. В это же время иммиграция стала рассматриваться как проблема,

что привело к закрытию границ. Сегодня доминирующая идеология позиционирует США как моноязычную англоязычную нацию, другие языки представляются как угроза национальной идентичности и как средство социальной изоляции и индивидуальной ответственности. Эта схема только усиливается от переписи к переписи [Leeman J. 2004: 527-529].

ИСТОЧНИКИ

1. Gibson C., Jung K. Historical Census Statistics on Population Totals By Race, 1790 to 1990, and By Hispanic Origin, 1970 to 1990, For The United States, Regions, Divisions, and States. Working Paper Series № 56. Washington, DC: US Census Bureau, 2002. Available at:

<http://www.census.gov/population/www/documentation/twps0056.html> (accessed: 04.01.2021).

2. Theodore Roosevelt's Stance on Immigrants (1907). Available at: <https://www.liveabout.com/what-theodore-roosevelt-said-about-immigrants-3957346> (accessed: 02.02.2021).

3. US Census. 13th Census of the United States (1910). Vol. 1 (Population). Washington, DC: Government Printing Office, 1913 // Available at: https://archive.org/details/1910_census (accessed: 11.01.2021).

4. US Census. Development of Racial and Ethnic terms for the 1990 Census. New Orleans: Population Association of America, 1998.

5. US Census. Measuring America: The Decennial Censuses From 1790 to 2000. Washington DC, 2002. Available at:

<http://www.census.gov/prod/2002pubs/pol02marv-pt2.pdf> (accessed: 05.01.2021).

6. US Senate Immigration Commission (Dillingham Commission). Abstracts of the Immigration Commission, with Conclusions, Recommendations and Views of the Minority. Vol. 1. Washington, DC: Government Printing Office, 1911. 864 p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Переписи населения в США и расовый вопрос // *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2019. № 6 (48). С. 5-21. DOI: 10.31857/S032120680005176-7

REFERENCES

Bonfiglio P. T. Race and the Rise of Standard American. Berlin: Mouton de Gruyter, 2002. 258 p.

Cameron C.D.R. 1997. How the García cousins lost their accents: Understanding the language of Title VII decisions approving English-only rules as the product of racial dualism, Latino invisibility, and legal indeterminacy // *California Law Review*. 1997. № 85. P. 1347-1393.

Curry-Stevens A. & Coalition of Communities of Color. The Slavic Community in Multnomah County: An Unsettling Profile. Portland, OR: Portland State University, 2014. 87 p.

Jacobson M.F. Whiteness of a Different Color: European Immigrants and the Alchemy of Race. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. 338 p.

Leeman J. Racializing language. A history of linguistic ideologies in the US Census // *Journal of Language and Politics*. 2004. Vol.3(3). P. 534.

Marusenko M.A., Marusenko N.M. Population censuses in the United States and the racial issue // *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2019. No. 6 (48). PP. 5-21. DOI: 10.31857/S032120680005176-7

Pavlenko A. "We have room but for one language here": Language and national identity at the turn of the 20th century // *Multilingua*. 2002. № 21. P. 163-196.

Rodríguez C. Changing Race: Latinos, the Census, and the History of Ethnicity in the United States. New York: New York University Press, 2000. 283 p.

Skutnabb-Kangas T., Dunbar R. Indigenous Children's Education as Linguistic Genocide and a Crime Against Humanity? A Global View // *GálduČála – Journal of Indigenous Peoples Rights*. 2010. № 1. 128 p.

Urciuoli B. Exposing Prejudice: Puerto Rican Experiences of Language, Race, and Class. Boulder, CO: Westview, 1996. 244 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

МАРУСЕНКО Михаил Александрович, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; главный научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена 191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

МАРУСЕНКО Наталия Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; старший научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена 191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Mikhail A. MARUSENKO, DSc (Philology), Professor, St-Petersburg State University; Research Director, Hertzen State Pedagogical University of Russia.

48 Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russia

Natalia M. MARUSENKO, PhD (Philology), Associate Professor, St-Petersburg State University; Senior Researcher, Hertzen State Pedagogical University of Russia

48 Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russia

Статья поступила в редакцию / Received 5.08.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 20.08.2021.

Статья принята к публикации / Accepted 22.08.2021.

УДК 327, 94(73)

DOI: 10.31857/S268667300017542-6

Политический мейнстрим или прощальный марш аутсайдеров?

В.Т. Юнгблюд*Вятский государственный университет**Российская Федерация, 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36*

ORCID: 0000-0002-2706-3904

e-mail: valerteod@gmail.com

Резюме. Правый популизм, громко заявивший о себе во многих странах Старого и Нового Света в первой четверти XXI века, является предметом исследований историков, политологов, специалистов в области международных отношений. Повышенное внимание к этому феномену во многом обусловлено его впечатляющими электоральными достижениями, а также синхронностью его восходящих импульсов, характерных для разных регионов. Являясь концентрированным политическим ответом на вызовы глобализации, многие свои лозунги, тактические приёмы и способы публичной манифестации он черпает в исторических традициях собственных стран. Соотношению глобальных характеристик и региональных проявлений, современных технологий и традиционных установок в программах и способах политического поведения правопопулистских партий и движений большинства европейских и американских государств посвящена книга *«Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности»* / монография / Н.К. Капитонова, И.Э. Магадеев, В.О. Печатнов и др.; под редакцией Л.С. Окуновой, А.И. Тэвдой-Бурмули. Московский государственный институт международных отношений (университет) Москва: МГИМО-Университет, 2020. 404 с., материалы и выводы которой рассмотрены в настоящей статье на фоне современных публикаций на эту тему, вышедших в свет почти одновременно с ней. Особое внимание в статье уделено северо-американскому кейсу правого популизма, приобретшему известность благодаря идеям, поступкам и. политическому наследию президента Дональда Трампа. Отмечается, что глава, посвящённая традициям и современным особенностям популизма в США, является системообразующей для всей монографии, поскольку в ней чётко прописаны связи и видовые отличия европейского и американского популизма, обозначены скрепы традиционных форм популистского поведения с современными методами использования массовых негативных настроений и предрассудков с целью организации очередного «крестового похода» «глубинного народа» против «глубинного государства». Сделан вывод, что содержание представленных в монографии кейсов подводит к осознанию целесообразности изучения пограничных с правым популизмом спектров политической жизни Запада – политического радикализма (как правого, так и левого) и экстремизма, с одной стороны, и классического консерватизма - с другой.

Ключевые слова: правый популизм, трампизм, национализм, антиэлитизм, реакция на глобализацию, региональные особенности, политические процессы

Для цитирования: Юнгблюд В.Т. Политический мейнстрим или прощальный марш аутсайдеров? *США & Канада: экономика, политика, культура* 2021; 51 (12) 76-85. DOI: 10.31857/S268667300017542-6

Political mainstream or a farewell march of outsiders?

Valery T. Yungblud

Vyatka State University.

36 Moskovskaya st., Kirov, 610000 Russian Federation

ORCID 0000-0002-2706-3904

e-mail: valerteod@gmail.com

Abstract. Right-wing populism, which broke into the political processes of many countries of the Old and New Worlds in the first quarter of the 21st century, is the subject of research by historians, political scientists, specialists in the field of international relations. The increased attention to this phenomenon is largely due to its impressive electoral achievements, as well as the synchronicity of its ascending impulses specific to different regions. Being a concentrated political response to the challenges of globalization, it draws many of its slogans, tactics and methods of public manifestation from the historical traditions of its countries. The book, published in the MGIMO University Publishing House, is devoted to the correlation of global characteristics and regional manifestations, modern technologies and traditional lines of action in the programs and methods of political behavior of right-wing populist parties and movements of most European and American states; the materials and conclusions of this book are considered in the article against the background of modern publications on this topic, which appeared almost simultaneously. Special attention is paid to the North American case of right-wing populism, which has become famous due to the ideas, actions and the political legacy of President Donald Trump. It is noted that the chapter devoted to the traditions and modern features of populism in the United States is a core one for the entire monograph, since it clearly outlines the connections and specific differences between European and American populism, identifies the bonds of traditional forms of populist behavior with modern methods of using mass negative moods and prejudices in order to organize another "crusade" of the "deep people" against the "deep state". It is concluded that the content of the cases presented in the monograph helps to realize the relevance of studying the spectra of Western political life bordering on right-wing populism – political radicalism (both right and left) and extremism, on the one hand, and classical conservatism, on the other.

Keywords: Right-wing populism, Trumpism, nationalism, anti-elitism, reaction to globalization, regional peculiarities, political processes

For citation: Yungblud V.T. Political mainstream or a farewell march of outsiders? *USA & Canada: Economics, Politics, Culture* 2021; 51 (12) 76-85.

DOI: 10.31857/S268667300017542-6

Ещё недавно триумф либерального миропорядка казался полным и необратимым, а национализм, в первую очередь европейский, объявлялся «не серьёзной» затеей [Харари Ю.Н. 2019], тем не менее события последнего десятилетия в очередной раз показали, что прогнозы – дело неблагодарное и история не благоволит к линейным сценариям.

Мир становится всё менее структурированным, а политическая среда теряет привычную упорядоченность. На этом фоне всё чаще звучат политические прокламации, корректирующие глобальную и национальные повестки жизни и способные посредством СМИ, интернета и социальных сетей мобилизовать мно-

гомилионные аудитории в государствах как Старого, так и Нового Света. Общественно политический дискурс большинства стран Европы и Америки реагирует на социально-экономические изменения с учётом местных условий и с разной скоростью. Наличие однотипных проблем часто порождает сопоставимые политические явления. Одним из них является правый популизм, масштабно заявивший о себе в последние годы разнообразием национальных проявлений, побуждающих к сравнениям, типологизации, поиску исторических корней и уникальных характеристик.

Вышедшая в свет в издательстве МГИМО-Университета монография (под ред. Л.С. Окуновой, А.И. Тэвдоя-Бурмули) представляет собой панорамный взгляд на основные течения и вехи развития правого популизма с преимущественной фокусировкой на событиях XXI века. Основу авторского коллектива составили учёные из МГИМО МИД России, Высшей школы экономики, Института Европы РАН, Воронежского Государственного университета.

В монографии 18 глав. Имеются содержательные Предисловие, Введение и Последействие. Наряду с разделами, освещающими специфику национальных разновидностей правого популизма, в книгу включены главы, в сравнительном ключе препарирующие горизонтальные срезы этого феномена, в которых, в частности, рассмотрены соотношение правого популизма и «нового антисемитизма», а также когнитивные факторы усиления антиглобалистских настроений праворадикальных избирателей в современной Европе. Принимая во внимание широкий спектр описываемых в монографии моделей правого популизма и сложности сопоставления, хотя и родственных, но всё же пронизанных разными политическими культурами сценариев развития популистских партий, включение в структуру таких глав представляется не лишней.

Редакторы позаботились о том, чтобы максимально облегчить восприятие читателем логики и содержания тома. В развёрнутых Предисловии (А.И. Тэвдой-Бурмули) и Введении (П.В. Осколков) конкретизированы базовые дефиниции исследования, охарактеризован историографический бэкграунд, а также разъяснены его концептуальные параметры. Свою задачу они видят в том, «чтобы дать возможно более широкую палитру страновой эмпирики правопопулистского феномена, встроив его в релевантную объяснительную парадигму современных теоретических подходов к данной проблематике» (с.6-7). Внимательное прочтение этого труда приводит к заключению, что поставленная задача успешно решена.

В политической науке термин «популизм» имеет множество трактовок. Современные исследователи справедливо называют его «сложным, концептуально неопределённым, но при этом широко употребляемым термином», который «вследствие политизации приобрёл политическую коннотацию». Отмечается, что в многочисленных публикациях «спектр оценок популизма колеблется от угрозы либеральной демократии до его определения как политического мейнстрима гегелевским термином “дух времени”» [Шапаров А., Синькова Е. 2020: 183]. Авторы монографии осознают многозначность, изменчивость и многомерность данного явления, поэтому определяют его во Введении и делают это в предельно широких терминах: «Мы сами полагаем понимать популизм (именно правый) как политическую стратегию, сочетающую национализм, антиэлитизм, антиплюрализм (проявляющийся в представлении о народе как о гомогенной группе и стремлении исключить «нарушителей» гомогенности) и самоотожествлении с народной волей, направленную на достижение электоральных успехов» (с.13-14). Важно отметить, что в данном случае речь идёт не о единичной презентации дефиниции, предложенной «по случаю» в качестве удобного рамочного формата для коллективного труда. Данное определение уже прошло апробацию и с незначительными модификациями воспроизводится авторами в работах схожей тематики на протяжении нескольких лет, что позволяет говорить о вкладе в методологию сравнительного политического анализа популизма как такового, особенно в части его концептуализации и типологии [Осколков П.В., Тэвдай-Бурмули А.И. 2018]; [Осколков П.В. 2020].

Следует отметить, что не все авторы строго придерживаются предложенной дефиниции – эмпирику политических процессов различных стран и регионов далеко не всегда можно дисциплинировать в точном соответствии с предложенным определением. В этих случаях у читателя есть возможность соотнести базовый подход с той или иной региональной модификацией правого популизма, тем самым сохранив целостность восприятия данного труда. Хотя в отдельных случаях авторам и редакторам все же не удалось избежать повторов (с. 56, 75, 141, 168-169) в изложении подходов к определению популизма, вряд ли уместных в исследовании, претендующем на внутреннюю цельность и непротиворечивость.

Раздел, посвящённый состоянию правого популизма в Европе, наиболее обширен, он охватывает большинство стран Западной, Центральной, Восточной Европы (за исключением Венгрии и Польши), Скандинавии, Балтии и Балкан. Разнообразие и взаимовлияние популистских партий, движений и локальных манифестаций в Старом Свете отчасти объясняется традициями политической жизни отдельных государств. В то же время, как справедливо отмечают авторы отдельных глав, некоторые из наиболее ярких его характеристик навеяны реалиями глобализации и европейской интеграции (с. 58-59, 135, 143, 198, 271), социальным расслоением и «сокращением гражданской середины» (с. 63, 87-88, 102, 280), эрозией системных партий (с. 64, 180, 266), наплывом иммигрантов и неприятием «других» (с. 142, 167, 186).

Внимание к европейским вариантам правого популизма вполне закономерно. Недавнее исследование Института глобальных изменений показало, что большинство популистских партий в Европе принадлежит к правому крылу: 72 из 102 в программных документах определяют себя как правых популистов» [Хахалкина Е.В., Андреев К.П., Мунько К.В. 2020: 103].

Смысловыми доминантами европейского раздела монографии являются главы, посвящённые Германии (С.И. Дмитриева, С.В. Погорельская), Великобритании (Н.К. Капитонова) и Франции (И.Э. Магадеев). Отчасти это оправдано тем, что на фоне всеобщего роста спроса на традиционные ценности и разумный консерватизм, в общественно-политической жизни трёх названных западноевропейских государств оформились уникальные варианты национальных ответов на общеевропейский интеграционный вызов в виде британского Брексита, движения французских «жёлтых жилетов» и электоральных достижений партии «Альтернатива для Германии». В то же время, активность правопопулистских сил в этих странах демонстрирует, что традиционные политические образования европейского истеблишмента (христианские демократы, консерваторы, социал-демократы, либералы) ослабили свои позиции на электоральном поле многих государств Старого Света. На фактах истории большинства упомянутых в монографии европейских стран показано, что привычные формы коалиционного сотрудничества между системными партиями далеко не всегда «позволяют решать текущие и перспективные проблемы отдельных стран – членов ЕС и Европы в целом [Осколков П.В., Тэвдай-Бурмули А.И. 2018]; [Осколков П.В. 2020]; [Коалиционные правительства ..., 2020: 8].

Принимая во внимание масштабы националистических, антиэлитарных и антиэтатистских настроений в большинстве европейских стран, а также электоральные достижения партий и движений, выступающих под этими лозунгами, будущее Европейского Союза отнюдь не кажется беспроблемным (с. 394).

Своеобразным украшением книги стала глава об особенностях правого популизма в Бразилии в XXI веке и его отголосках в других латиноамериканских странах. Автору Л.С. Окуневой удалось мастерски показать, как опыт латиноамериканских государств синтезирует правопопулистские тренды Запада с собственными колоритными проявлениями политических предложений правящих элит и эмоциональных пристрастий (или антипатий) массового общества (с. 365-367). С учётом того, что в главе представлен богатый материал о националистических «клонах» бразильского лидера Ж. Болсонару из Боливии (с. 374), Аргентины (с. 376), Чили (с. 376), Парагвая (с. 378), Уругвая (с. 378), Сальвадора (с. 378-379), Гватемалы (с. 379), можно с высокой долей вероятности предположить, что этот материал может оформиться в самостоятельное монографическое исследование, где наряду с правопопулистским контентом равноправно будет представлен более широкий спектр латиноамериканских политических партий и движений.

Мощная популистская волна, всколыхнувшая Соединённые Штаты Америки во втором десятилетии текущего века, также способствовала поддержке глобального популистского импульса. И хотя экватор популистского наступления в

этой стране в настоящий момент кажется пройденным, его амплитуда продолжает оставаться высокой. «На рубеже второго–третьего десятилетий, – отмечает Л.Ф. Лебедева, – в Соединённых Штатах расколотыми остаются и политическая элита страны, и американское общество, в том числе в оценке государственных программ» [Лебедева Л.Ф. 2020: 5]. Остаётся вопрос, в каком направлении движется политическая эволюция США на этот раз. Богатую пищу для размышлений на эту тему даёт глава о связи современного состояния Соединённых Штатов Америки с их традициями, подготовленная В.О. Печатновым и развивающая, а во многом и обобщающая его более ранние исследования на эту тему [Печатнов В. 2017]; [Печатнов В.О. 2020]; [Печатнов В.О., Печатнов В.В. 2018].

Взлёт правого популизма в Соединённых Штатах справедливо связывается с неординарной фигурой 45-го президента Дональда Трампа. Автор главы показывает, что связь эта детерминирована множеством факторов. Восхождение к власти этого лидера для многих было неожиданностью, а масштабы наследия его управления страной, очевидно, ещё предстоит оценить. Трамп – не первый, кто вошёл в политическую жизнь США с правопопулистскими лозунгами, но в отличие от своих прямых предшественников, среди которых обычно называют Х. Лонга, Б. Голдуотера, Дж. Маккарти и Дж. Уоллеса, он стал президентом и находился у власти в течение четырёх лет. За это время ему удалось заметно повлиять на политическую повестку страны и перефокусировать внимание электората с темы «нового мирового порядка», на проблематику «наведения порядка в стране», и в этом смысле ему удалось достичь больше, чем кому бы то ни было из предшественников.

Трампизм как исторический феномен своим появлением во многом обязан глубокому системному кризису, в течение нескольких десятилетий последовательно захватывавшему важные сегменты жизни американского общества, существенно изменившему социальную структуру страны, расколовшему гражданское общество по важным мировоззренческим вопросам, скорректировавшему отношение людей к базовым ценностям «американского кредо» – конституционализму, правлению закона, гражданскому равенству (с.285-289). Сам способ его проявления чаще всего объясняют «несистемностью» 45-го президента Соединённых Штатов. В связи с этим возникает вопрос о критериях «системности» государственного деятеля в такой стране как США. Реагируя на кризис и включая мероприятия по его преодолению в список своих актуальных задач, он действовал почти так же, как другие президенты-прагматики. Публично нападая на оппозиционную прессу и элиты, он вполне успешно удовлетворял общественный запрос на авторитарного лидера, а появление лидеров такого типа не такая уж большая редкость в истории США.

В.О. Печатнов детально показывает, что трампизм, при всей его спонтанности, наглядно демонстрирует, как в современном мире может разворачиваться запуск самоидентификации массового общественно-политического движения, когда в течение непродолжительного отрезка времени происходит сущностная (проблематика и актуальная политическая повестка), организационная (отноше-

ние к действующим законам, правилам, регламентам) и социокультурная (ценности) самоидентификация участников движения и мобилизация значительной части электората. В этом отношении данная глава является системообразующей для всей монографии, в ней четко прописаны связи и видовые отличия европейского и американского популизма, обозначены скрепы традиционных форм популистского поведения с современными методами использования массовых негативных настроений и предрассудков с целью организации очередного «крестового похода» «глубинного народа» против «глубинного государства».

Коль скоро популизм как отклик на традиции американской демократии глубоко укоренён в сознании американцев, а его современная модификация – трампизм – порождена реалиями текущего кризиса, то развилка для продолжения траектории его исторического пути представляется вполне очевидной: либо сменившей республиканскую администрацию команде президента Дж. Байдена придётся выполнить часть повестки Трампа, тем самым «высушить болото трампизма» и в очередной раз продемонстрировать способность американской демократии справляться с национальными и глобальными вызовами, либо правый популизм, с Трампом или без него, будет «продолжать дестабилизировать партийно-политический ландшафт США» (с. 309).

Североамериканский блок дополняет глава об особенностях внешней политики Трампа, написанная Л.М. Соколычком. Отталкиваясь от тезиса о концептуальной фрагментарности трампизма (с. 316), автор, несколько противореча себе, акцентирует его враждебность идее либерального миропорядка, которому противопоставляет изоляционизм, унилатерализм, государственный суверенитет и экономический протекционизм. На этом основании внешнеполитическая программа Трампа оценивается как палеоконсерватизм в духе «отказа от имперской политики в пользу изоляционизма» (с. 322, 325). В данной связи следует заметить, что взгляды президента Д. Трампа на международные отношения и внешнеполитический курс его администрации и в России, и в США эксперты, как правило, трактуют не столь однозначно. Отмечалось, например, что «наиболее продвинутые глобалисты – и политические деятели, и эксперты, и финансисты, в частности Дж. Сорос и Ч. Кох, принадлежащие к противоположным сегментам политического спектра, начали осознавать, что политика Трампа “Америка прежде всего” пользуется мощной поддержкой белого большинства американцев и за ней будущее» [Самуйлов С.М. 2020].

Несколько обособленное место в монографии занимает очерк А.В. Крыжановского о месте гендерной проблематики в дискурсе новых религиозных правых США (с. 393-391). Хотя сами по себе религиозные правые деноминации и общины не формируют самостоятельного движения внутри популизма, они имеют влияние на электорат и традиционно считаются «держателями» религиозно-мировоззренческих констант американизма и нативизма. Как справедливо отмечено Тэвдоем-Бурмули, включение этого сюжета позволяет раздвинуть пространственно-временные рамки исследования, придав ему необходимую для корректного анализа многомерность (с. 9). Нарратив такого рода по праву впле-

тён в общую канву правопопулистской проблематики, поскольку в нём преломляются очень важные грани современных мировоззренческих сдвигов и ценностных деформаций не только американского, но и западного общества в целом. Остаётся добавить, что в более широком контексте эта часть собственно американского правопопулистского дискурса затрагивалась в работах российских исследователей, в том числе и причастных к созданию рецензируемого тома [Печатнов В.В.2017]; [Печатнов В.О., Печатнов В.В. 2018]. Коллективный труд, вышедший в МГИМО-Университете, наметил контуры дальнейших исследований по затронутой проблеме. Хотя, как отмечают идеологи этого издания, «популизм позиционирует себя в качестве органического элемента политической системы и стремится прийти к власти, привлекая электорат в рамках сложившихся демократических процедур» [Осколков П.В. 2019: 13]; [Тэвдой-Бурмули А.И. 2018: 35-36], содержание представленных кейсов подводит к осознанию целесообразности изучения пограничных с правым популизмом спектров политической жизни Запада – политического радикализма (как правого, так и левого) и экстремизма, с одной стороны, и классического консерватизма – с другой [Шакиров А., Синькова Е. 2020, 5: 184. История последних десятилетий свидетельствует о том, что грань между программами и политическим поведением этих сил становится всё менее осязаемой.

К сожалению, на страницах книги не нашли отражения правопопулистские проявления в Канаде и в современной России, опыт которых представляется важным для полновесного компаративного анализа. Впрочем, в случае исследования этого феномена на российском материале, данный труд содержит немало содержательных и методологических позиций, которые могут быть востребованы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Коалиционные правительства в современной Европе: шансы и риски: монография [В.Я. Швейцер и др.] 2020. М.: Институт Европы РАН, 136 с. DOI: 10.15211/report72020_374

Лебедева Л.Ф. 2020. Социальные ориентиры администрации Д. Трампа и их восприятие в американском обществе // *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 6. С. 5-19. DOI: 10.31857/S268667300009767-3

Осколков П.В. 2020. Популизм и корона: как пандемия влияет на правопопулистские партии Европы? // Институт Европы РАН. Аналитическая записка №15 (198). Available at: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an198.pdf> DOI: 10.15211/analytics152020

Осколков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И. 2018. Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала // *Вестник Пермского университета. Серия «Политология»*, № 3. С. 19-33. DOI: 10.17072/2218-1067-2018-3-19-33

Печатнов В.В. 2017. Феномен Трампа и американская демократия // *Международные процессы*. Т. 15, №1 (48). С. 13 – 34. DOI: 10.17994/IT.2017.15.1.48.3

Печатнов В.В. 2017. Традиционные ценности и их противники // *Россия XXI*, № 1. С. 24-45.

Печатнов В.О. 2020. США в тисках кризисов // *Мировая экономика и международные отношения*, том 64, № 10, с. 5-16. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-10-5-16

Печатнов В.О., Печатнов В.В. 2018. Меняющийся религиозный ландшафт Америки // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 9. С. 48-59. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-48-59

Самуйлов С.М. 2020. Антиглобализм Д. Трампа и подходы «мозговых центров» США // *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2020, № 3. С. 25- 43. DOI: 10.31857/S268667300008592-1

Харари Юваль Ной. 2019. 21 урок для XXI века. М.: Синдбад. 416 с.

Хахалкина Е.В., Андреев К.П., Мунько А.В. 2020. Новое лицо Евросоюза: феномен правого популизма на примере отдельных стран ЕС // *Вестник МГИМО-Университета*. Т.13, №6. С. 99-132. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-6-75-99-132

Шапаров А.Е., Синькова Е.В. 2020. Демаргинализация правого радикализма в европейском политическом процессе // *Современная Европа*, №5, с. 182-192. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52020182192>

REFERENCES

Harari Yuval Noah. 2019. 21 urok dlya XXI veka [21 Lessons for the 21st Century] (In Russ., translated from English). Moscow, Sindbad. 416 p.

Khakhalkina E.V., Andreev K.P., Munko A.V. 2020. Novoe litso Evrosoyuza: fenomen pravogo populizma na primere otdel'nykh stran ES [New Face of European Union: Right-Wing Populism in the EU-Countries] (in Russ.). *MGIMO Review of International Relations*, No.6. p. 99-132. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-6-75-99-132

Schweitzer V.Ya. et al. 2020. Koalitsionnye pravitel'stva v sovremennoy Evrope: shansy i riski: monografiya [Coalition Governments in Contemporary Europe: chances and risks] (In Russ.). Moscow, Institute of Europe, 136 p. DOI: 10.15211/report72020_374

Lebedeva L.F. 2020. Social Guidelines of Trump's Presidency and the Public Opinion // *USA & Canada: economics, politics, culture.*; No. 6, p. 5-19. DOI: 10.31857/S268667300009767-3

Oskolkov P.V. 2020. Populizm i korona: kak pandemiya vliyaet na pravopopulistskie partii Evropy? [Populism and the Corona: how does the pandemic affect the right-wing populist parties in Europe?] (In Russ.). Institute of Europe RAS. Analytical paper No. 15. Available at: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an198.pdf> DOI: 10.15211/analytics152020

Oskolkov P.V., Tevdoy-Burmuli A.I. 2018. Evropeyskiy pravyy populizm i natsionalizm: k voprosu o sootnoshenii funktsionala [European right-wing populism and nationalism: revisiting the correlation of features] (In Russ.). *Bulletin of Perm University. Political Science*, No. 3., p. 19-33. DOI: 10.17072/2218-1067-2018-3-19-33

Pechatnov V.O. 2017. Fenomen Trampa i amerikanskaya demokratiya [The Trump Phenomenon and American Democracy] (In Russ.). *International Trends*. No. 1, p. 13 – 34. DOI: 10.17994/IT.2017.15.1.48.3

Pechatnov V.O. 2020. SShA v tiskakh krizisov [America Grippped by Crises] (in Russ.). *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, No. 10, p. 5-16. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-10-5-16

Pechatnov V.O., Pechatnov V.V. 2018. Menyayushchiysya religioznyy landshaft Ameriki [America's Changing Religious Landscape] (In Russ.). *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 9, p. 48 -59. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-48-59

Pechatnov V.V. 2017. Traditsionnye tsennosti i ikh protivniki [Traditional values and their opponents] (In Russ.). *Rossiya XXI*, No. 1., p. 24-45.

Samuilov S.M. 2020. Antiglobalizm D. Trampa i podkhody «mozgovykh tsentrov» SShA [Anti-globalism of D. Trump and Approaches of U.S. Brain Trusts] (In Russ.). *USA & Canada: economics, politics, culture.*; No.3, p. 25-43. DOI: 10.31857/S268667300008592-1

Shaparov A., Sin'kova E. 2020. Demarginalizatsiia pravogo radikalizma v evropeiskom politicheskom protsesse [The Resurgence of the Radical Right in European Policy]. *Sovremennaya Evropa*, No. 5, p. 182-192. DOI: 10.15211/soveurope52020182192

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЮНГБЛЮД Валерий Теодорович , доктор исторических наук, профессор, президент Вятского государственного университета, Российская Федерация 610000, г. Киров, Московская ул, 36.	Valery T. YUNGBLUD , Doctor of Sciences (History), Professor, President of Vyatka State University, 36 Moskovskaya st., Kirov, 610000, Russian Federation
---	---

Статья поступила в редакцию / Received 27.08.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 10.09.2021.

Статья принята к публикации / Accepted 13.09.2021.

JEL: F13, F51, F52

УДК: 339.548

DOI: 10.31857/S268667300017545-9

«Американский план создания рабочих мест» с антикитайским акцентом

С.С. Дмитриев

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).

Российская Федерация, 117797 Москва, ул. Профсоюзная, 23

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2538-8219>

e-mail: sdmitriev.at.imemo@mail.ru

Резюме: Администрация Байдена заявляет о своем намерении создать «самую сильную, стойкую, инновационную экономику в мире», способную «конкурировать и побеждать в XXI веке». Вашингтон намерен «объединить и мобилизовать страну и своих союзников для решения великих проблем нашего времени», к которым он, в частности, относит климатический кризис и «амбиции автократического Китая». Повестка модернизации американской экономики, продвигаемая администрацией Байдена, призвана способствовать решению проблем занятости, восстановления и закрепления технологического лидерства США в мире. Инвестиции в инфраструктуру увязываются с задачами климатической политики и направлены на поддержку политических и социальных приоритетов. На внешнеэкономической арене Вашингтон не спешит отказываться от протекционистской политики Трампа и усиливает давление на торговых партнеров с целью не допустить укрепления позиций Китая.

Ключевые слова: США, Китай, Байден, инфраструктура, цепочки поставок, технологическое лидерство, климатическая политика, возобновляемые источники энергии

Для цитирования: Дмитриев С.С. «Американский план создания рабочих мест» с антикитайским акцентом. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2021; 51(12):86-100. DOI: 10.31857/S268667300017545-9

"American Jobs Plan" with an Anti-Chinese Accent

Sergei S. Dmitriev

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations

Russian Academy of Sciences (IMEMO)

23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2538-8219>

e-mail: sdmitriev.at.imemo@mail.ru

Abstract: The Biden administration announces its intention to create "the world's strongest, most resilient, innovative economy" capable of "competing and winning in the 21st century." Washington intends to "unite and mobilize the country and its allies to solve the great problems of our time," to which, in particular, it refers to the climate crisis and "the ambitions of an autocratic China." The agenda for the modernization of the American economy, promoted by the Biden administration, is designed to help solve employment problems, restore and consolidate

the US technological leadership in the world. Infrastructure investments are linked to climate policy objectives and support political and social priorities. In the foreign economic arena, Washington is in no hurry to abandon Trump's protectionist policies and is increasing pressure on trading partners in order to prevent strengthening China's position.

Keywords: United States, China, Biden, infrastructure, supply chains, technological leadership, climate policy, renewable energy

For citation: Dmitriev S.S. "American Jobs Plan" with an Anti-Chinese Accent. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2021; 51(12):86-100.

DOI: 10.31857/S268667300017545-9

«ОТСТРОИТЬ ЗАНОВО И ЛУЧШЕ»

Трёхчастная повестка восстановления американской экономики с совокупными инвестициями до 6 трлн долл. преподносится администрацией Дж. Байдена в качестве самого эффективного в истории страны инструмента поддержания экономического и технологического лидерства США. На первом этапе реализации данной программы основные усилия были сконцентрированы на краткосрочных задачах реабилитации человеческого и производственного потенциала, пострадавшего от экономического спада и пандемии коронавируса («Американский план спасения»). В дальнейшем, на авансцену вышли задачи долгосрочного развития, решать которые были призваны «Американский план создания рабочих мест» («Инфраструктурный план») и «План поддержки американских семей».

Сторонники Байдена называют его «Инфраструктурный план» «долгожданным первым шагом», жизненно необходимым для реабилитации обветшавшей инфраструктуры США, состояние которой вызывает оправданную озабоченность. Американское общество инженеров-строителей понизило в 2020 г. рейтинг состояния национальной инфраструктуры до С-минус по сравнению с D-плюс всего четыре года назад, а в рейтинге Всемирного экономического форума по уровню развития инфраструктуры США откатились на скромное 13-е место, тогда как пятнадцать лет назад они занимали пятое. Объективность приведенных оценок подтверждается участвовавшими масштабными сбоями в электро-, тепло- и водоснабжении американских городов, спровоцированными природными и антропогенными факторами.

Напротив, по мнению оппозиции, предложенный Белым домом «Инфраструктурный план» с инвестициями 2,25 млрд долл. – это не что иное, как «невероятно затратный», даже по меркам США, инструмент масштабного государственного вмешательства в экономику. На этом основании президента США упрекали в попытках возродить в стране промышленную политику, сформированную по китайскому образцу, или даже навязать стране «социалистическую повестку дня». Кроме того, в процессе прохождения «Инфраструктурного плана» через Конгресс выяснилось, что лишь менее половины, запрошенных Байденom средств, действительно предназначались на реабилитацию физической инфраструктуры страны. Остальные средства должны были быть использованы

на финансирование расплывчатых политических приоритетов демократической партии, таких как смягчение расового и экономического неравенства, достижение «экологической справедливости», защита демократических ценностей и прав человека и улучшение благосостояния среднего класса. Не случайно сам Байден обозначил свою инициативу как «План синих воротничков по восстановлению Америки».

По указанным причинам шаткий двухпартийный консенсус, достигнутый при реализации «Американского плана спасения», не распространился на инкорпорированный в «Инфраструктурный план» «либеральный список пожеланий». Одобренный обеими палатами Конгресса альтернативный двухпартийный проект инфраструктурной реформы – законопроект «Об инвестициях в инфраструктуру и рабочие места» (*Infrastructure Investment and Jobs Act*) предусматривает сокращение запрошенных Белым домом ассигнований до 1,2 трлн долл. (вместо изначально заявленных 2,3 трлн долл.). При этом на физическую инфраструктуру предлагается дополнительно потратить 550 млрд долл., - в основном на транспортные проекты (110 млрд. – на дороги, и мосты, 17 млрд – морские и речные порты, 25 млрд – аэропорты). Законопроект предусматривает также выделение 39 млрд долл. на городской транспорт, и 66 млрд – на скоростные железные дороги. Если эта инициатива реализуется, то это будут крупнейшие федеральные инвестиции в общественный транспорт в истории США. Ещё 7.5 млрд долл. предусмотрены на расширение сети зарядных станций для электромобилей), по 65 млрд долл. выделяется на энергосети и широкополосный Интернет. Из-за сокращения масштабов финансирования ставится под сомнение выполнимость ряда амбициозных обещаний Байдена – модернизировать 32 тыс. км действующих автомобильных дорог и более 10 тыс. мостов, построить новые линии электропередач совокупной мощностью не менее 20 ГВт и т.д. [18]

Инициатива Белого дома об оплате расходов на «Инфраструктурный план» за счёт поступлений от повышения налога с корпораций с 21% до 28% не была поддержана республиканцами. Были отвергнуты и предложения по индексации налога на моторное топливо и взиманию платы за пробег электромобилей. Вместо этого акцент был перенесён на привлечение ресурсов частных инвесторов. Кроме того, на цели проекта предлагается перенаправить недорасходованные средства, выделенные ранее на «Американский план спасения» и будущие поступления от эксплуатации вводимой в строй инфраструктуры. Продвигать «Инфраструктурную программу» предлагается также с помощью налоговых льгот и расширения закупок для государственных нужд. В соответствии с требованиями «сделано в Америке» и «покупай американское», необходимые для реализации инфраструктурных проектов товары и услуги имеется в виду производить в США, а строительство объектов осуществлять американскими компаниями. Тем не менее, Бюджетное управление Конгресса считает, что указанные источники покрывают лишь половину расходов и на практике реализация программы приведёт к увеличению дефицита федерального бюджета на 256 млрд долл. в течение 10 лет [19].

Что касается расходов на «человеческую инфраструктуру», то они были вообще вычленены для сепаратного рассмотрения в рамках масштабной социальной инициативы демократов совокупной стоимостью 3,5 трлн долл. Реализация этой части плана Байдена будет невозможна без повышения налогов. Так что достигнутое двухпартийное перемирие не является устойчивым, и инфраструктурная инициатива Байдена может встретить жёсткую оппозицию в Конгрессе в процессе выделения бюджетных средств на конкретные программы. Что касается плана социальных реформ, стоимость которого за время обсуждения в Конгрессе сократилась с 3,5 до 1,75 трлн долл., то из-за внутрипартийных разногласий голосование по нему отложено, хотя глава Белого дома активно призывал законодателей принять оба документа одновременно.

Оправданный пессимизм присутствует и в отношении выполнимости главного обещания Байдена – обеспечить за предстоящие четыре года создание 18 млн новых рабочих мест. Инфраструктурные инвестиции действительно способствуют увеличению занятости – в основном в строительном секторе, однако они не способны решить структурную проблему сокращения рабочих мест в обрабатывающей промышленности. В отличие от Трампа, Байден не склонен к «фетишизации» роли Китая в утечке рабочих мест за границу. Но американский президент пока не готов предложить эффективный рецепт ришоринга для стимулирования процесса возвращения производственных мощностей в США. Так что, продвигаемые Байденем меры, по мнению экспертов, вряд ли сделают сталелитейную промышленность США «снова великой», а скорее ослабят стимулы для инвестирования в экономику.

СХВАТКА ЗА «КЛИМАТИЧЕСКУЮ СПРАВЕДЛИВОСТЬ»

В рамках провозглашённого Вашингтоном «Зелёного нового курса», заявлено о стремлении «поставить климатический кризис в центр внешней политики и национальной безопасности США». Исполнительный указ Байдена «О борьбе с климатическим кризисом в стране и за рубежом» требует, чтобы все федеральные инвестиции в инфраструктуру учитывали вероятные последствия выбросов парниковых газов. В первоначальном варианте «Инфраструктурного плана» 56% выделяемых средств были так или иначе связаны с проблемой ускорения перехода США к низкоуглеродной экономике. Для сравнения, в законе Обамы «О восстановлении и реинвестировании Америки» 2009 г. совокупные расходы на климат составляли лишь 12% [1]. Впрочем, в процессе согласования, климатическая составляющая «Инфраструктурного плана» подверглась достаточно жёсткому сокращению. Отредактированная Конгрессом двухпартийная компромиссная версия, на которую вынужден был пойти Белый дом, хотя и включает климатические инвестиции и затраты на зеленую энергетику, но на более низких уровнях – в общей сложности порядка 100 млрд долл. Более значительные средства выделяются на модернизацию систем водоснабжения и повышение устойчивости инфраструктуры к стихийным бедствиям. Возрастут также, свя-

занные с энергопереходом, расходы на консервацию заброшенных и бесхозных угольных шахт, нефтяных и газовых скважин (инфраструктурный план Байдена предусматривает выделение на эти цели 21 млрд долл.).

В стране растёт понимание того факта, что последствия агрессивного климатического курса, навязываемого администрацией Байдена, могут оказаться чувствительными для топливно-энергетического комплекса (ТЭК), не оправившегося от последствий пандемии. По замыслу Вашингтона, к 2035 г. вся электрогенерация страны должна стать безуглеродной и безвыбросной. Учитывая, что сейчас 23% электричества вырабатывается за счёт сжигания угля, для соблюдения параметров энергоперехода в течение следующего пятилетия потребуется закрыть до 80% оставшихся угольных ТЭС. Пострадают и электростанции на природном газе, который считается «переходным» энергоносителем. Имеются также планы восстановить, введённое Обамой, регулирование выбросов метана предприятиями нефтегазового комплекса. В сочетании с планируемым сокращением федеральной поддержки углеводородной энергетики, указанные меры могут воспрепятствовать освоению новых нефтяных и газовых месторождений и замедлить развитие трубопроводной инфраструктуры ТЭК.

«Принимая решение, мы должны учитывать, что экспортируемое топливо — это не только источник богатства; это также мощный инструмент геополитического влияния... Если администрация Байдена продолжит ограничивать добычу (углеводородов) на федеральных землях, мы приблизимся к ситуации, когда, несмотря на наличие огромных и доступных ресурсов, США вновь будут полагаться на иностранную нефть и природный газ», — предупреждает экспертное сообщество США [2]. В 15 млрд долл. оценены только потери, понесённые компанией «ТК энерджи корп.» (TC Energy), «в результате нарушения правительством США его обязательств по НАФТА», — введения административного запрета на строительство трубопровода «Кистоун» (Keystone XL) из Канады [3]. Сообщается также, что штаты Луизиана, Техас и ряд других готовят иски к федеральному правительству из-за ущерба, причинённого их нефтегазовой отрасли и рыболовству.

Основную ставку для достижения американского превосходства в гонке за лидерство в мировой энергетике администрация Байдена делает на возобновляемые источники энергии (ВИЭ). «Трудно представить себе, что Соединённые Штаты выиграют долгосрочное стратегическое соревнование с Китаем, если мы не сможем возглавить революцию в области возобновляемых источников энергии», — убеждён госсекретарь Блинкен. По его мнению, если США не догонят конкурентов, «Америка упустит шанс сформировать климатическое будущее мира таким образом, чтобы это отражало наши интересы и ценности, и мы потеряем бесчисленное количество рабочих мест для американского народа» [4].

Байден намерен в течение ближайшего десятилетия по меньшей мере удвоить установленные мощности ветряной и солнечной генерации. Необходимо при этом отметить, что в настоящее время США покрывают за счёт энергии ветра и солнца менее одной пятой своих потребностей в электроэнергии и далеко отстают в части использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ) от

Евросоюза и КНР. Игнорируется также то обстоятельство, что ВИЭ наиболее эффективно работают в тандеме с углеводородной энергетикой.

Особым покровительством Белого дома пользуется ветряная энергетика. На первом этапе Вашингтон санкционировал строительство трёх крупных ветропарков на шельфе Атлантического океана совокупной мощностью 2032 МВт, проектирование которых осуществлялось в кооперации с фирмами Дании и Испании. Администрация Байдена рассчитывает в дальнейшем приступить к выдаче разрешений на строительство ветряных электростанций (ВЭС) на шельфе Калифорнии и Мексиканского залива. Впрочем, учитывая, что в течение следующего десятилетия Европа и Китай также намерены резко нарастить мощности морских ВЭС, даже после реализации указанной программы отставание США на этом направлении, скорее всего, сохранится.

В то же время Белый дом настроен пессимистично в отношении возможности развития, оспариваемой защитниками окружающей среды, гидроэнергетики, и продвигавшегося администрацией Обамы энергоемкого производства биотоплива. Действующие АЭС считаются хотя и непарниковыми, но не отвечающими критериям устойчивого развития, так что процесс их закрытия вряд ли остановится. Вместе с тем, план Байдена не исключает возможность продолжения экспериментов с атомными реакторами следующих поколений и новыми модульными ядерными технологиями. Проявляется также интерес к технологиям «зелёного» водорода и «углеродно-нейтрального» СПГ.

По всем прогнозам, благодаря поддержке Вашингтона и по объективным причинам, доля альтернативной энергетики в энергобалансе США будет расти. При этом, однако, перевод всей выработки электроэнергии на ВИЭ за 10-15 лет не выглядит для этой страны реалистичным сценарием. Ускоренный рост инвестиций в солнечную и ветряную энергетику во многом объясняется применением субсидий и налоговых льгот, покрывающих около четверти расходов, связанных с их внедрением. После 2023 г. их продление может оказаться проблематичным, а без государственных вливаний и радикального снижения издержек производства эта отрасль имеет ограниченные перспективы для развития. К тому же ни солнечная, ни ветряная энергетика не являются 100%-но чистыми. Производство солнечных панелей, лопастей ветряков, аккумуляторов, цветных и редкоземельных металлов энергоёмкое и сильно загрязняет природную среду. Не меньшую проблему представляет и утилизация использованного оборудования, содержащего углепластик и другие трудно разлагаемые и токсичные химикаты, металлы и материалы.

Не меньше вопросов вызывает и реалистичность, поставленной президентом США задачи, «обогнать всю планету» в сфере электрификации транспорта. По первоначальному варианту «Инфраструктурного плана», на «завоевание» рынка электромобилей, производство аккумуляторов, создание 500 тыс. новых зарядных постов и перевод на электроэнергию общественного транспорта предлагалось направить 174 млрд долл. Планировалось, в частности, электрифицировать весь автопарк федеральных ведомств (примерно 650 тыс. ед.), осуще-

ствить замену на электробусы 50 тыс. городских автобусов и 20% школьных автобусов. В процессе согласования большинство этих параметров пришлось пересмотреть в сторону понижения. Выяснилось, что электрические школьные автобусы, например, стоят в 3 раза больше, чем дизельные, требуют новой инфраструктуры и существенного увеличения инвестиций в электроэнергетику [5]. Впрочем, распоряжение Байдена, в котором говорится, что к 2030 г. 50% продаж легковых автомобилей и лёгких грузовиков будет приходиться на электромобили и гибриды, не имеет обязательной силы. Скорее всего, с учётом прогнозируемого снижения цен на аккумуляторы и повышения спроса на электромобили, их доля в автопарке США может повыситься к 2030 г., по разным оценкам, с сегодняшних менее 3% в 4–5 раз, так что основную часть рынка по-прежнему будут занимать автомобили с ДВС.

Многое, впрочем, будет зависеть от степени поддержки климатического эксперимента Байдена на уровне штатов, муниципалитетов и крупного бизнеса. Наиболее активна в плане развития ВИЭ Калифорния, которая заявила о своих планах продвигать шельфовую ветроэнергетику и готовится ввести к 2024 г. запрет на выдачу новых разрешений на применение загрязняющего природную среду гидроразрыва пласта, широко используемого в США при добыче сланцевого газа. Вместе с тем, угроза отлучения от федеральных субсидий и налоговых льгот заставляет даже крупнейшие ТНК вкладывать средства в экологизацию. Так, «Эксон Мобил» (*Exxon Mobil*) обратилась к правительству с просьбой предоставить ей налоговые стимулы для реализации проекта по улавливанию углерода стоимостью 100 млрд долл. [6] Корпорация «Форд» (*Ford*) собирается вложить собственные средства в производство электротранспорта, а «Дженерал моторс» (*GM*) – стать полностью углеродно-нейтральной к 2040 г. и инвестировать в проект по извлечению лития и завод аккумуляторов.

АНТИКИТАЙСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ «ИНФРАСТРУКТУРНОГО ПЛАНА»

Ответственность за провалы в сфере внешнеэкономических связей, включая убытки от торговой войны с Китаем и ухудшения отношений с союзниками, Белый дом возложил на своего предшественника на посту президента США. В противовес Трампу, Байден заявил о своём намерении проводить «более разумную» инклюзивную торговую политику, нацеленную на лидерство в сфере внешнеэкономических связей, но при этом ориентированную на нужды среднего класса. Однако практика последних лет наглядно показала, что в отношениях со своими торговыми партнёрами Вашингтон по-прежнему полагается прежде всего на экономическую и технологическую мощь США, исповедует принцип «принуждения к торговле», и не готов отказаться от ставки на протекционизм для достижения своих торгово-политических целей.

Тарифы Трампа признаются ненужным раздражителем, особенно в отношениях с союзниками США, но при этом создаётся впечатление, что администра-

цией Байдена они воспринимаются как «новая нормальность». Затягивание с отменой тарифов оправдывается проблемами национальной безопасности и необходимостью контроля за обеспечением соблюдения партнёрами США их договорных обязательств. Так что не случайно в американских СМИ Байдену был присвоен титул «Трамп 2.0». Даже прибегнув к замораживанию торговых споров с Евросоюзом по тарифам на сталь и алюминий на пять лет, Белый дом объяснил эту «уступку» необходимостью «создать пространство для переговоров» и сохранил за собой право их повторного применения. Более того, правительство Байдена пригрозило поднять тарифы для европейских стран, если они введут законы о цифровых рынках и цифровых услугах.

Вместе с тем, важным отличием торговой политики Байдена от действий его предшественника, выступает отход от открытого изоляционизма (*go-it-alone approach*) в пользу взаимодействия с «надёжными союзниками» (*consensus-building*), к которым в первую очередь были отнесены Великобритания и Евросоюз. В соответствии с достигнутыми договорённостями, Вашингтон и Брюссель провозгласили начало новой эпохи торгового сотрудничества. «Лакмусовой бумажкой» для трансатлантической солидарности должна была стать деятельность Совета по торговле и технологиям США – ЕС, который намеревается сосредоточиться на согласовании глобальных стандартов для продвижения инноваций и обеспечении безопасности цепочек поставок (полупроводников, вакцин). Важное значение придаётся также деятельности Энергетического совета США – ЕС, который уже приступил к координации вопросов декарбонизации ТЭК и энергобезопасности. Вместе с тем, формирование нового трёхстороннего партнёрства Вашингтона, Лондона и Канберры в сфере обороны и безопасности, серьёзно подрывает эти планы и, по мнению главы МИД Франции, «противоречит духу сотрудничества и демонстрирует отсутствие согласованности» между США и Евросоюзом.

Действия Вашингтона в отношении Китая во многом остаются проекцией конфронтационной политики предшествующей администрации: «Ущерб от пандемии начинает сокращаться, но долгосрочные последствия торговой войны остаются» [7]. Администрации Байдена определённо не нравится тот факт, что Китай является лидером мировой торговли и даже стал крупнейшим торговым партнёром Евросоюза. Как откровенно выразился официальный представитель Госдепартамента США, у Китая «не должно быть большей доли рынка, чем у Соединённых Штатов» [8].

Предпринимаются усилия для привлечения европейских партнёров с целью концентрации совместных усилий на китайском направлении. Появились даже призывы создать «НАТО для торговли», якобы в ответ на «склонность Китая игнорировать дух (и букву) ВТО и преследовать демократические страны с помощью торгового принуждения» [9]. Вашингтон и Брюссель договорились противодействовать инвестициям КНР в авиастроительный сектор развитых стран, а также «нерыночным» иностранным инвестициям в Китай. «Байден и его коллеги из ЕС сосредоточат своё внимание на согласовании наших подходов к торговле и технологиям, чтобы демократии, а не кто-либо другой, не Китай и не дру-

гие автократии, диктовали правила торговли и технологий для XXI века», – поясняет советник по национальной безопасности США Салливан [10].

В противовес программе «**Один пояс – один путь**» объявлено о запуске её конкурента – глобальной инфраструктурной программы для развивающихся стран «Восстановить мир лучше прежнего» (*Build Back Better World*) – «основанного на ценностях, высококлассного и прозрачного инфраструктурного партнёрства, возглавляемого основными демократическими странами». С «Инфраструктурным планом» Байдена данный проект сближает, в частности, то обстоятельство, что упор делается не только на объекты физической инфраструктуры, но и на «климатическую справедливость», здравоохранение, гендерное и социальное равенство. Попутно, впрочем, ставится более утилитарная задача – продемонстрировать конкурентоспособность США за рубежом на тех направлениях, где сейчас присутствует КНР. Впрочем, по мнению китайских СМИ, «Инфраструктурный план» Байдена не что иное как «слабая имитация» (*feeble imitation*) достижений КНР, а его принятие не решает проблему конкуренции США с Китаем в сфере масштабных инфраструктурных проектов.

Показательно, что Вашингтон не торопится приступить к второй фазе торговых переговоров с Пекином. И, хотя Байден не склонен педалировать проблему диспаритета в двусторонней торговле с Китаем, Министерство торговли США не забывает напоминать своему торговому конкуренту о невыполнении им данных Трампу обещаний в части увеличения закупок американских товаров, ставших одним из условий достижения торгового перемирия.

Белый дом неоднократно заявлял о своём намерении жёстко отвечать на действия «автократических стран с нерыночной экономикой» и возложил на КПК КНР «ответственность за агрессию по отношению к своим соседям и злоупотребления внутри страны». Продолжаются обвинения в применении Китаем политики «инновационного меркантилизма», инвестиций влияния, а также нарушениях прав человека «на уровне, невиданном со времён холодной войны». Указано, что все новые торговые договорённости с Пекином должны содержать требования о соблюдении трудовых и экологических норм и исключать риски использования принудительного труда при производстве продукции на экспорт. Администрацией Байдена уже вводились ограничения на ввоз поликристаллического кремния (применяется при производстве солнечных панелей) из Синьцзяна, якобы изготавливаемого с применением принудительного труда. Ранее администрация Трампа также вводила под аналогичным предлогом запреты на импорт товаров из этого региона, однако они касались не высокотехнологичных позиций, а лишь хлопка и томатов.

Усиливается давление на Китай с целью вынудить эту страну ускорить болезненный для неё переход с углеводородных источников энергии на ВИЭ и заставить эту страну начать сокращать выбросы уже в 2025 г., на пять лет раньше первоначально заявленного Пекином срока. Главным объектом критики со стороны США остаётся гипертрофированная зависимость электроэнергетики КНР от угля. Не принимается во внимание даже тот факт, что большинство постро-

енных за последние годы в этой стране электростанций используют инновационные технологии сокращения выбросов. Во многом под давлением Вашингтона Пекин был вынужден принять обязательство не «передавать углеродное загрязнение на аутсорсинг» – максимально сократить объёмы строительства и финансирования угольных электростанций в странах третьего мира. Одновременно, совместно с Брюсселем, формируется механизм «зелёного» финансирования «более экологичных проектов» для развивающихся стран в качестве альтернативы «дипломатии долговых ловушек» Пекина.

ПРИОРИТЕТЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА

Конкуренция Китая в сфере технологий заявлена администрацией Байдена в качестве важного императива национальной безопасности, «вызывающего наибольшую озабоченность». «Ставки огромны. Если мы не будем инвестировать сейчас в исследования, разработку и производство технологий будущего, мы рискуем отстать в гонке с Китаем и другими глобальными конкурентами, подвергая риску рабочие места в США, интеллектуальную собственность и национальную безопасность», – предупреждает в этой связи сенатор Шумер [11].

Объективные основания для этого действительно присутствуют. В среднем за 2000–2017 гг. расходы на НИОКР росли в США на 4,3% в год против 17% для Китая. Опережая Китай по накопленному фонду инфраструктуры в отраслях высоких технологий, США катастрофически отстают от своего главного соперника по темпам её модернизации. Преодолеть сложившийся разрыв планируется, в том числе, за счёт существенного наращивания затрат на научные исследования, в особенности в государственном секторе.

Одобрённый Сенатом всеобъемлющий законопроект «Об инновациях и конкуренции» (*The United States Innovation and Competition Act*) содержит положение об ассигновании 195 млрд долл. на НИОКР по 10 приоритетным направлениям, на которых позиции КНР особенно сильны: искусственный интеллект, квантовые вычисления, робототехника, беспроводная связь, информационные технологии и т.д. [12] Конечной целью другого, рассматриваемого сейчас в Конгрессе США законопроекта «Обеспечение американского лидерства в науке и технологиях» (*Securing American Leadership in Science and Technology Act*) ставится расширить технологический отрыв от КНР [13]. В числе предлагаемых мер по стимулированию инноваций значатся увеличение финансирования Национального научного фонда (фундаментальные исследования) и укрепление инфраструктуры исследовательских лабораторий Министерства энергетики (прикладные направления НИОКР).

В рамках Группы семи (G7) Вашингтон обязался усилить контроль за оборотом технологий, которые могут быть использованы ВПК Китая. Разрабатывается и внедряется комплекс мер, имеющих целью ещё сильнее затруднить доступ китайским компаниям к технологиям не только США, но и стран Евросоюза. Существенно расширен чёрный список компаний КНР, «подрывающих без-

опасность или демократические ценности» США, в сферах телекоммуникаций, микроэлектроники и авиатехники. Действует запрет американским инвесторам вкладывать средства в предприятия, поставляющие продукцию для оборонного комплекса КНР.

Как и во времена Трампа, под особым контролем находятся лидер по технологии мобильной связи пятого поколения (5G) – компания «Хуавей» (*Huawei*) и «Семикондактор меньюфекчуринг интернэшнл корп.» (*Semiconductor Manufacturing International Corporation – SMIC*) – ведущий китайский производитель микросхем. Однако, в отличие от своего предшественника, Байден предпочитает преследовать не отдельные корпорации, а концентрироваться на целых технологических кластерах. Так, отменив в качестве миролюбивого жеста, введенные Трампом ограничения против информационных приложений «Ви Чэт» (*WeChat*), «Тик Ток» (*TikTok*) и «Алипэй» (*Alipay*), президент США издал распоряжение, предписывающее провести расследование в отношении всех такого рода приложений, которые теоретически могут быть использованы предприятиями ВПК или разведывательными службами КНР [14]. В расчёте на будущее, разрабатываются новые санкции против китайских конкурентов в сферах кибербезопасности, космических, ядерных технологий и беспилотных систем.

Отдельное внимание уделяется вопросу чрезмерной зависимости национального производства США от поставок из КНР стратегического сырья, материалов, комплектующих и оборудования, особенно для здравоохранения, продовольственного, информационно-коммуникационного комплексов и ТЭК. Федеральным ведомствам США предписано решить в короткие сроки проблему обеспечения страны редкоземельными металлами и изыскать возможности для увеличения национального производства других критических для национальной безопасности категорий товаров, таких как фармацевтика и автомобильные аккумуляторы. «Мы не должны полагаться на другие государства, особенно те, которые не разделяют наши интересы, наши ценности, чтобы защитить и обеспечить наш народ во время чрезвычайной ситуации в стране», – пояснил Байден при подписании указа о стабилизации цепочек снабжения [20]. Между тем, именно Китай выпускает около половины всех электромобилей, 98% электробусов и три четверти литий-ионных аккумуляторов в мире, а также доминирует в производстве ветряных турбин, солнечных панелей (70% мирового производства) и поликристаллического кремния (80%), и вряд ли собирается добровольно уступить завоеванные позиции.

Хрупкость и уязвимость цепочек поставок с участием американских и китайских ТНК наглядно проявились в форме дефицита полупроводников на внутреннем рынке США, грозящего перерасти в хроническую проблему для американской экономики. Следствием сокращения поставок из азиатских стран явился длительный простой заводов по производству автомобилей, микросхем, нефтехимических и ряда других предприятий. Учитывая, что доля США в мировом производстве полупроводниковых приборов понизилась с 37% в 1990 г. до 12%, Вашингтон не готов допустить дальнейшего ослабления своих позиций на

этом направлении. Курс на мировое лидерство в производстве полупроводников был возведён американской администрацией в ранг особого приоритета, имеющего непосредственное отношение к проблемам национальной безопасности.

В 2021 г. был принят закон «О создании полезных стимулов для производства полупроводников для Америки» (*CHIPS for America Act*), инкопорированный в закон об ассигнованиях на нужды обороны на 2021 фин. г. [15]. Планируется удвоить или даже утроить мощности по производству микроэлектроники в стране за счёт инвестирования 52 млрд долл. в строительство современных производств для обеспечения потребностей ВПК, аэрокосмической, электронной и автомобильной промышленности. Корпорация «Интел» (*Intel*) объявила о намерении потратить 20 млрд долл. на создание двух предприятий по производству микросхем [16]. Обещана поддержка в размере 3 млрд долл. тайваньской компании *TSMC* в обмен на её согласие построить в США шесть предприятий по производству полупроводников с инвестициями 36 млрд долл. и отказ от поставок продукции для её крупнейшего партнёра – «Хуавей».

Впрочем, ориентир на сохранении конфронтационного курса по отношению к Китаю не вызывает энтузиазма в деловых кругах США. Обращается, в частности, внимание на тот факт, что компания «Хуавей», до того, как была внесена в чёрный список, тратила на закупки у американских компаний около 12 млрд долл. ежегодно, что способствовало созданию в США 40 тыс. рабочих мест. Отмечается, что подобные непродуманные действия могут подтолкнуть Китай «стать снова великим» или создать «момент спутника» для китайских инновационных корпораций. Не случайно американский суд приостановил решение правительства о внесении другого лидера отрасли – «Сяоми» (*Xiaomi*) в список для мониторинга, объявив причиной отказа возможный потенциальный ущерб для американского ВПК.

К тому же Китай достаточно эффективно совершенствует правовые инструменты для ответных мер. В частности, принят закон, предоставляющий правительству этой страны право подавать иски с требованием компенсации за убытки, понесённые в результате дискриминационных ограничительных мер [17]. Объявлено о планах инвестировать в 2020–2025 гг. 1,4 трлн долл. в высокотехнологичную инфраструктуру – от искусственного интеллекта до широкополосного интернета и высокоскоростных железных дорог. Важно также, что в противовес Вашингтону правительство КНР обозначило в качестве ключевых для инвестиций в китайскую экономику именно те направления развития инноваций, на которых американские фирмы намереваются лидировать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Модернизация инфраструктуры является необходимой предпосылкой для повышения международной конкурентоспособности американской экономики и укрепления позиции США в глобальной гонке инноваций. Вместе с тем, наличие

жёсткого противодействия планам Байдена безусловно осложнит процесс реализации одобренного Конгрессом двухпартийного «Инфраструктурного плана».

Предусмотренное планом Байдена искусственное форсирование энергоперехода, имеет целью сокращение существующего разрыва с Евросоюзом и Китаем в плане использования ВИЭ и выход на безуглеродную и безвыбросную траекторию развития электроэнергетики. В то же время проводимый Вашингтоном курс на постепенный отказ от углеводородов, может неблагоприятно отразиться на конкурентоспособности американских производителей и экспортёров не только энергоносителей, но и металлов, цемента, удобрений, пластмасс и даже продукции животноводства. Осложняются также возможности Вашингтона использовать экспорт углеводородов в качестве «мощного инструмента геополитического влияния» США.

«Доминирующей парадигмой» формирующейся внешнеэкономической доктрины Байдена остаётся соперничество с Китаем, преподносимое теперь Вашингтоном как часть более широкого противостояния «автократическим» режимам. «Инфраструктурный план» Байдена рассматривается при этом в качестве важного инструмента конкуренции с Пекином. Вместе с тем, вводимые Вашингтоном ограничения, в ряде случаев могут иметь непредсказуемые последствия в плане поощрения стремления Китая к большей технологической независимости.

Обвинения администрации Байдена в адрес КНР зачастую являются избыточными и односторонними, учитывая усилия этой страны по декарбонизации экономики, а также принимая во внимание тот факт, что по выбросам CO₂ сами США занимают второе место в мире – непосредственно после Китая. Противодействие изменениям климата не должно также служить оправданием для восстановления или сохранения таможенных барьеров или проведения агрессивного внешнеполитического курса в отношении торговых конкурентов.

Известно, что Байден заявлял о стремлении к «практическому, ориентированному на результат, взаимодействию с Китаем» в тех случаях, «когда это отвечает интересам США и их союзников». Так что, принимая во внимание взаимозависимость экономик этих стран, можно ожидать появление отдельных точек взаимодействия, в том числе по климатической повестке и в возобновляемой энергетике. Вместе с тем, следствием раскола в американском истеблишменте может стать появление новых поводов для усиления конфронтации между США и КНР.

ИСТОЧНИКИ

1. Carey L. The American Jobs Plan Gets Serious about Infrastructure and Climate Change. CSIS. Washington, DC, April 2, 2021. Available at: <https://www.csis.org/analysis/american-jobs-plan-gets-serious-about-infrastructure-and-climate-change> (accessed: 20.09.2021).
2. Wald E. Oil and Gas Exports Give The US a Strategic Geopolitical Tool. *The Hill*, June 28, 2021. Available at: <https://thehill.com/opinion/energy-environment/560125-oil-and-gas-exports-give-the-us-a-strategic-geopolitical-tool> (accessed: 20.09.2021).

3. Castronuovo C. Company Behind Keystone XL Seeks \$15B in Damages from US. *The Hill*, April 7, 2021. Available at: <https://thehill.com/policy/energy-environment/561535-company-behind-keystone-xl-seeks-15b-in-damages-from-us> (accessed: 20.09.2021).

4. Blinken A. Tackling the Crisis and Seizing the Opportunity: America's Global Climate Leadership. Annapolis, MD, April 19, 2021. Available at: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-remarks-to-the-chesapeake-bay-foundation-tackling-the-crisis-and-seizing-the-opportunity-americas-global-climate-leadership/> (accessed: 20.09.2021).

5. Burgoyne-Allen P. Biden's Electric School Bus Deal Is an Important First Step - But Falls Short. *The Hill*, June 28, 2021. Available at: <https://thehill.com/opinion/energy-environment/560612-bidens-electric-school-bus-deal-is-an-important-first-step-but> (accessed: 01.02.2021).

6. Lefebvre B. ExxonMobil's Climate Pitch to Biden: A \$100B Carbon Project That Greens Hate. *Politico*, April 19, 2021. Available at: <https://www.politico.com/cdn.ampproject.org/c/s/www.politico.com/amp/news/2021/04/19/exxonmobils-carbon-project-biden-483253> (accessed: 20.09.2021).

7. Zumbun J. U.S. Tariffs Drive Drop in Chinese Imports. *The Wall Street Journal*, May 12, 2021. Available at: <https://www.wsj.com/articles/u-s-tariffs-drive-drop-in-chinese-imports-11620811802> (accessed: 20.09.2021).

8. Gangitano A. White House: Biden Is Invested in Electric Vehicles Because That's the Future of the Auto Industry. *The Hill*, May 18, 2021. Available at: <https://thehill.com/homenews/administration/554096-white-house-biden-is-invested-in-electric-vehicles-because-thats-the> (accessed: 20.09.2021).

9. Atkinson R. What Is Chinese "Innovation Mercantilism" and How Should the UK and Allies Respond? ITIF. Washington, DC, June 28, 2021. Available at: <https://itif.org/publications/2021/06/28/what-chinese-innovation-mercantilism-and-how-should-uk-and-allies-respond> (accessed: 20.09.2021).

10. Scott M. and Barigazzi J. US and Europe to Forge Tech Alliance Amid China's Rise. *Politico*, June 9, 2021. Available at: <https://www.politico.eu/article/eu-us-trade-tech-council-joe-biden-china/> (accessed: 20.09.2021).

11. With The Finish Line in Sight, Schumer Leads Bipartisan Plan to Bolster Western New York's Tech Economy & Preserve U.S. Innovation and Leadership in The 21st Century. Washington, DC, June 2, 2021. Available at: <https://www.schumer.senate.gov/newsroom/press-releases/with-the-finish-line-in-sight-schumer-leads-bipartisan-plan-to-bolster-western-new-yorks-tech-economy-and-preserve-us-innovation-and-leadership-in-the-21st-century-schumer-plan-includes-historic-investment-in-technology-hubs-domestic-manufacturing-and-rd-jobs-putting-wny-on-the-frontlines-of-the-global-tech-race> (accessed: 20.09.2021).

12. Lohman W. The United States Innovation and Competition Act. The Heritage Foundation. Washington, DC, May 19, 2021. Available at: <https://www.heritage.org/asia/report/the-united-states-innovation-and-competition-act> (accessed: 20.05.2021)

13. China Bill Delayed in US House of Representatives as Republicans and Democrats Trade Barbs. *South China Morning Post*, July 3, 2021. Available at:

<https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3139704/china-bill-delayed-us-house-representatives-republicans-and> (accessed: 20.09.2021).

14. McKinnon J., Leary A. Trump's TikTok, WeChat Actions Targeting China Revoked by Biden. *The Wall Street Journal*, June 9, 2021. Available at: https://www.wsj.com/articles/biden-revokes-trump-actions-targeting-tiktok-wechat-11623247225?mod=hp_listb_pos2 (accessed: 20.09.2021).

15. Adler D., Atkinson R., Bartles D. a.o. Next Steps for Ensuring America's Advanced Technology Preeminence. ITIF, Washington, DC, April 12, 2021. Available at: <https://itif.org/publications/2021/04/12/next-steps-ensuring-americas-advanced-technology-preeminence> (accessed: 20.09.2021).

16. Edgerton A. and Wu D. U.S. Chips Act Shouldn't Favor Certain Sectors, Tech Groups Warn. *Bloomberg*, April 14, 2021. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-04-14/u-s-chips-act-shouldn-t-favor-certain-sectors-tech-groups-warn?srnd=premium-europe> (accessed: 20.09.2021).

17. How China Is Trying to Fight Back Against Sanctions. *Bloomberg*, June 26, 2021. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-06-29/how-china-is-trying-to-fight-back-against-sanctions-quicktake?srnd=premium-europe> (accessed: 20.09.2021).

18. Updated Fact Sheet: Bipartisan Infrastructure Investment and Jobs Act. The White House, Washington, DC, August 2, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/08/02/updated-fact-sheet-bipartisan-infrastructure-investment-and-jobs-act/> (accessed: 20.09.2021).

19. Bolton A. CBO Says Bipartisan Infrastructure Bill Would Add \$256B to Deficit Over 10 Years. *The Hill*, August 5, 2021. Available at: <https://thehill.com/homenews/senate/566590-cbo-says-infrastructure-bill-would-add-256-billion-to-deficit-over-10-years> (accessed: 20.09.2021).

20. Remarks by President Biden at Signing of an Executive Order on Supply Chains. The White House, Washington, DC, February 24, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/24/remarks-by-president-biden-at-signing-of-an-executive-order-on-supply-chains/> (accessed: 20.09.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДМИТРИЕВ Сергей Сергеевич, Сергей S. DMITRIEV, Cand. Science кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН РФ. (Economy), leading researcher of IMEMO RAS.

23 Profsoyuznaya st., 1177997 Moscow, Russian Federation

Российская Федерация, 1177997 Москва, ул. Профсоюзная 23.

Поступила в редакцию / Received 11.08.2021.

Поступила после рецензирования / Revised 21.08.2021.

Принята к публикации / Accepted 23.08.2021.

УДК 329.73

DOI: 10.31857/S268667300017546-0

Идеиные истоки движения «Жизни чёрных имеют значение»

Д.Н. Воробьев

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН)

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер. 2/3

ORCID: 0000-0002-3585-620X

e-mail: worobjowdmitrij@gmail.com

Резюме: В статье рассматривается идеология афроамериканского движения «Жизни чёрных имеют значение», оказывающего большое воздействие на современную общественную жизнь США, проанализированы основные пункты программы движения, созданной под влиянием идей социализма и чёрного национализма и направленной на радикальную трансформацию американского сообщества. В целях изучения идейной преемственности между афроамериканскими общественными движениями, в статье проводится сравнение движения «Жизни чёрных имеют значение» с движением за гражданские права чернокожих в США 1950–1960-х годов, а также с радикальным движением «Власть чёрных», наиболее влиятельным представителем которого была партия «Чёрные пантеры», пик популярности которой пришёлся на конец 1960-х – начало 1970-х годов. Особое внимание уделяется рассмотрению основ идеологии революционного национализма «Чёрных пантер», а также её влиянию на фундаментальные принципы движения «Жизни чёрных имеют значение».

Ключевые слова: движение «Жизни чёрных имеют значение», межрасовые отношения в США, институциональный расизм, движение «Власть чёрных», партия «Чёрные пантеры», движение за гражданские права чернокожих в США

Для цитирования: Воробьев Д.Н. Идеиные истоки движения «Жизни чёрных имеют значение». *США & Канада: экономика, политика, культура* 2021; 51(12):101-114.
DOI: 10.31857/S268667300017546-0

Благодарности: Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Ideological Origins of the Black Lives Matter Movement

Dmitry N. Vorobyev

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences

2/3, Khleby per., Moscow, 121069 Russian Federation

ORCID: 0000-0002-3585-620X

e-mail: worobjowdmitrij@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the consideration of the ideology of the African American movement Black Lives Matters, which has a great impact on the modern public life in the United States. The paper analyzes the main points of the program of this movement, created

under the influence of the ideas of socialism and black nationalism and aimed at a radical transformation of the American community. In order to explore the ideological continuity between African American social movements, the article compares the Black Lives Matters movement with the Black Civil Rights movement in the United States of the 1950s and 1960s, as well as the radical Black Power movement, the most influential representative of which was the Black Panther Party organization, which peaked in popularity in the late 1960s - early 1970s. Particular attention is paid to the consideration of the foundations of the Black Panthers' ideology of revolutionary nationalism, as well as its impact on the fundamental principles of the Black Lives Matter movement.

Keywords: Black Lives Matters movement, race relations in the USA, institutional racism, Black Power movement, Black Panther Party, Black civil rights movement in the United States

For citation: Vorobyev D.N. Ideological origins of the Black Lives Matters movement. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture* 2021; 51(12): 101-114.

DOI: 10.31857/S268667300017546-0

Acknowledgement: The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

ВВЕДЕНИЕ

В наше время сложно найти человека, который хотя бы раз не слышал лозунг «Жизни чёрных имеют значение», причем это касается не только стран Запада, где одноимённое движение не сходит с новостных лент на протяжении последних лет, но и расположенной вдали от арены этих событий России. Деятельность движения «Жизни чёрных имеют значение» (*Black Lives Matter Movement*) вызывает жаркие споры по всему миру, а оценка его деятельности чаще всего имеет две полярные точки зрения – от сугубо положительной до крайне отрицательной.

В то время как в российском медийном пространстве движение «Жизни чёрных имеют значение» ассоциируется, в первую очередь, с противостоянием чернокожего населения существующей в Соединённых Штатах системе охраны общественного порядка, в особенности полиции, на деле сфера деятельности движения намного шире. Как и прочие новые социальные движения нашего времени «Жизни чёрных имеют значение» уделяет внимание проблемам самого разного спектра: гендерное равенство, права ЛГБТ, иммиграция, экология, экономическое неравенство, межрасовые отношения и т.д. При этом движение рассматривает эти проблемы, сугубо с точки зрения их влияния на чернокожее население не только США, но и других стран. В результате идеология движения «Жизни чёрных имеют значение» представляет собой необычный синтез современных идейных тенденций, свойственных левому и прогрессивному движению США, а также наследия афроамериканских общественных движений второй половины XX века.

ФОРМИРОВАНИЕ ДВИЖЕНИЯ

Лозунг «Жизни чёрных имеют значение», авторами которого были три активистки-афроамериканки Опол Томети, Алисия Гарза и Патрис Калорс, появился в качестве хэштега в социальных сетях в 2013 г. в ответ на оправдательный приговор патрульного – добровольца Джорджа Циммермана, застрелившего безоружного чернокожего подростка Трейвона Мартина во время потасовки. Звучная фраза быстро набрала популярность в интернете, стала широко использоваться в протестных акциях, в первую очередь, против полицейского насилия [Покудов З.В., 2020: 77]. В том же году создательницы лозунга основали сетевую организацию «Жизни чёрных имеют значение» (*Black Lives Matter Network*), которая в скором времени обзавелась ячейками во всех штатах. Спустя год было заявлено о формировании объединения «Движение за жизни чёрных» (*Movement for Black Lives, M4BL*) – коалиции из более чем 50 организаций по всей стране, специализирующихся на проблемах чернокожего населения. Ведущее место среди входящих в «Движение за жизни чёрных», заняла сетевая организация «Жизни чёрных имеют значение», которая объявила в 2017 г. о преобразовании в фонд глобальной сети «Жизни чёрных имеют значение» (*Black Lives Matter Global Network Foundation*), чтобы подчеркнуть международный характер своей деятельности. За общественным движением, объединяющим разнообразные организации, аффилированные с фондом глобальной сети «Жизни чёрных имеют значение» и объединением «Движение за жизни чёрных», закрепилось название «Жизни чёрных имеют значение», связанное с их главным лозунгом.

Популяризация движения произошла в период президентства Дональда Трампа, противники которого регулярно обвиняли главу Белого дома в расизме. Движение играло активную роль в протестных акциях в августе 2017 г. в г. Шарлотсвилл, штат Вирджиния, где произошли столкновения между сторонниками и противниками демонтажа статуи генерала армии Конфедерации Роберта Ли. Однако настоящим звездным часом движения стали массовые протесты, вызванные смертью афроамериканца Флойда Джорджа, погибшего во время задержания полицией 25 мая 2020 г. От 15 млн до 26 млн человек приняли участие в 4 700 демонстрациях в течение лета по всей стране, что стало крупнейшим проявлением протеста в истории США [2]. В центре внимания протестующих, в авангарде которых были представители движения «Жизни чёрных имеют значение», оказались проблемы расизма и полицейского насилия. На фоне протестов о своей поддержке движения впервые заявили почти две трети американских избирателей, включая 86% чернокожих и 60% белых респондентов [1].

В то же время избрание демократа Джозефа Байдена президентом США, возвращение эпидемии COVID-19 в центр внимания внутренних событий вместо проблемы межрасовых отношений, а также серьёзные коррупционные скандалы, в которых оказалось замешано руководство фонда глобальной сети «Жизни чёрных имеют значение», привели к резкому падению популярности одноименного движения среди населения Соединённых Штатов: в сентябре 2021 г. о

его поддержке заявляло лишь 45% респондентов, включая 83% чернокожих и только 36% белых американцев [5]. Отсутствие финансовой прозрачности также привело к тому, что в 2020 г. из фонда глобальной сети вышли организации, недовольные незначительным выделением средств филиалам на фоне гигантских сумм пожертвований: только американские корпорации перевели афроамериканскому движению в 2020 г. более 1,5 млрд долл. [4]. Несмотря на это, «Жизни чёрных имеют значение» продолжает оставаться наиболее влиятельным общественным движением по борьбе с расизмом не только в США, но и во многих других странах Запада, например в Великобритании и Бельгии.

ПРОГРАММА ДВИЖЕНИЯ

Движение «Жизни чёрных имеют значение» изначально имело децентрализованный характер, а входящие в него организации часто фокусируются на решении какой-либо конкретной проблемы – например, реформе полиции, хотя в последнее время руководство фонда глобальной сети пытается усилить централизацию для улучшения координации действий её филиалов сверху. В то же время на сайте объединения «Движение за жизни чёрных» имеется общая программа, которая должна разделяться входящими в данное объединение организациями. Платформа подразумевает достижение ряда пунктов, способных привести к значительному улучшению политического и социально-экономического положения афроамериканского сообщества в США, рассматриваемого в качестве наиболее дискриминируемой группы населения страны [10]:

1. «Прекращение войны против чёрного сообщества» подразумевает резкое снижение финансирования полиции, «систематически угрожающей безопасности чернокожего населения», отмену уголовной ответственности для лиц младше 23 лет, а также смертной казни, мораторий на строительство новых тюрем с последующим закрытием всех мест заключения, «используемых в карательных целях», амнистию всех чернокожих нелегальных мигрантов в США. Исходя из теории интерсекциональности, движение призывает к защите прав таких дискриминируемых групп чернокожего населения, как женщины, представители ЛГБТ и инвалиды, положение которых осложняется принадлежностью к угнетаемой расе;

2. «Многовекторное инвестирование» требует перераспределения средств от правоохранительных органов и ВПК в пользу инвестиций в образование, здравоохранение, а также различные социальные программы для чернокожего населения. «Жизни чёрных имеют значение» выступает за «справедливое универсальное медицинское обслуживание» всех лиц, проживающих в США, включая право на бесплатный легальный аборт или трансгендерный переход. Движение также добивается повсеместного введения бесплатной системы образования, которая «учитывает материальные и культурные потребности учащихся», а также запрет на «необоснованный обыск или арест учащихся». «Жизни чёрных имеют значение» крайне негативно относится к существующим учебным программам государственных школ за неверную трактовку политических, экономических и социаль-

ных последствий колониализма и рабства. Наконец, движение имеет и экологическое требование по отказу от использования ископаемого топлива в пользу инвестиций в создание системы экологически чистой устойчивой энергетики;

3. «Репарации за период колониализма, рабства, расизма, а также нынешнее угнетение чёрного населения». Компенсацией за «систематический отказ в доступе к качественному образованию» должно стать право чернокожих учащихся на бесплатный приём в государственные колледжи и университеты, на свободный доступ к различным программам поддержки образования, а также амнистию по существующим студенческим ссудам. Движение также требует введения гарантированного минимального дохода для чернокожего населения в качестве «возмещения богатств, извлечённых из источников чёрного сообщества посредством экологического расизма, рабства, продовольственного апартеида, жилищной дискриминации и расового капитализма в форме корпоративных и государственных репараций, направленных на исцеление текущих физических и психических травм». В свою очередь, на законодательном уровне должны быть приняты законы о признании долговременных последствий рабства, а также мерах по устранению этих последствий;

4. «Экономическое правосудие» подразумевает систему перераспределения богатств с широкой программой государственной поддержки профсоюзов чернокожих работников, а также предприятий, принадлежащих афроамериканцам. Движение требует восстановить действие банковского закона Гласса – Стиголла 1933 года и разукрупнить американские банки для создания банков и малых кредитных организаций под контролем чёрного сообщества США. Финансовая политика государства должна озаботиться предоставлением низкопроцентных и беспроцентных ссуд для развития афроамериканских продовольственных, жилищных и прочих кооперативов;

5. «Общественный контроль» означает:

- введение прямого демократического контроля за правоохранительными органами всех уровней, включая право общин контролировать их бюджет, самостоятельно нанимать и увольнять сотрудников правопорядка и определять дисциплинарные меры в их отношении;

- реальное влияние родителей, учащихся и прочих членов сообщества на систему школьного образования через систему демократических школьных советов, контролирующую учебную программу, дисциплинарную политику, наём и увольнение сотрудников данной сферы;

- участие населения в составлении бюджета всех уровней для гарантии учёта интересов афроамериканского общества.

Таким образом, программа движения «Жизни чёрных имеют значение», призывающая к радикальной трансформации всех сфер жизни населения США, включает в себя множество различных мер левого толка, в том числе антикапиталистического характера. Свою главную задачу движение видит в уничтожении пронизывающей все общественные институты Соединённых Штатов системы исторически сложившегося институционального расизма, который ставит

белых людей в привилегированное положение в ущерб чернокожему населению. Фактически, идеология «Жизни чёрных имеют значение» представляет собой сплав социализма и чёрного национализма, что не является новшеством для афроамериканских движений.

ДВИЖЕНИЕ «ЖИЗНИ ЧЁРНЫХ ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЕ» И ДВИЖЕНИЕ ЗА ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА ЧЕРНОКОЖИХ В США (1950-1960-е годы)

Между движением «Жизни чёрных имеют значение» и движением за гражданские права чернокожих в США середины XX века можно найти сходства в тактике и мерах по достижению целей:

1. Использование массовых протестных акций, в качестве главной меры по давлению на властные структуры;
2. Ставка на ведущую роль федеральных властей в решении поставленных движением задач. Федеральные власти вынуждены реагировать на проблемы, постоянно находящиеся в центре общественного внимания;
3. Участие представителей движения в выборах во властные органы разного уровня в рамках существующей политической системы;
4. Наличие союзников среди белых активистов и крупных правозащитных организаций и фондов, оказывающих и весомую финансовую помощь.

В то же время ряд различий между двумя движениями не позволяет назвать «Жизни чёрных имеют значение» идейным наследником движения за гражданские права чернокожих середины XX века:

1. У движения за гражданские права чернокожих в США в 1950–1960-е годы был яркий лидер – Мартин Лютер Кинг, который был президентом правозащитной организации «Конференция христианских лидеров Юга» (*Southern Christian Leadership Conference*). «Жизни чёрных имеют значение» остаются децентрализованным движением с высоким уровнем самостоятельности входящих в него организаций. Более того местные лидеры, например, ДеРэй Маккенсон из Балтимора, нередко пользуются большим авторитетом у местных активистов, чем основатели и руководители движения;
2. Ненасильственный протест являлся краеугольным камнем философии движения за гражданские права чернокожих середины XX века, а сам Кинг, будучи священником, призывал своих сторонников «возлюбить своих врагов» [7]. Активисты движения проходили долгие и изнурительные тренинги, на которых их учили сдерживать эмоции даже в самых стрессовых ситуациях. Несмотря на то, что руководители движения «Жизни чёрных имеют значение» всё время отмечают, что придерживаются стратегии мирного протеста, митинги его сторонников нередко перерастают в жёсткие столкновения с полицией, случаи мародёрства и вандализма, что отчётливее всего проявилось во время летних протестов 2020 года. Движение регулярно обвиняют в разжигании вражды по отношению к полиции США, по причине того, что не акцентирует внимание на

случаи, оправдывающие применение оружия сотрудниками правоохранительных органов [Tillery A.B., 2019: 315]. На фоне масштабных протестных акций активистов «Жизни чёрных имеют значение» в июле 2016 г. произошла целая серия массовых убийств сотрудников полиции чернокожими радикалами;

3. Ошибочно считается, что Мартин Лютер Кинг поднимал вопрос о репарациях чернокожему населению, что является одним из главных пунктов программы движения «Жизни чёрных имеют значение». В интервью 1965 г. лидер движения за гражданские права заявил о праве всех американцев, находившихся в неблагоприятном социальном положении, на компенсацию за исторические ошибки страны. По мнению Кинга, одна лишь отмена сегрегации и прочих расистских законов не могла мгновенно привести к ликвидации разрыва в благополучии чернокожего и белого населения. В качестве компенсации он предлагал продолжить масштабную программу «войны с бедностью», начатую президентом Линдоном Джонсоном и остановленную им в связи с войной во Вьетнаме. Кинг был уверен, что прекращение войны позволит продолжить курс на социальные преобразования, что привело бы к улучшению жизни всех обездоленных вне зависимости от цвета кожи [Washington J.M., 1991: 366-368]. Именно война с бедностью, которую Кинг называл одной из трёх главных зол мира наряду с расизмом и войной, должна была составить второй этап деятельности движения за гражданские права. Уже после гибели Кинга прошёл марш бедняков на Вашингтон в апреле 1968 г., участники которого требовали от властей принять меры, чтобы сократить уровень бедности среди представителей всех рас, населяющих США [Mantler G.K., 2013: 5];

4. Движение за гражданские права чернокожих середины XX века не придерживалось идей панафриканизма, оно фокусировалось исключительно на улучшении положения чёрного сообщества США, в то время как «Жизни чёрных имеют значение» ставят перед собой задачу борьбы с угнетением чернокожего населения во всём мире;

5. Борцы за гражданское равноправие во главе с Кингом ставили задачу распространить действие Конституции США на все группы граждан страны вне зависимости от расы. Таким образом, Кинг, не поддерживая идеи чёрного национализма, призывал к полной интеграции чернокожего населения в существующую систему общественных институтов, чему мешали такие явления, как расовая сегрегация или ограничение избирательных прав афроамериканцев на Юге США, не стремясь к её радикальной трансформации в духе левой идеологии, как того требует движение «Жизни чёрных имеют значение».

ВЛИЯНИЕ ИДЕОЛОГИИ ПАРТИИ «ЧЁРНЫЕ ПАНТЕРЫ» НА ДВИЖЕНИЕ «ЖИЗНИ ЧЁРНЫХ ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЕ»

Как показывают современные опросы, именно идеи чёрного национализма, отсутствовавшие в программе движения за гражданские права 1950–1960-х годов, встречают наибольшее одобрение у афроамериканского сообщества в програм-

ме движения «Жизни чёрных имеют значение» [Bonilla T, Tillery A.B., 2020: 962]. Это обстоятельство указывает на большую степень родства современного афроамериканского движения с иной идейной силой, набравшей популярность во второй половине 1960-х годов среди чернокожих активистов США, в лице движения «Власть чёрных» (*Black Power Movement*). Чёрный национализм был идейной основой этого движения, на формирование которого оказали серьёзное влияние взгляды известного чернокожего общественного деятеля Малкольма Икса, критиковавшего методы мирного протеста Мартина Лютера Кинга, как недостаточно радикальные для значительного улучшения положения афроамериканского сообщества [Klehr H., 1988: 117].

Публично политический лозунг «власть чёрных!» впервые провозгласил лидер Студенческого координационного комитета ненасильственных действий (*Student Nonviolent Coordinating Committee*) Стокли Кармайклом на марше за право голоса в штате Миссисипи в июне 1966 г. Клич афроамериканского деятеля «мы хотим власть чёрных!» резко контрастировал со стандартным скандированием чернокожих борцов за гражданские права «мы хотим свободу!». После убийства Мартина Лютера Кинга, приведшего к массовым беспорядкам более чем в 100 городах США, Кармайкл заявил, что концепция ненасильственного сопротивления расизму показала свою несостоятельность, и призывал к началу партизанской войны чернокожего населения для достижения реальной политической власти. В рамках философии движения «Власть чёрных» Кармайкл выдвинул концепцию институционального расизма, который определял как коллективную неспособность организации предоставить людям надлежащие услуги из-за их цвета кожи, культуры или этнического происхождения. Институциональный расизм, по мнению афроамериканского деятеля, пронизывал все общественные институты США и меньше осуждался обществом по сравнению с открытыми формами расизма [Ture K., 1992: 63]. В 1968 г. Кармайкл на время стал «почётным премьером» политической и общественной организации партия «Чёрные пантеры» (*Black Panther Party*), созданной в 1966 г. в Окленде, штат Калифорния, молодыми чернокожими активистами Хьюи Ньютоном и Бобби Силом, разочаровавшимися в движении за гражданские права.

Помимо националистических идей Малкольма Икса и Стокли Кармайкла, вскоре изменившего имя на Кваме Туре и эмигрировавшего в Гвинею, на мировоззрение основателей «чёрных пантер» оказали серьёзное влияние социалистические взгляды другого чернокожего деятеля – революционера Франца Фанона. Будучи одним из вдохновителей движения новых левых в 1960-е годы, Фанон считал, что революционная борьба с колониализмом в странах третьего мира должна сопровождаться ответным насилием в отношении угнетателей, так как лишь через подобный «коллективный катарсис» угнетённые могут полностью освободиться от собственной неполноценности [Fanon F., 1966: 47].

«Чёрные пантеры», рассматривавшие афроамериканцев как колониальное население внутри США, также находились под влиянием идеологии китайского маоизма, отличавшегося от классического марксизма-ленинизма большей гибко-

стью и возможностью адаптации к условиям времени и разных регионов мира, что по мнению председателя КНР Мао Цзэдуна, должно было способствовать успеху международного революционного движения [Zedong M., 1968: 35]. Согласно теории «трёх миров» Мао Цзэдуна, мир времён холодной войны был разделён на три сферы: империалистический первый мир сверхдержав США и СССР, промежуточный второй мир, куда, например, входили Западная Европа, Канада и Япония, а также третий мир, к которому относились ранее колонизированные народы, включая Китай [6]. Тем самым КНР объявляла себя покровителем левых революционных сил «цветных» народов третьего мира в их борьбе с белыми угнетателями. Поддержка Китая распространялась и на левых радикалов западных стран, заявлявших о революционной борьбе против империализма и капитализма.

Соединить идеи маоизма и чёрного национализма попытался чернокожий общественный деятель Максвелл Стэнфорд-младший, известный как Мухаммад Ахмад, который после выхода из афроамериканского движения «Нация ислама» (*Nation of Islam*) основал в 1963 г. собственную организацию «Движение революционных сил» (*Revolutionary Action Movement*), активно сотрудничавшую в дальнейшем с партией «Чёрные пантеры». Ахмад заявил, что в случае США расовая эксплуатация превалировала над классовой, поэтому именно расизм был главной проблемой XX века. Для освобождения «чёрной колониальной Америки» от «белой американской империи» афроамериканские активисты должны были принять участие в международной революционной борьбе «цветных народов» под руководством Китая [Van Deburg W.L., 1996: 93]. Таким образом, противостояние рас заменяла собой классовую борьбу в США.

Основа идеологии революционного национализма «Чёрных пантер» заключалась в том, что афроамериканцы не могли добиться реального освобождения от расизма в условиях существовавшей политической и социально-экономической системы в США, для этого следовало уничтожить общество, основанное на капитализме, империализме, расизме и сексизме. Мир с белыми угнетателями под одной крышей невозможен, и «Чёрные пантеры» призывали к ведению афроамериканцами партизанской войны на территории США, которая должна была начаться после пробуждения революционного сознания у чернокожего населения. В то же время, будучи сторонниками права народов на самоопределение, «Чёрные пантеры» считали возможным создать собственное афроамериканское государство после победы мировой революции [Pickney A., 1979: 13].

«Чёрные пантеры» требовали ввести систему бесплатного образования и медицинского обслуживания, решить жилищную проблему чернокожего сообщества, а также освободить афроамериканцев от военной службы, чтобы прекратить гибель чернокожих мужчин «в войнах белого человека». В конце 1960-х годов организация вдохновившись призывом Мао Цзэдуна «служить людям», начала осуществлять социальные программы в бедных чёрных районах, включая оказание таких бесплатных услуг, как медицинская помощь, реабилитация алко- и наркозависимых, юридическая консультация, организация поездок родственников заключённых в места лишения свободы, а также бесплатные завтра-

ки для чернокожих детей из малообеспеченных семей в десяти городах страны [Bloom J., Waldo M.E. Jr., 2013: 315]. Идеи революционной борьбы регулярно пропагандировались на митингах, собраниях, на страницах партийной газеты «Чёрная пантера» (*The Black Panther*), а также путём продажи «Маленькой красной книжечки» – цитатника Мао Цзэдуна.

Особое внимание организация уделяла проблеме полицейского насилия, создавая группы вооружённой самообороны в чёрных кварталах в духе концепции Малкольма Икса. По словам лидера партии Ньютона, данная задумка заключалась в том, что вооружённые «Чёрные пантеры» следили за тем, чтобы полицейские не превышали свои законные полномочия [8]. В то же время мировоззрение организации было пропитано ненавистью к полиции, сотрудников которой именовали не иначе как «свиньи», а на первых страницах газеты «Чёрная пантера» можно было обнаружить рисунок с чернокожим мужчиной, перерезающим горло свиньи в полицейской форме.

Стоит отметить, что в организации было немало асоциальных элементов с криминальным менталитетом, включая безработную молодёжь из гетто и бывших заключённых. Члены организации далеко не всегда прибегали к насилию исключительно в целях «самообороны», употребляли наркотики, несмотря на строгий запрет своего руководства, были вовлечены в организацию проституции, а также заставляли мелких предпринимателей на подконтрольной им территории платить «дань уважения» [3].

Белая общественность США преимущественно отрицательно относилась к партии «Чёрные пантеры», считая её деятельность агрессивной и антиправительственной. Как и прочие представители движения «Власть чёрных», организация Ньютона и Сила стала целью контрразведывательной программы ФБР (*COINTELPRO*). Партия, которую разедали внутренние противоречия, доходившие до кровавых столкновений, значительно ослабла в результате постоянных полицейских рейдов против её членов в 1970-е годы. В то же время часть руководителей «Чёрных пантер» со временем отошла от непримиримой позиции противопоставления себя истеблишменту и стала участвовать в выборах по существующей политической системе: Бобби Сил баллотировался в мэры, а Элейн Браун – в городской совет Окленда, но оба проиграли, Элдридж Кливер в 1980-е годы и вовсе вступил в ряды Республиканской партии. Активная деятельность «Чёрных пантер» закончилась в середине 1970-х годов, ознаменовав закат и всего движения «Власть чёрных». Отказываясь от идей революционной борьбы, большинство афроамериканских общественных деятелей ставило задачу мирного прихода к власти посредством выборов в духе социал-демократии.

Наследие «Чёрных пантер» в современном афроамериканском сообществе остаётся огромным, оно проявляется не только посредством яркого образа членов данной организации, ставшего со временем частью поп-культуры США, но, в первую очередь, через идеологию. Большое влияние «Чёрных пантер» на движение «Жизни чёрных имеют значение» прослеживается в следующих аспектах:

1. *Панафриканизм*. «Чёрные пантеры» видели себя частью мирового революционного движения, которое должно было освободить всё чернокожее население мира от расового угнетения со стороны белых;

2. *Феминизм*. «Чёрные пантеры» стала первой афроамериканской организацией, поставившей борьбу с сексизмом, воспринимавшимся как результат белой гегемонии, в число своих приоритетных задач. Для изменения гендерного восприятия женщины среди чернокожего населения организация поддерживала образ женщины, как защитницы дома, семьи и общины равного по своей важности мужчине [Spencer R.C., 2008: 92]. В то же время, хотя женщины занимали видное место в управлении организацией, главными лидерами «Чёрных пантер» оставались мужчины;

3. *Институциональный расизм*. «Чёрные пантеры» верили, что чернокожее население США находилось в положении повсеместно дискриминируемой расы, закреплённом существующей системой общественных институтов в стране. Данный статус-кво, позволявший белым людям оставаться в качестве «эксплуататорского класса», сохранялся благодаря репрессивной машине во главе с полицией. Таким образом, борьба с полицией воспринималась как борьба с истеблишментом. Организация также требовала освободить всех афроамериканцев из мест заключения, так как они воспринимались как жертвы несправедливой расистской системы [9];

4. *Репарации*. Требование расплаты за приобретённое ранее за счёт рабского труда чёрных рабов экономическое благополучие белого населения, предложенное Малкольмом Иксом [Malcolm X, 1970: 67], было поддержано большинством организаций движения «Власть чёрных», включая партию «Чёрные пантеры». По мнению её руководства, репарации за узурпацию белыми богатств страны, было важным условием для прекращения межрасовой вражды и достижения социальной справедливости;

5. *Радикальная трансформация системы*. Улучшение положения афроамериканского сообщества, по мнению «Чёрных пантер», было возможно лишь в случае радикальных левых преобразований в социально-экономической и политической сферах и должно было привести к отказу от капиталистической системы, перераспределению богатств и утверждению реального общественного контроля над властью. Под воздействием культурной революции в Китае, руководители «Чёрных пантер» заявляли о необходимости идейных изменений в сознании чернокожего населения, в первую очередь, через систему образования, которая должна раскрыть «истинную природу упадочного американского общества» [9].

Таким образом, именно в мировоззрении организации партия «Чёрные пантеры», соединившей в себе принципы чёрного национализма и социализма, можно обнаружить идейные истоки современного афроамериканского движения «Жизни чёрных имеют значение».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Будучи ярким представителем новых социальных движений, организация «Жизни чёрных имеют значение» акцентирует внимание на широком спектре

проблем, рассматривая влияние каждой из них на чернокожее население не только в Соединённых Штатах, но и во всём мире. В отличие от движения за гражданские права чернокожих в США середины XX века, верившего в достижение расового равноправия через полную интеграцию чернокожего населения в американское сообщество, движение «Жизни чёрных имеют значение» считает, что лишь радикальные изменения во всех сферах общественной жизни могут ликвидировать привилегированное положение белых людей и покончить с системной дискриминацией афроамериканцев.

Программа движения «Жизни чёрных имеют значение» совмещает в себе принципы левой идеологии и чёрного национализма, что роднит его с деятельностью партии «Чёрные пантеры» – самого видного представителя радикального афроамериканского движения «Власть чёрных», популярного в 1960–1970-е годы. На концепцию революционного национализма «Чёрных пантер» оказали огромное влияние теоретические взгляды ряда афроамериканских общественных деятелей, таких как Малкольм Икс и Стокли Кармайл, чернокожего революционера и теоретика Франца Фанона, а также лидера КНР Мао Цзэдуна.

Идейная преемственность между партией «Чёрные пантеры» и движением «Жизни чёрные имеют значение» прослеживается в ряде основополагающих принципов: в приверженности панафриканизму и чёрному феминизму, убеждённости в существовании системы институционального расизма в США, в которой полиция наиболее подвержена данному явлению, в требовании широкого спектра социальных преобразований и радикальной трансформации всех сфер жизни в целях перераспределения благ в интересах чернокожего населения, включая выплату репараций за историческое расовое угнетение. В свою очередь, отказ от революционного пути прихода к власти, которого придерживались «Чёрные пантеры», так и оставшиеся маргинальной силой на политической сцене США, позволяет движению «Жизни чёрных имеют значение», пользующемуся активной поддержкой со стороны части американского истеблишмента, представленной левым крылом Демократической партии, обладать несравненно большими возможностями для реализации поставленных целей.

ИСТОЧНИКИ

1. Anderson M., Menasce-Horowitz J., Parker K. Amid Protests, Majorities Across Racial and Ethnic Groups Express Support for the Black Lives Matter Movement. 12.06.2020 // Pew Research Center. Available at: <https://www.pewsocialtrends.org/2020/06/12/amid-protests-majorities-across-racial-and-ethnic-groups-express-support-for-the-black-lives-matter-movement/> (accessed 25.06.2020).

2. Buchanan L., Bui Q., Patel J.K. Black Lives Matter May Be the Largest Movement in U.S. History // *The New York Times*. 03.07.2020. Available at: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/07/03/us/george-floyd-protests-crowd-size.html> (accessed 05.16.2021).

3. Crouch S. By Any Means Necessary // *The New York Times*. 10.09.2006. Available at: https://www.nytimes.com/2006/09/10/books/review/crouch.html?_r=0 (accessed 17.07.2021).
4. Cunningham W.M. Black Lives Matter: Corporate America Has Pledged \$1.678 Billion So Far // *The Black Enterprise*. 10.06.2020. Available at: <https://www.blackenterprise.com/black-lives-matter-corporate-america-has-pledged-1-678-billion-so-far/> (accessed 09.10.2020).
5. Do you support or oppose the Black Lives Matter movement? // Civiqs survey. Available at: https://civiqs.com/results/black_lives_matter?annotations=true&uncertainty=true&zoomIn=true (accessed 05.09.2021).
6. Editorial Department of Renmin Ribao (People's Daily). Chairman Mao's Theory of the Differentiation of the Three Worlds is a Major Contribution to Marxism-Leninism // *People's Daily*. 01.11.1977. Available at: <https://www.marxists.org/history/erol/ncm-5/theory-3-worlds/index.htm> (accessed 16.07.2021).
7. Loving Your Enemies, Sermon Delivered at the Detroit Council of Churches' Noon Lenten Services. 07.03.1961 // The Martin Luther King, Jr. Research and Education Institute. Available at: <https://kinginstitute.stanford.edu/king-papers/documents/loving-your-enemies-sermon-delivered-detroit-council-churches-noon-lenten> (accessed 02.04.2021)
8. Newton H.P. Panthers // *Ebony Magazine*. August 1969.
9. The Black Panther Party Ten-Point Program. 1966 // Blackpast. Available at: <https://www.blackpast.org/african-american-history/primary-documents-african-american-history/black-panther-party-ten-point-program-1966/> (accessed 22.07.2021)
10. Vision for Black Lives: Policy Platform // M4BL. Available at: <https://m4bl.org/policy-platforms/end-the-war-on-black-communities/> (accessed 05.12.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Покудов З.В. Барак Обама и расовый фактор в американской политике: движение «Жизни чёрных важны» // *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2020. 50 (9). С. 71-81. DOI: 10.31857/S268667300010264-0

REFERENCES

Bloom J, Waldo M. E. Jr., 2013. Black against Empire: The History and Politics of the Black Panther Party. N.Y.: University of California Press, – 568 p.

Bonilla T; Tillery A. B., 2020. Which Identity Frames Boost Support for and Mobilization in the #BlackLivesMatter Movement? An Experimental Test // *American Political Science Review*. Vol. 114. N. 4, pp. 947-962.

Fanon F., 1966. The Wretched of the Earth. Translated By Constance Farrington. N.Y.: Grove Press, – 320 p.

Klehr H., 1988. *Far Left of Center: The American Radical Left Today*. Piscataway: Transaction Publishers, – 210 p.

Malcolm X., 1970. *By Any Means Necessary: Speeches, Interviews, and a Letter by Malcolm X*. N.Y.: Pathfinder Press, – 184 p.

Mantler G. K., 2013. *Power to the Poor: Black-Brown Coalition and the Fight for Economic Justice, 1960-1974 (Justice, Power, and Politics)*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, – 376 p.

Pickney A., 1979. *Red, Black, and Green: Black Nationalism in the United States*. N.Y.: Cambridge University Press, – 272 p.

Pokudov Z.V., 2020. Barak Obama i rasovyi faktor v amerikanskoi politike: dvizhenie «Zhizni chernykh vazhny» [Barack Obama and issues of race in American politics: Black Lives Matter] (in Russ.). *USA & Canada: economics, politics, culture*. 50 (9), pp. 71-81. DOI: 10.31857/S268667300010264-0

Spencer R. C., 2008. Engendering the Black Freedom Struggle: Revolutionary Black Womanhood and the Black Panther Party in the Bay Area, California // *Journal of Women's History*. Vol. 20. N. 1, pp. 90-113.

Tillery A. B., 2019. What Kind of Movement is Black Lives Matter? The View from Twitter // *The Journal of Race, Ethnicity, and Politics*. Vol. 4, pp. 297-323.

Ture K., 1992. *Black Power: The Politics of Liberation in America*. N.Y.: Vintage Books, – 256 p.

Van Deburg W.L., 1996. *Modern Black Nationalism: From Marcus Garvey to Louis Farrakhan*. N.Y.: New York University Press, – 396 p.

Washington J. M., 1991. *A Testament of Hope: The Essential Writings and Speeches of Martin Luther King, Jr.* N.Y.: HarperCollins, – 676 p.

Zedong M., 1968. *Problems of Strategy in China's Revolutionary War*. Beijing: Foreign Languages Press, – 107 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВОРОБЬЁВ Дмитрий Николаевич, Dmitry N. VOROBYEV, Candidate of Sciences (History), Research Fellow, Department of Internal Political Studies, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences. 2/3, Хлебный пер., 2/3. Khlebny per., Moscow, 121069 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 30.09.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 10.10.2021.

Статья принята к публикации / Accepted 13.10.2021.

УДК 327+94(71).06

DOI: 10.31857/S268667300017547-1

Восьмые Канадские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете

Ю.Г. Акимов

Санкт-Петербургский государственный университет.

Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная, д.7–9

ORCID 0000-0002-2989-8868

e-mail: y.akimov@spbu.ru

К.В. Минкова

Санкт-Петербургский государственный университет.

Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная, д.7–9

ORCID 0000-0001-5833-6808

e-mail: k.minkova@spbu.ru

Резюме: В сообщении приводится информация о международной научной конференции Восьмые Канадские чтения, состоявшейся на факультете международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета 30 сентября – 1 октября 2021 г. Отмечается, что конференция показала рост интереса к канадской проблематике среди представителей академического сообщества российских регионов.

Ключевые слова: Россия, Канада, российско-канадские отношения, международная научная конференция

Для цитирования: Акимов Ю.Г., Минкова К.В. Восьмые Канадские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2021; 51(12):115–118. DOI: 10.31857/S268667300017547-1

Eighth Canadian Studies Conference at St. Petersburg State University

Yury G. Akimov

Saint-Petersburg State University,

7-9 Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-2989-8868

e-mail: y.akimov@spbu.ru

Kristina V. Minkova

Saint-Petersburg State University,

7-9 Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation. ORCID 0000-

ORCID: 0000-0001-5833-6808

e-mail: k.minkova@spbu.ru

Abstract: The article provides information about the 8th International Canadian Studies conference held on September 30 – October 1, 2021 at the School of International Relations of St. Petersburg State University. It is noted that the conference demonstrated an increase in interest in the Canadian Studies among the academics from the Russian regions.

Keywords: Russia, Canada, Arctic, Russian-Canadian relations, international scientific conference

For citation: Akimov Y.G., Minkova K.V. Eighth Canadian Studies Conference at St Petersburg State University. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2021; 51(12):115-118. DOI: 10.31857/S268667300017547-1

30 сентября – 1 октября 2021 г. в Санкт-Петербургском государственном университете прошла международная научная конференция – Восьмые Канадские чтения. Её организатором выступил Центр канадских исследований, созданный в начале 2020 г. по инициативе ректора СПбГУ Н.М. Кропачева. На чтениях обсуждался широкий круг вопросов, связанных с самыми различными аспектами прошлого и настоящего Страны кленового листа, её политики, экономики и культуры. В программу чтений были включены две специальные секции, посвящённые двум юбилейным датам – 80-летию начала Великой Отечественной войны и 90-летию принятия Вестминстерского статута. Также в рамках чтений состоялась презентация русского издания «Истории Канады» под редакцией Крейга Брауна – книги, увидевшей свет в июне этого года [История Канады, 2021]. Благодаря тому, что конференция проходила в основном в дистанционном формате, в презентации смогли принять участие два из трёх ныне живущих авторов этой книги – профессор Университета Британской Колумбии Грэм Уинн и канадский историк, журналист и блогер Кристофер Мур. Они поделились своими воспоминаниями о том, как создавалась работа, выдержавшая на сегодняшний день 25 изданий [Brown, 2012] и переведённая на несколько европейских языков. Научный редактор русского издания Ю.Г. Акимов рассказал о сложностях работы над русским переводом и подчеркнул важность появления в России столь масштабной переводной работы по канадской истории (первой со времен публикации трудов канадского историка-марксиста С.Б. Райерсона в 1960-е годы). Л.М. Троицкая, заочно участвовавшая в презентации, в своём обращении к участникам подчеркнула, что данная работа отличается комплексным подходом и будет востребована широкой читательской аудиторией.

Состав докладчиков, выступивших на конференции, показал, что интерес к канадским исследованиям в нашей стране не ослабевает. В-восьмых, Канадских чтениях приняли участие представители более двадцати различных институций: университетов, академических институтов, экспертных центров. Конференция собрала практически всех ведущих российских специалистов, изучающих Канаду.

Проведение Канадских чтений неизменно поддерживают дипломаты обеих стран: с приветствиями к участникам обратились советник-посланник Посольства Российской Федерации в Канаде В.А. Проскуряков и полномочный министр и советник Посольства Канады в Российской Федерации Энн Мэттсон Гаусс. В церемонии открытия приняли участие заместитель декана факультета международных отношений СПбГУ Д.Н. Барышников, директор Института США и Канады РАН В.Н. Гарбузов, заведующая кафедрой американских исследований СПбГУ Н.А. Цветкова, Президент Российского общества изучения Ка-

нады (РОИК) Т.Р. Кузьмина, Председатель совета директоров Канадской деловой ассоциации в России и Евразии Нейтан Хант, руководитель Татарстанского отделения РОИК, заместитель председателя Экспертного совета Комитета по экономике Государственного совета Республики Татарстан В.Г. Холоднов.

С российской стороны в конференции приняли участие сотрудники Института США и Канады РАН (Е.В. Израелян, А.Л. Демчук, Л.А. Немова, М.А. Никитенкова), Института всеобщей истории РАН (И.А. Агтеева), Института географии РАН (А.И. Ломакина), Российского совета по международным делам (Н.С. Вяхирева), Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (К.С. Романов, Т.В. Мазуркова), Российского государственного гуманитарного университета (Е.В. Исаева, А.Н. Комаров), Московского гуманитарного университета (Т.Ю. Забелина), Санкт-Петербургского государственного университета (Ю.Г. Акимов, А.И. Кубышкин, А.А. Сергунин, К.В. Минкова, Г.О. Ярыгин, Э.Е. Эльц, Д.С. Евстафьев, В.А. Сидоренко, А.Ю. Косова, Е.А. Горбунова, В.В. Тимофеев, Е.Р. Джемилева), Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права (Э.В. Бушуева). Большой интерес конференция вызвала у канадологов из российских регионов: в Чтениях приняли участие докладчики из Брянска (А.В. Федин), Владивостока (В.Е. Болдырев), Волгограда (И.А. Соков), Казани (В.Г. Холоднов, Ф.М. Нуриахметова), Ростова-на-Дону (Е.К. Склярова), Саратова (А.Н. Учаев), Тамбова (Н.Ю. Жуковская, Д.М. Покровская), Челябинска (В.В. Грудзинский, О.В. Ильина).

Тематика представленных на конференции докладов отличалась большим разнообразием. С интересом были заслушаны исторические доклады о междоусобицах в Новой Франции, о развитии системы здравоохранения в канадских городах, влиянии евангельского христианства на идеологию женского движения, о распространении православия в Канаде на рубеже XIX–XX веков, миротворчестве во внешней политике Л. Пирсона, советско-канадских отношениях и др.

Ряд докладов был посвящён злободневным проблемам, прежде всего влиянию пандемии на экономическое и политическое развитие Канады на федеральном и региональном уровнях. Не осталась неосвещённой и тема обнаружения безымянных захоронений на территориях индейских школ-интернатов.

Помимо этого обсуждались различные аспекты северной политики Канады и её военной стратегии в Арктике; современное состояние российско-канадских отношений, вопросы экономического развития Канады; её роль и место в процессе регионализации международных отношений; политика Оттавы в области экологии и климата, цифровая стратегия Канады, особенности жизни «канадского сообщества» в Москве и за её пределами.

Большой блок докладов был посвящён вопросам культуры и образования – трансформации канадских университетов в ответ на вызовы XXI века, роли канадских музеев в сохранении памяти о северных конвоях, кинематографу коренных народов Арктики, зимним темам в авторской песне Квебека, дизайну в современной Канаде, художественному наследию русских эмигрантов в Стране кленового листа.

На второй день конференции по завершении секционных заседаний состоялся круглый стол, на котором обсуждались внеочередные всеобщие выборы в Канаде, прошедшие 20 сентября 2021 г. Участники выделили особенности последней предвыборной кампании и сделали прогнозы относительно внутренней и внешней политики Канады в кратко- и среднесрочной перспективе.

В рамках Восьмых канадских чтений работала и студенческая секция, в ходе которой были заслушаны доклады студентов из Санкт-Петербурга и Казани.

Конференция показала, что география российского канадоведения постепенно расширяется. Вчерашние студенты превращаются в высококвалифицированных молодых специалистов и включаются в исследования старших коллег. И это даёт надежду на то, что проведение таких мероприятий в Санкт-Петербургском университете будет востребовано и в дальнейшем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

История Канады, 2021 / Под ред. Крейга Брауна. Науч. ред. Ю.Г. Акимов. М.: Весь мир. 656 с.

REFERENCES

Istoriia Kanady [The History of Canada] (In Russ., translated from English). Ed. by Craig Brown, 2021. Moscow: Ves' mir. 656 p.

Brown C., ed., 2012. *The Illustrated History of Canada*. 25th Anniversary Edition. Kingston, Ont.: McGill-Queen's University Press, 2012. 704 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АКИМОВ Юрий Германович, доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

Российская Федерация, Санкт-Петербург. Университетская набережная, д. 7-9.

МИНКОВА Кристина Владимировна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

Российская Федерация, Санкт-Петербург. Университетская набережная, д. 7-9.

Yury G. Akimov, Doc. of Sc. (History), Full Professor at the Department of American Studies, Saint-Petersburg State University.

7-9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation.

Kristina V. MINKOVA, Cand. of Sc. (History), Senior Lecturer at the Department of American Studies, Saint-Petersburg State University.

7-9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 15.10.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 20.10.2021.

Статья принята к публикации / Accepted 23.10.2021.

Содержание журнала за 2021 год

Аганин А.Р. «Племенная дипломатия» на Ближнем Востоке: опыт США в Ираке, №7

Акимов Ю.Г. От «Кленовой весны» к «третьему пути»: внутриполитическое развитие Квебека в 2010-е годы, №10

Акимов Ю.Г., Минкова К.В. Восьмые Канадские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете, №12

Акмалов Ш.И. Партнёрство США и Индии в стабилизации ситуации в Афганистане: подходы Нью-Дели, №2

Анашкина Е.Б. Интеграция государств Центральной Азии и позиция США, №4

Артамонова У.З. Пандемия COVID-19: вызовы и возможности для публичной дипломатии России и США, №6

Архангельский И.Ю. Политический контроль, иностранного капитала в США, №1

Бабич С.Н. Особенности проекта федерального бюджета США на 2022 финансовый год, №11

Батюк В.И. Американские оценки военного потенциала Российской Федерации, №3

Бобкин Н.Н. Стратегия администрации Трампа в отношении арабских государств Персидского залива, №7

Бобкин Н.Н. Политика США в отношении миротворческих операций ООН, №9

Бунина А.А. Соперничество и сотрудничество России и США в атомной энергетике, №9

Васильев В.С. Федеральные финансы США: нарастание структурной неэффективности, №10

Володин Д.А. Канада и проблема суверенитета в Арктике в 1950–1960-е годы: от суверенитета над сушей к суверенитету над морским пространством, №9

Волошина А.В. Китайско-американские отношения: эволюция с 2008 по 2021 г., №8

Воробьёв Д.Н. Идеинные истоки движения «Жизни чёрных имеют значение», №12

Гегегашвили Н.А., Модникова И.В. Узбекистан и Казахстан – фокусные государства Центральной Азии в политике Вашингтона, №5

Гегелашвили Н.А. Приоритетность стран постсоветского пространства в политике администрации Дж. Байдена, №12

Графов Д.Б. Лоббирование в США интересов Египта при президенте Абдель Фаттах ас-Сиси, №1

Давыдов А.С. КНР – США – Россия: факторы геополитического соперничества, №8

Давыдов А.Ю. Экономический цикл США в условиях пандемии, №8

Дмитриев С.С. «Американский план создания рабочих мест» с антикитайским акцентом, №12

Евсеев А.С. Инициативы США на латиноамериканском направлении: проблемы и перспективы, №7

Евсеев А.С. Подходы России и США к разрешению конфликта в Йемене: сравнительный анализ, №11

Есин В.И. Продление Договора СНВ-3 в контексте ключевых вызовов стратегической стабильности, №4

Забузов О.Р. Сравнительный анализ политической урбанизации в США и Канаде, №2

Зберя В.А. Некоторые аспекты оборонной политики Канады и США в Арктике (2000-2020 гг.), №4

Израелян Е.В. Канадские консерваторы сегодня, №8

Кислицин С.В. Республиканская партия США и проблемы идентичности, №9

Клименко А.Ф. Факторы стратегического партнёрства России и Китая: сдерживание США или провокация? №8

Кодзоев М. А.-М. Латиноамериканская политика администрации Дж. Байдена: первые шаги, №7

Козлов В.О. Идеология финансово-промышленной олигархии США конца XIX – начала XX века, №1

Козлов В.О., Бочарова А.П. Пути развития отношений США и Китая в контексте дискурса американских элит, №10

Козлов К.В. Упадок «мягкой силы» США, №10

Комкова Е.Г. Отношения с Россией в канадском академическом дискурсе, №4

Комкова Е.Г. ЮСМКА при администрациях Д. Трампа и Дж. Байдена: сходство и различия в подходах, №7

Коротких А.А. Основные каналы прямого сбыта сельскохозяйственной продукции в США, №8

Косторниченко В.Н., Сирватко П.А. Фронтир: генезис, основные положения, развитие (историографический очерк), №2

Кудеярова Н.Ю. Миграционная проблематика в американо-латиноамериканских отношениях (конфликты и решения), №7

Кустанович К.В. Имплицитные выборы: эмигранты из России голосуют за Трампа, №2

Лебедева Л.Ф. Пенсионные стратегии американцев: риски и перспективы третьего десятилетия, №2

Лузянин С.Г. Китайско-американские отношения после Д. Трампа: оценки, подходы, перспективы, №8

Манухин А.А. Политика США в отношении стран Северного треугольника как пример регионального подхода к оказанию внешней помощи, №8

Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Связь расовой идентичности и языка в американской идеологии, №12

Меньшикова А.М. Особенности внешне-торговой политики демократической администрации Дж. Байдена, № 11

Меньшикова А.М. Перспективы развития торгово-экономических отношений

США с ЕС при администрации Джо Байдена, №8

Немова Л.А. «Бюджет восстановления»: экономическая программа правительства Канады на 2021-2022 годы, № 11

Овчинников О.Г. Современные тенденции развития аграрного сектора и аграрной политики, № 9–11

Пан Давэй Сближение Китая и России как результат эндогенных движущих сил, №3

Пархоменко В.К. АФРИКОМ против Эболы, № 11

Патрон П.А., Пехальский Д.И. Финансовая инклюзия как фактор экономического роста в США и других развитых странах, №10

Переверзева М.В. Специфика телеоперы как нового формата старого жанра, №3

Полежаева Н.А. Волна бизнес-банкротств как следствие пандемии Covid-19 в США, №5

Пороховский А.А. Американский экономический кризис 2020–2021 гг.: циклические и нециклические факторы, №6

Портной М.А. Полвека после Бреттон-Вудса: доллар против единой мировой валюты, №7

Приходько О.В. Внешняя политика США на пороге нового этапа, №2

Пятаков А.Н. Роль военно-гражданских каналов во взаимодействии США и стран Латинской Америки в контексте пандемии, №7

Райков Ю.А. Космический меч Вашингтона: противостояние на орбите, №1

Рекомендации участников диалога экспертов по сокращению рисков военной конфронтации между Россией и НАТО в Европе, №1

Рогов С.М. Американо-китайское противоборство и Россия, №8

Рогов С.М., Громыко А.А. «Диалог “Россия – НАТО”. Как снизить напряжённость и избежать кризисов», №1

Розанова Н.М. Антимонопольная политика в XXI веке: ответ США на вызовы цифровой экономики, №6

Садаков Д.А. Политика США по нуклеаризации Корейского полуострова в 1956–1957 гг., №3

Самуйлов С.М. О кадровом составе и особенностях внешнеполитической команды демократов, №5

Сардар А. Приоритеты деятельности групп интересов в политической практике США, №6

Сауткина В.А. Телемедицинские технологии в США: социальные детерминанты развития, №4

Себрюк А.Н. Кризис идентичности в еврейской американской литературе (на примере рассказа Б. Маламуда «Беженец из Германии»), №10

Селянин Я.В. Разведсообщество США и искусственный интеллект, №6

Сенников А.И. Иракский Курдистан в биполярном противостоянии СССР и США в международных кризисах 1960-х годов, №11

Сидоров А.А. Уроки энергетического противостояния эпохи холодной войны, №5

Синдеев А.А. Ревизия завершается? (о будущем американо-германских отношений), №11

Синдеев А.А. Трансформации Трансатлантического сотрудничества: США и ФРГ в НАТО (1980 г.), №5

Соколышник Л.М. Мейнстримные и популистские политические стратегии по выходу из системного глобального кризиса: случай США, №4

Солянова М.В. Новейший этап политики Канады в отношении КНР: переход к противостоянию? №12

Степанов А.С. Американские эксперты о противостоянии США – КНР, №9

Степанов А.С. Место США и коллективного Запада во внешнеполитических приоритетах России. *Рецензия на книгу А.К.*

Боброва «Концептуальные основы внешней политики России», №6

Степанова Н.В., Честнягина К.С. Гендерное измерение в сфере национальной безопасности США при администрации Дж. Байдена, №12

Студенцов В.Б. Мировоззрение «позитивно мыслящего» Дональда Трампа и его «воинства», №1

Судакова Н.А. Эволюция американского протекционизма: законодательство “Покупай американское” и особенности его применения, №11

Супян В.Б. Экономическая стратегия Дж. Байдена: возвращение «большого государства», №7

Супян Л.Ф. Экономика США после кризиса 2020 г.: перспективы восстановления, №4

Сургуладзе В.Ш. Американская политология в поисках «Русской идеи», №10

Таскаева С.В. Протекционизм и политика свободной торговли в современных внешнеторговых отношениях Китая и США, №3

Темирбаева Э.Ю. Договорные и абorigенные права коренных народов Канады, №5

Травкина Н.М. Президентские выборы 2020 г.: две страны, два президента, №3

Травкина Н.М. Администрация Дж. Байдена – К. Харрис: прежняя команда, новые должности (не считая регионов), №5

Трунов Ф.О. Эволюция военного присутствия США в Европе: пример ФРГ, №2

Фролов А.В. Администрация Дж. Байдена и иранская ядерная сделка, №7

Хисамутдинова Н.В., Хисамутдинов А.А. Корпоративная культура русских инженеров в Америке (на примере Ассоциации выпускников Харбинского технического института), №3

Цветкова Н.А. История и академическая деятельность кафедры американских исследований в Санкт-Петербургском госу-

дарственном университете (к 25-летию кафедры), №3

Цветкова Н.А., Федорова И.В. Дипломатия данных США: цели, механизм, содержание, №1

Цибиков В.А. Стратегия Вашингтона для Центральной Азии: инструменты реализации и воздействия на человеческий потенциал, №3

Чудинова К.О. Торгово-экономические отношения США и Японии: новые тенденции, №3

Шведова Н.А. Администрация Дж. Байдена: первые шаги, №6

Шведова Н.А. Здравоохранение в США и COVID-19: борьба продолжается, №12

Шлихтер А.А. Климатическая повестка демократов и использование в США природосберегающих технологий, №6

Штоюнда Е.М. Федерализм эпохи глобальной турбулентности (некоторые аспекты взаимодействия различных уровней

власти в США в период эпидемии коронавирусной инфекции), №4

Шумилина И.В. Иммиграционная реформа Дж. Байдена: «американская мечта» возрождается? №7

Юй Чжочао. Размышления об отношениях Китая и США, №9

Юнгблюд В.Т. Политический мейнстрим или прощальный марш аутсайдеров? № 12

46-й Президент Соединённых Штатов Америки, №2

49-й Вице-президент США, №2

К 80-летию Михаила Анатольевича Портного, №6

**Поздравление с юбилеем
Е.К. Рогульской, №8**

Михаил Анатольевич Портной, №12

Информация для авторов, № 1–11

Contents-2021

Aganin A.R. "Tribal Diplomacy" in the Middle East: U.S. Experience in Iraq, No.7

Akimov Y.G., Minkova K.V. Eighth Canadian Studies Conference at St Petersburg State University, No.12

Akimov Yu.G. From Maple Spring to the Third Way: Quebec Politics in 2010s, No.10

Akmalov S.I. U.S.-India Partnership to Stabilize Afghanistan: Approaches from New Delhi, No.2

Anashkina E.B. U.S. Foreign Policy Interests in the Integration of Central Asian States, No.4

Arkhangelsky I.Yu. Political Control of the Foreign Capital in the USA, No.1

Artamonova U.Z. COVID-19 pandemic: challenges and opportunities for Russian and American public diplomacy, No.6

Babich S.N. Features of the Project of the U.S. Federal Budget for Fiscal Year 2022, No.11

Batyuk V.I. American assessments of the military potential of the Russian Federation, No.3

Bobkin N.N. The Trump Administration's Strategy for the Arab States of the Persian Gulf, No.7

Bobkin N.N. U.S. Policy towards UN Peacekeeping Operations, No.9

Bunina A.A. US-Russia Rivalry and Cooperation in the Nuclear Energy Industry, No.9

Chudinova X.O. US-Japan Trade and Economic Relations: New Trends, No.3

Davydov A.S. PRC - USA - Russia: Factors of Geopolitical Rivalry, No.8

Davydov A.Yu. The US Economic Cycle during the Pandemic, No.8

Dmitriev S.S. "American Jobs Plan" with an Anti-Chinese Accent, No.12

Evseenko A.S. Russian and U.S. Approaches for the Yemen Conflict Resolving: A Comparative Analysis, No.11

Frolov A.V. The Biden Administration and the Iran Nuclear Deal, No.7

Gegelashvili N.A. U.S. Foreign Policy Priorities for Post-Soviet Countries and the Biden Administration, No.12

Gegelashvili N.A., Modnikova I.V. Uzbekistan and Kazakhstan as the Focal States of Central Asia in Washington Policies towards the Region, No.5

Grafov D.B. Lobbying the Interests of Egypt in the USA under the President Abdel Fattah el-Sisi, No.1

Issraelyan E.V. Canadian Conservatives Today, No.8

Khisamutdinova N.V., Khisamutdinov A.A. The Corporate Culture of Russian Engineers in America: Ex-ample of the Harbin Polytechnic Institute Alumni Association, No.3

Kislitsyn S.V. U.S. Republican Party and Issues of Identity, No.9

Klimenko A.F. Factors of Strategic Partnership between Russia and China: Deterrence of the U.S. or Provocation? No.8

Kodzoev M. A.-M. The Latin American Policy of the J. Biden Administration: Initial Steps, No.7

Komkova E.G. Relations with Russia in Canadian Academic Discourse, No.4

Komkova E.G. USMCA under Trump's and Biden's Administrations: Continuity and Divergence in Attitudes, No.7

Korotkikh A.A. Major Direct Marketing Channels for U.S. Agricultural Products, No.8

Kostornichenko V.N., Sirvatko P.A. Frontier: Theory genesis, main tenets, development (historiographical overview), No.2

Kozlov K.V. The Decline of the U.S. «Soft Power», No.10

Kozlov V.O. Ideology of the U.S. financial and industrial oligarchy of the late XIX - early XX century, No.1

Kozlov V.O., Bocharova A.P. Tracks of US-China Relations' Development in the Context of the discourse of the American elites, No.10

Kudeyarova N.Yu. Migration Issues in the U.S.-Latin American Relations (Conflicts and Solutions), No.7

Kustanovich K.V. Implicit Elections: Russian Émigrés Vote for Trump, No.2

Lebedeva L.F. American's Pension Strategies: Risks and Perspectives of the Third Decade, No.2

Luzyanin S.G. Sino-American Relations after D. Trump: Assessments, Approaches, Prospects, No.8

Manukhin A.A. The U.S. Policies towards the Northern Triangle Countries as an Example of Regional Approach to Providing Foreign Assistance, No.8

Marusenko M.A., Marusenko N.M. The relationship of racial identity and language in American ideology, No.12

Menshikova A.M. Features of Foreign Trade Policy of J. Biden's Democratic Administration, No.11

Menshikova A.M. Prospects for the Development of Trade and Economic Relations between the United States and the EU under the Joe Biden Administration, No.8

Nemova L.A. "A Recovery Budget": Canada's Government Economic Program for 2021-2022, No.11

Ovchinnikov O.G. Current Trends in the Development of the Agricultural Sector and Agricultural Policy, No.9-11

Pan Dawei Sino-Russian Rapprochement as a Result of Endogenous Driving Forces, No.3

Parkhomenko V.K. AFRICOM versus Ebola, No.11

Patron P.A., Pekhalskii D.I. Financial Inclusion as a Factor of Economic Growth in the United States and Other Developed Countries, No.10

Pereverzeva M.V. Specifics of Television Opera as New Form of Old Genre, No.3

Piatakov A.N. The Role of Military-Civil Channels in the Interaction between the United States and Latin America in the Context of the Pandemic, No.7

Polezhaeva N.A. The wave of business bankruptcies as a result of the COVID-19 pandemic in the US, No.5

Porokhovskiy A.A. American Economic Crisis of 2020-2021: Cyclical and Non-Cyclical Factors, No.6

Portnoy M.A. Half-century after Bretton Woods: Dollar vs Common Currency, No.7

Prikhodko O.V. U.S. Foreign Policy on the Verge of a New Path, No.2

Raikov Yu.A. Washington's Space Sword: Confrontation in the Orbit, No.1

Recommendations of the Participants of the Expert Dialogue on NATO–Russia Military Risk Reduction in Europe, No.1

S.M. Rogov, A.A. Gromyko. "Russia–NATO Dialogue". How to reduce tensions and avoid crises", No.1

Rogov S.M. The U.S. – China Competition and Russia, No.8

Rozanova N.M. Antimonopoly Policy in the 21st Century: US Response to the Challenges of the Digital Economy, No.6

Sadakov D.A. U.S. Policy on the Nuclearization of the Korean Peninsula in 1956-1957, No.3

Sardar A. Priorities of Interest Groups in U.S. political practice, No.6

Sautkina V.A. Telemedicine technologies in the United States: social determinants of development, No.4

Sebryuk A.N. The Loss of Self and Identity Crisis in Jewish American Literature: The Case of Bernard Malamud's The German Refugee, No.10

Selyanin Ya.V. U.S. Intelligence Community and Artificial Intelligence, No.6

Sennikov A.I. Iraqi Kurdistan in the Bipolar Confrontation between the USSR and the United States during the International Crises of the 1960s, No.11

Shlikhter A.A. Democratic Climate Agenda and US Environmental-Friendly Technologies, No.6

Shtoyunda Y.M. Federalism in the Era of Global Turbulence (A retrospective look at some aspects of the interaction of the U.S. government at different levels during the spread of the COVID-19 pandemic), No.4

Shumilina I.V. J. Biden's Immigration Reform: "The American Dream" Reborn? No.7

Shvedova N.A. Health Care in the United States and COVID-19: the Fight Continues, No.12

Shvedova N.A. J. Biden's Administration: The First Steps, No.6

Sidorov A.A. Lessons from the Cold War Energy Confrontation, No.5

Sindeev A.A. Is The Revision Nearing its End? (on the Future of US-German Relations), No.11

Sindeev A.A. Transformation of transatlantic cooperation: The United States and Germany in NATO (1980), No.5

Sokolshchik L.M. Mainstream and Populist Political Strategies to Emerge from the Global Systemic Crisis: The Case of the United States, No.4

Solyanova M.V. The Latest Stage of Canada's Policy Towards China: Transition to Confrontation? No.12

Stepanov A.S. The Issue of U.S.-China Confrontation in Experts' Discussions in the United States, No.9

Stepanov A.S. The United States and the Collective West in Russia's Foreign Policy Priorities. *Review of the book "The Conceptual Foundations of the Foreign Policy of Russia" by A.K. Bobrov*, No.6

Stepanova N.V., Chestnyagina K.S. Gender issue in the national security sphere under the Biden Administration, No.12

Studentsov V.B. Worldview of "Positive Thinking" of Donald Trump and His "Host", No.1

Sudakova N.A. The Evolution of American Protectionism: "Buy American" Legislation and Features of its Application, No.11

Supyan V.B. Joe Biden's Economic Strategy: the Return of "Big Government", No.7

Supyan V.B. The US Economy after 2020 crisis: prospects of recovery, No.4

Surguladze V.Sh. American Political Science in Search of the Russian Idea, No.10

Taskaeva S.V. Protectionism and Free Trade Policy in Contemporary China-US Foreign Trade Relations, No.3

Temirbaeva E.U. Indigenous Treaty Rights and Aboriginal Rights in Canada, No.5

Travkina N.M. 2020 US Presidential Elections: Two Countries, Two Presidents, No.3

Travkina N.M. J. Biden – K. Harris Administration: Former Team, New Positions (not counting the provincials), No.5

Trunov P.O. Evolution of the U.S. Military Presence in Europe: the Example of Germany, No.2

Tsibikov V.A. U.S. Strategy for Central Asia: Instruments of Implementation and Its Impact on Human Potential, No.3

Tsvetkova N.A. History and Academic Life at the American Studies Department at Saint-Petersburg State University (25th Anniversary of the American Studies Department), No.3

Tsvetkova N.A., Fedorova I.V. U.S. Data Diplomacy: Imperatives, Apparatus, and Scope, No.1

Vasiliev V.S. US Federal Finance: Growing Structural Inefficiency, No.10

Volodin D.A. Canada and the Problem of Sovereignty in the Arctic in 1950s-1960s: from Terrestrial to Maritime Sovereignty, No.9

Voloshina A.V. Sino-U.S. Relations: Evolution from 2008 to 2021, No.8

Yesin V.I. Extension of the New START Treaty amid key challenges to strategic stability, No.4

Yevseenko A.S. Latin America Focus of U.S. Foreign Policy Initiatives: Challenges and Prospects, No.7

Yi Zhochao. Reflections on China-US Relations, No.9

Yungblud V.T. Political mainstream or a farewell march of outsiders? No.12

Zabuzov O.N. Comparative Analysis of Political Urbanization in the USA and Canada, No.2

Zberya V.A. Some aspects of Canada and the United States Arctic Politics (2000-2020), No.4

Самуйлов S.M. On the Staff and Peculiarities of Democrats' New Foreign Policy's Team, No.5

46th President of the United States of America, No.2

49th Vice President of the United States of America, No.2

On the 80th anniversary of Mikhail A. Portnoy, No.6

Jubilee Greetings to E.K. Rogulskaya, No.8

M.A. Portnoy, No.12

Михаил Анатольевич Портной

7.06.1941 – 22.11.2021

22 ноября 2021 года в возрасте 80-ти лет ушёл из жизни Михаил Анатольевич Портной – главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, доктор экономических наук, профессор, известный учёный-американист, крупнейший специалист в стране в области международных валютно-кредитных отношений.

Михаил Анатольевич родился в городе Одинцово в 1941 г. В 1965-1969 гг. учился на экономическом факультете МГУ им. Ломоносова и одновременно работал на заводе им. Хруничева.

В 1969-м, после окончания университета, поступил в аспирантуру Института мировой экономики и международных отношений и в 1972 году защитил кандидатскую диссертацию

«Государственное регулирование экономического роста и платёжного баланса США».

За годы работы в ИМЭМО прошёл путь от младшего научного сотрудника до заведующего Отделом.

С 1989 года Михаил Анатольевич работал в Институте США и Канады РАН, здесь защитил докторскую диссертацию по теме «Мировое хозяйство и международные экономические отношения».

В 1993 году был на стажировке в Стэнфордском университете (Калифорния), неоднократно читал лекции в США.

Михаил Анатольевич был членом Ученого совета и Диссертационного совета ИСКРАН, членом редколлегии журналов «США & Канада: экономика, политика, культура» и «Россия и Америка в XXI веке».

М.А. Портной вёл активную преподавательскую работу. Он читал лекции на программах МВА в Академии народного хозяйства при Президенте РФ, Финансовом университете при Правительстве РФ и в МЭСИ, поддерживал научные и преподавательские контакты с ведущими экономическими вузами в Москве.

Все отмечали удивительное трудолюбие и работоспособность Михаила Анатольевича: у него вышло более 150 научных работ, в том числе 6 личных монографий, главы в коллективных трудах, статьи в крупных научных журналах, и каждый раз это была новая и уникальная работа. Но главной своей книгой он сам считал монографию «Деньги в национальном и мировом хозяйстве» (Магистр, 2017), в которой, как сам он говорил, ему «выпало решить несколько ключевых проблем экономической науки, относящихся к понятию и роли денег в экономике».

Михаил Анатольевич пользовался большим авторитетом и уважением коллег, всех кто его знал. Он был отзывчивым, доброжелательным, искренним человеком, всегда готовым прийти на помощь другим.

Коллектив Института США и Канады РАН и сотрудники редакции журнала выражают соболезнование родным и близким Михаила Анатольевича. Память о нем сохранится у всех, кто его знал.

Друзья и коллеги

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**
ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Лицензия на право ведения образовательной деятельности в сфере профессионального образования серия 90/01 № 0009385 от 09.08.2016 г. Свидетельство о государственной аккредитации № 3207 от 24.07.2019 г.

Осуществляет приём студентов очного (дневного) отделения по направлениям бакалавриата (срок обучения – 4 года):

- «**международные отношения**», направление подготовки: 41.03.05
- «**зарубежное регионоведение**», направление подготовки: 41.03.01

Приём проводится на основе конкурса по результатам сдачи ЕГЭ по предметам:

История России; Иностранный язык; Русский язык

по направлению **магистратуры** (срок обучения - 2 года)

- «**зарубежное регионоведение**» (**Американские исследования**), направление подготовки: 41.04.01

Приём проводится на основе конкурса по результатам сдачи экзамена по зарубежному регионоведению и по итогам собеседования.

Телефон приёмной комиссии: 8(499) 238-04-12.

Адрес факультета: 121814, Москва, переулок Хлебный, д. 2/3. (м. «Арбатская»); 109004, Москва, переулок Тетеринский, д. 12, стр. 5 (м. «Таганская»)

Сайт факультета: www.fmp.redline.ru, www.iskran.ru

Сайт ГАУГН: www.gaugn.ru

Электронный адрес: worldpolitics@mail.ru

Факультет мировой политики (ФМП) ГАУГН основан в 2000 г. на базе **Института США и Канады РАН (ИСКРАН)** – ведущего российского научного центра в области американских исследований, канадоведения, международных отношений и международной безопасности. Декан факультета – научный руководитель ИСКРАН, академик РАН С.М.Рогов. Факультет входит в структуру Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) – высшего учебного заведения, созданного благодаря сотрудничеству Российской академии наук и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Президент ГАУГН – академик РАН, профессор А.О. Чубарьян, ректор – Д.В. Фомин-Нилов. В ГАУГН действуют 10 факультетов, каждый из которых базируется в профильном институте РАН.

Учебные планы и программы обучения, составленные на основе государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования по направлениям бакалавриата и магистратуры “Зарубежное регионоведение” и “Международные отношения”, предусматривают изучение общих гуманитарных, естественнонаучных, профессиональных и специальных дисциплин, предметов по выбору студента, а также дополнительных и факультативных дисциплин.

Специфика ИСКРАН, активно участвующего в процессе формирования внешней политики России, дает студентам факультета уникальную возможность приобщиться к практике экономического и политического анализа и консультирования, ориентированных на реализацию внешнеполитических интересов России.

Основу профессорско-преподавательского состава ФМП составляют научные сотрудники Института США и Канады РАН. Многие из них имеют многолетний опыт научной и педагогической работы в МГИМО (У) МИД РФ, МГУ, МГЛУ, а также в ведущих университетах США и стран Западной Европы.

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

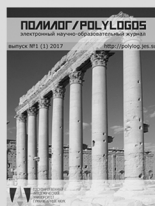
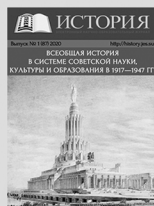
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**